

18+

Бабы Дурры

Эра Рок

Эпоха Век

Рок Эра
Бабы дуры

«Издательские решения»

Эра Р.

Бабы дуры / Р. Эра — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983700-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Согласитесь со мной, мои дорогие читатели, разве может написать что-то толковое, весёлое, поучительное тот, кто сам не испытал всё на себе? Постоянное, неутомимое стремление преодолеть бесконечный шлейф неудач принесло свои плоды. Не без участия в моей жизни мистики и помощи Высших сил. Но главное — распознать знаки, посылаемые нам судьбой. Я научилась их понимать и этим знанием хочу поделиться с вами.

ISBN 978-5-44-983700-4

© Эра Р.

© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	55
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Бабы дуры

Рок Эра Эпоха Век

Дизайнер обложки Alan Grand

© Рок Эра, 2020

© Эпоха Век, 2020

© Alan Grand, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3700-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга «Бабы-дуры» – эхо нашей современности. Она никого не учит, как жить и поступать, а ненавязчиво подсказывает ответы на жизненные вопросы. Героини с юмором преодолевают препятствия судьбы. Лёгкая по содержанию книга, в ней, как в жизни весёлое переплетается с грустным, отчаяние с надеждой, боль с радостью. Где мистика, где реальность – каждый поймёт по-своему. Эра Рок и Эпоха Век философски подошли к написанию книги и тем самым нашли ключ к рядовому читателю.

КНИГА ПЕРВАЯ

Бабы – дуры

(из цикла судьба не приговор)

Не молитесь богу о справедливости, если бы он был
справедлив, ко всем то давно бы наказал просящего:
Ибо безгрешных людей нет на планете земля.

Глава 1

Мадам

«Не слишком ли быстро я бегу?! И прыть такая молодецкая, как пить дать к финишу первая примчусь! А может всё гораздо проще – боюсь остановиться и сбить дыхание, да и вдруг, чуть тормознёшь и ноги, после такой гонки, перестанут слушаться? Шмякнусь об землю всем своим тельцем аппетитным и поползу, яки змея, выдыхая хрипы из дряблых легких, будто лошадь загнанная. А тут меня под белы рученьки подымут и к ответу призовут: «а знаешь кошка, чьё мясо ukrала? Поделом тебе, старая». Бегом к инфаркту – самое гуманное для меня наказание, чем от стыда сгореть, когда перед скопищем людей меня позорить будут, будто кошку нашкодившую. Далась мне эта кошка? Не зря говорят, что к старости остроумие истощается. Да чего это я себя в старухи записала? Сорок пять – баба ягодка опять. Да ой ли? Скажи это тем, кто помоложе, засмеют! Это ты для себя ещё о-го-го, а для них уже – птеродактиль. Хотя товарки мои, Таисия с Зоськой завидуют моей «молодости». Татарочке Таисии -то весной 54 отгуляли, весело было, ничего не скажешь, вот только драка была лишней, но, увы, необходимой. А казачке Зоське в середине лета 63 справили, на её именинах тоже скучать не пришлось, правда, настойка брусничная под утро лишняя была. Стыдоба, вроде солидные, приличные дамы, а наклюкались, как пьянчужки подзаборные. А чего уж там, мы и есть такие, не, не пьянчужки, а бомжихи – дамы без определённого места жительства. Каждую из нас побила судьба, да, слава богу, ни чувства юмора, ни собственного достоинства не потеряли. Выживаем, как можем. На своё день рождение я подружкам сюрприз устрою, чтобы всё чин-чинарём было, прилично, торт со свечками, девонькам платья сварганим, и шампанское, непременно шампанское! Обожаю его! Эх, где вы мои золотые денёчки, где шампанское было вместо лимонада? Чёрт, как же так вышло со мной? Хватит, опять причитать начала, что вышло, то вышло.

Ты, матушка, газуй давай, не расслабляйся, чтобы тебя не догнали, да пилюлей не навалили. Вроде позади шума погони не слышно, обошлось. Да и то верно, разве мой ангел-хранитель, что всю жизнь меня своими крылышками от невзгод закрывал, может допустить сейчас кровавую расправу надо мной? Боженька добрый, он знает о моих нынешних трудностях, если бы не так, была бы я белой и пушистой, готовила кашки внукам, задницы им подтирала, да сериальчики по телевизору смотрела. Может, и работку бы по душе нашла, в театре, например. Не актрисой, на сцену меня бы никто не пустил, хотя все всегда говорили, что спит во мне великая актриса. Да рассыпался на запчасти будильник, который мог разбудить её. Так в гардеробе бы посиживала, книжечки почитывала, да сплетни про актёрскую жизнь перемальвала. О, мать моя женщина, не могу больше, остановлюсь, иначе так на бегу и сдохну. Нет, не сейчас, вон за тем углом, оглянуться бы, посмотреть, но не могу, душа в пятки уходит. Давай-давай, ещё чуть-чуть. Обратный отсчёт, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, раз, всё держи глаза, пока не вылезли. Ууууууух, вдох-выдох, вдох-выдох. Теперь, как сучка, выгляни из-за угла, да не так явно, дура старая, чтоб мордой лица на кулаки преследователей не напороться. Гляди-ка, никого нет, фу-х, обошлось и на этот раз. Всё, отдыхайся и домой, в наш особнячок, терем-теремок, заждались поди подруженьки, знаю, они всегда переживают, когда я одна на «дело» ухожу».

– Явилась, Мадам, думали, кинула нас.

Посреди комнаты стояла худенькая женщина невысокого роста, восточный разрез глаз которой говорил сам за себя, густые волосы, собранные в тяжёлый, даже на взгляд, пучок на затылке, некогда иссиня-чёрные, как вороново крыло, теперь были пепельно-стального цвета. Не смотря на возраст, женщина ещё сохранила остатки былой особенной красоты, длинный, шёлковый халат в японском стиле, изрядно полинявший, заштопанный в нескольких местах был явно ей дорог и подчёркивал всё ещё безупречную фигуру без намёка на полноту.

Самым удивительным было то, что на ногах женщины были изящные модельные туфли на... шпильках. Высокий каблук нисколько не смущал её, а был скорее более удобным, чем домашние шлёпанцы. Она радостно потирала руки, разглядывая внушительный пластиковый пакет с оторванными от тяжести поклажи ручками и, переведя взгляд на Мадам, уже более миролюбивым тоном, сказала:

– Умаялась, поди, шутка ли, весь банкетный стол обшнырять, надеюсь, без приключений обошлось? Вот и славно. Чего стоишь, как вкопанная, чай, домой пришла? Руки к пакету пристыли? Ставь на стол да раздевайся, мы воду уже два раза грели. Иди, помойся, грязь буржуинскую смой, сразу полегчает. Упрела, даже кудряшки ко лбу прилипли, так поспешала. Я на стол сама накрою. Зось Марковна, уснула, что ли? Помоги Мадам, быстрее за стол сядем, праздник справлять.

– Да у тебя что ни день, то праздник.

Ворчливый, шепелявый голос раздался из соседней комнаты. Отворив добротную, модную дверь, в комнату, переваливаясь, как утка, вошла ба-бень внушительных размеров. Рыжие, редкие волосюшки выбивались из-под застиранного платка, грудь, неподдержанная бюстгалтером, свободно бултыхалась в районе пупка. Стоптаные тапочки сорок пятого размера были даже чуть маловаты.

– Неча над моими здоровыми нервами потешаться, это вы, будто, свиристёлки молодые за полночь болтать можете, кровать для сна люди придумали, вот я и использую её по назначению, легла-уснула и весь фик до копейки. Вот как-нибудь оттаскаю вас за волосья, когда в очередной раз хихиканьем своим меня разбудите.

– Ой, да кто тебя боится, – Таисия поставила руки в боки, – я из дому родного ушла, потому что мне выросшие детишки место указывали и не для того, чтобы тебя выслушивать. Ровня мы и баста.

– Девочки, не ссорьтесь, – Мадам как всегда выступила арбитражным судьёй, – хоть бы пожалели меня, замученную. Сегодня наш кусок хлеба нелегко достался, даже будущая тёща за мной в погоню устремилась, орала, будто я у неё мужа увела. Бедный женишок, ума ни на грош, ведь первая заповедь для парня как гласит – посмотри на будущую тёщу и подумай, нужно ли жениться, ведь все дочери рано или поздно на своих матерей становятся похожи. А, судя по всему, заповедью этой он пренебрёг.

– Неужто такая злыдня? – в один голос спросили Таисия и Зося.

– О, ещё какая, позже расскажу, по-моему, я её знаю, из давнего-далека, как бы не со школьной парты. Который сейчас час? – вопрос был задан уже из ванной комнаты.

– 2.15 по полуночи, – подслеповато щурясь ответила Зося, щёлкнув крышкой старинных круглых часов на цепочке, что была пристёгнута на большом кольце к безрукавке, – так когда там Илья-пророк в воду пописал?

– В шесть утра, – чётко выговаривая слова, ответила Таисия, – у тебя с памятью плохо?

– Да тебе с моей памятью ещё потягаться, – буркнула Зося, – можно и вздремнуть.

– Вот уж тебе на руку, нет, чтобы поговорить о чём-нибудь, – всплеснула руками Таисия, – можно и днём выспаться, всё равно день пролетный.

– Да о чём с вами ещё болтать? Всё уже переговорено давно, – махнула рукой Зося, – мне ваши мечты слушать так смешно, что давление подскакивает. А вот день вовсе не пролётный, у меня в записной книжке пунктик на сегодняшней день есть – презентация ресторана в четырнадцать нуль-нуль.

– А мы-то к нему каким боком?

– А самым прямым, всё-то вас учить? И что б вы без меня делали? С людьми общаться надо, не самой болтать, а больше слушать, сведенья собирать. Нашлись свои люди на кухне, так что, не расслабляться.

– Да нам этой еды на два дня хватит, что ж напрягаться-то, – пожала плечами Таисия.

- Запас ещё никому карман не оттягивал, – подытожила Зося, тяжело садясь в кресло.
- Ох и хорошо!

Мадам после ванны выглядела посвежевшей, чистые мокрые волосы, тронутые сединой, крупными завитушками лежали на плечах. Розовые щёчки, голубые, бездонные глаза, пухленькие губки, может и правы люди, что в сорок пять женщина расцветает особым шармом?

– Гляди, Таисия, Мадам прямо как новая копейка, лет двадцать после ванны сбросила и зачем бабы пластические операции делают? Вода – вот залог молодости!

– Это, Зось Марковна, всё твои травы – отвары делают, вторую жизнь стареющей коже дают.

Мадам сделала несколько массажных движений по щекам и подбородку.

– Батюшки-матушки, слыхала, Таисия? Молодуха о старости заговорила! Да в твоём возрасте только и можно вздохнуть полной грудью, а от этого и кожа молодеет.

– Вот за что я вас люблю, Зося Марковна, что умеете слова приятные найти, – улыбнулась Мадам, – поди, Таисие говорите, что после пятидесяти всё только начинается?

– Ой, девчонка ты совсем, неужто трудно человеку доброе слово сказать, мне ничего не стоит, а людям приятно.

– Дали бы мне рецептик свой волшебный, как и какие травы смешивать, сколько уж прошу, – Мадам капризно надула губки.

– А толку? – пожалала плечами Таисия, – у тебя специфика слюны другая.

– А это причём? – подняла брови Мадам.

– Марковна всегда в свои отвары плюёт, оттого и помогают, – Таисия заметила, как Мадам сморщила нос и перевела разговор в другое русло, – забыла вам сказать, вчера соседку свою видела, Машку, ну ту, красотку высокомерную, помните? Из-за неё у меня жизнь изменилась, она с моим мужем вторым шуры-муры крутила. Хоть и не сложилось у них, но и нашу семью разрушила. Так я ей говорю: «здравствуй, Мария Фёдоровна, как дела, как здоровье?». Она сконфузилась, скукожилась, как старый башмак и начала бормотать, что, мол, одна живёт, здоровье ни к чёрту, под сокращение на работе попала, даже до пенсии не дали доработать. А мне что-то и не по себе стало, она так...

– Всё ясно, можно сказать в одной фразе: «соперница так постарела и пострашнела, смотреть приятно».

Марковна и Мадам рассмеялись, а Таисия нахмурилась:

– Честно сказать, мне, почему-то стало её жалко, глаза у неё словно у побитой собаки.

– Боженька всё видит, за дела наши нам и расплата, – Зося Марковна перекрестилась.

– И то правда, господь с ней, ну что ж, уважаемые, прошу за стол.

Как гостеприимная хозяйка Таисия указала рукой на накрытый стол.

– Матерь божья, – всплеснула руками Марковна, – как же тебе, девонька это удалось?! Всё чистенькое, аккуратненькое, будто из супермаркета. Давненько мы так культурно не питались, если бы я не знала, что у тебя ни копейки не было, подумала бы, что ты всё это купила в ночном магазине, не зря, видать, сегодня на тебя жребий выпал, – женщина смахнула слезу, – наверху знают, кого посылать. Жаль, что судьба так с тобой обошлась, не для такой жизни ты на этот свет пришла.

– А, не жалеите меня, – Мадам махнула рукой, – меня моя нынешняя жизнь устраивает.

– Вот в чём твоя беда, ты не умеешь различить, кто тебя жалеет, а кто о тебе беспокоится, «Абсолют», неплохо, – Таисья налила в рюмки водку и подняла свою, – давайте выпьем, подружки, а то на сухую как-то плохо философии разводить. Гляди, Марковна, пироженки-то какие маленькие, сладенькие, так и просятся в рот.

– Секунда сладкая на губах, всю жизнь на бёдрах, – подняв палец вверх, сказала Мадам.

– Ты это на мои формы что ли намекаешь? – нахмурилась Марковна, – настоящие, мужчины пухленьких любят! Суповые наборы, не будем показывать пальцем, только слабых кобельков интересуют.

– То-то я смотрю, что за нашей Марковной возле дома толпы выстроились, – беззлобно фыркнула Таисия, – давайте, дорогие, за праздник, да за наше здоровье.

Но начинающееся веселье прервал отчётливый в ночной тишине звук тормозов под окнами.

– Ой, кто это? Неужто племянник приехал, не предупредил, говорил, что можем тут жить, сколько угодно, жилой дом и воров не прельщает.

– Может, решил от жены сгулять, с бабой приехал? – предположила Таисия.

– Предупредил бы, мобильный-то мне он оставлял специально, чтоб, в случае чего, можно было связаться. Да с его-то деньгами можно в любой гостинице номер с обслугой снять. Погасите-ка свет, посмотрим, что за ночные визитёры.

Всё трое прилипли к окну.

– Джип, разве у твоего племянника такая машина была?

– Нет, другая, хоть я в этих названиях и не разбираюсь.

– Может, купил новую? А почему никто из машины не выходит? —

Мадам щурилась, пытаясь разглядеть номер машины.

– Или адресом ошиблись, или лихой человек, говорила вам, надо собаку завести, здоровую, чтобы по ночам по двору бегала, – Таисия добавила несколько ядрёных ругательств.

– Не лайся, здесь окна и двери бронированные, подвал, как бункер для Сталина, забыла, где мой племянник работает? Смотрите, две девки из машины вышли, на дом показывают, к воротам идут. Поняла я, – Зося хлопнула себя по бедру, – Мадам, это по твою душу, не иначе гадать или ещё за каким мракобесием идут. Я, не так давно, тебе рекламу давала.

– Среди торговцев на рынке, что ли? Они на таких машинах не ездят.

– Да это когда у племянника на банкете его очередную звёздочку обмывали, я там в подпитьи бабёнок вокруг себя собрала, ну этих всяких, жёнущек генеральских да полковничьих, да расписала тебя, как великую провидицу и колдунью.

– Что и цену называла? – заинтересовалась Таисия.

– Нет, сказала только, что дорого и после полуночи, мол, в ночное время у тебя лучше всего получается. Да это я так, и не думала, что кто-то клюнет.

– Так, ясно, чудненько, – Таисия потёрла руки и начала давать распоряжения, – Марковна, в кресло садись, ноги пледом укрой да книгу возьми потолще, «Войну и мир», что ли, прикинься, что читаешь, да смотри, чтоб обложку не видно было. Мадам, одевай свой балахон с капюшоном, принимать будешь в маленькой комнате, там в аккурат свечи, картины, да шторы бархатные на все окна и стены. Карты захвати, я после нашего вчерашнего «дурака», как чувствовала, на видное место их положила. Марковна, когда я мимо тебя девчат буду проводить, не обращай внимания, делай вид, что занята чтением. Молодёжь сейчас равнодушие ценит больше, чем внимание.

Таисия закрыла дверь в кухню, чтобы ароматы с накрытого стола не смущали поздних визитёров. Одёрнула халат, поправила причёску и пошла к дверям. Свет из комнаты через распахнутую дверь осветил двух девушек, одна была повыше ростом и помоложе, другая на голову ниже первой и постарше. Перебивая друг друга, ночные гости начали объяснять цель своего визита. Таисия подняла руку, останавливая словесный поток.

– Успокойтесь, ваши ангелы давно предупредили нас о вашем приходе, мы вас ждали. Мы простые люди, как и вы, только наделены паранор-мальными способностями, ну с кем не бывает? – Таисия улыбнулась, – говорите по одному.

Девушки в один голос ойкнули и младшая, сжав руку старшей, прошептала:

– Я же говорила, что нам тут помогут.

«Ага, попались рыбки в сети, отлично!» Таисия едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши и тут же в её голове выстроилась финансовая комбинация.

– Гадание стоит 900 рублей..., – Таисия заметила, что девушки нормально восприняли цену и тут же сообразила, – на одного.

– Конечно, конечно, мы заплатим, – затараторили девушки.

«Чёрт, смотри-ка на них, даже бровки не дёрнулись, думала, загнула, а оно вон как, конечно, на такой машине на зарплату бухгалтера не поездишь, ну, мать, с богом» Таисия начала атаку:

– Приворот любимого, да и нелюбимого – шесть тысяч, – полное спокойствие визитёрш, – налаживание судьбы, заставить энергии фортуны, удачи, успеха, гениальности, везения и провидения работать на вас – девять тысяч с каждой.

Девушки безмолвствовали, но не пугались. «Так, чудненько, да за такие деньги я бухгалтером полгода свои глаза и мозги терроризировала, ну, эта цифра их точно с ног сшибёт».

– За устранение соперницы – восемнадцать сразу и восемнадцать после, от духов откупиться, чтобы вам не вредили.

Таисия любовалась сама собой «ну, мать, ты гений, я горжусь тобой! Так, сказала на выбор, вроде, ничего не забыла, что-то из этого им явно пригодиться, ну-с, голубки, отвечайте мне, чего надо?». Первой открыла рот младшая, карие глазки, волосы крашенные в салоне в каштановый цвет с тонким мелированием, чётко очерченные губки мерцали дорогой помадой. Уж в чём в чём, а в косметике Таисия разбиралась отлично.

– А маг будет нас принимать по одной?

– Не маг, а колдунья, точнее, жрица радужной воды в девятом поколении, – многозначительно закатив глаза, сказала Таисия, – нет, она будет принимать вас по очереди, одна будет ждать на улице, в машине, чтобы её энергия и излучение не мешала производить ритуал.

– Я первая! – молодая захлопала в ладоши и даже запрыгала на месте, но тут же угомонилась под суровым взглядом Таисии.

Зоя Марковна за всё время разговора Таисии и девушек никак не проявила себя, сидела тихо, уставившись в книгу. «Дрыхнет, небось, лишь бы не захрапела, а то конфуз получится» молила бога Таисия, бросив мимолётный взгляд на товарку.

– Что ж, очередь установлена, как вас зовут?

– Аля, – молодая девушка сделала шаг вперёд.

– А вас попрошу, – Таисия распахнула двери перед той, что старше, та беспрекословно вышла.

– Так с какой просьбой вы к нам пришли? – Таисия не мигающим взглядом уставилась в глаза Але.

– Меня интересует всё, что вы предложили, – Аля не смогла долго вытерпеть взгляд Таисии и, опустив глаза, прошептала, – всё сразу нельзя?

– Однако, аппетиты у вас, милое создание, – девушка услышала в тоне Таисии так необходимое ей ободрение и снова захлопала в ладоши.

– Ведите себя спокойнее, магия не терпит суеты, духи уже здесь и они размышляют.

К чему Таисия сказала о духах, она сама не знала, но получилось внушительно.

– Аля, давайте посчитаем.

– Здесь пятьдесят тысяч, – девушка дрожащей рукой достала из Маленькой сумочки пачку денег, – ой, надо же ещё две, сейчас, сейчас.

В руке мелькнул кошелек из крокодиловой кожи и к пачке денег были приложены ещё две тысячи рублей.

– За устранение соперницы вторую часть после, – Таисия, как зачарованная, смотрела на деньги и сама от себя не ожидала, что ляпнет подобное.

– Ой, да что вы, я лучше вперёд, чтобы уж наверняка, – замахала руками Аля.

– Пойдёмте, – Таисия взяла деньги положила их в карман своего халата.

Мадам сидела за небольшим столиком, на котором горели три свечи в старинном подсвечнике, стояла невесть откуда взявшиеся по виду стеклянная пирамида и стеклянный шар на подставке. Мадам в накинутом на голову капюшоне выглядела более чем убедительно.

– Садитесь, Аля, – «колдунья» указала вошедшей на стул, стоящий на-против стола, – у вас старинное красивое имя, записанное в магических книгах, как «добывающаяся своего». Девушка, на полусогнутых, подошла к стулу и опустилась на самый край. Мадам, откинув капюшон, Немигающим взглядом уставилась на девушку и сделала многозначительную паузу, вспомнив слова одного из знаменитых режиссеров «чем больше артист, тем больше его пауза». На самом же деле, Мадам сама пребывала в полном оцепенении и смотрела поверх головы посетительницы на Таисию, которая, выпучив глаза, трясла пачкой денег и жестом давала понять, что вторая такая же «башлёвая». Но что от неё требуется? Как узнать от Таисии, чтобы не потерять марку?

– У вас ещё что-то? – слава богу, слова были найдены.

– Извините, радужная колдунья, что отнимаю от сеанса ваше время, вы и сами всё знаете. Но уж очень мне понравилась это, – Таисия перевела дыхание, чтобы вымолвить смехотворное в этой ситуации слово, – невинное создание. Её сам ангел к нам сопроводил и от себя лично попрошу, верните Аляночке её любовь, устранили бестыжую соперницу, которая делает это дитя несчастной. Привлеките своих духов, чтобы как обычно сослужили вам службу и открыли врата для прохождения в этот мир конкретно к этой девочке фортуны, удачи, успеха и везения.

– Хорошо, я рада, что за такой большой промежуток времени вам кто-то понравился, сделаю всё. Даже карты брать не буду, чтобы не прогадать её судьбу, я и так вижу картины прошлого и будущего этой девочки. Можете идти.

Таисия подмигнула, потрясла деньгами, поцеловала их и... перекрестила Мадам. Та едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Опустив деньги снова в свой бездонный карман, Таисия вышла, тихонько притворив за собой дверь. «Ну-тесь, голубушка, давай, выкручивайся» подумала Мадам и, закатив глаза, снова ввела посетительницу в состояние ступора ожидания. Хвала памяти, она не подвела и пришла на помощь.

– Аля, мои требования таковы...

– Всё, что угодно, – прошептала Аля, с благоговением глядя на Мадам.

– Никогда и никому не рассказывай о том, что будет происходить здесь. Дежурные фразы, типа «советую воспользоваться, моё только для меня». Ложись на эту кушетку и полностью расслабься.

– Разумеется, я всё понимаю, – девушка приложила руку к груди и быстренько улеглась на кушетку, сделанную в викторианском стиле.

Мадам поблагодарила в душе племянника Марковны, что имеет пристрастие к изысканной мебели, но не могла понять своего настроения, её распирали смех от всего происходящего, но в то же время, немалые деньги в руках Таисии – Мадам тоже умела считать. «Одежонку подкупим, Марковна совсем поизносилась, да и так, кое-что по мелочи. О чём ты думаешь? Посмотри на девчонку, ребёнок совсем. Одетая, конечно, с иголочки, в глазах ожидание, дурочка, что ж тебе не живётся спокойно? Только, можно сказать, на свет вылупилась, а уже хочешь все его тайны узнать.

Эх, дети, дети, ну, милая, давай вспоминай, что, когда и где видела». На свою память Мадам ещё ни разу не пожаловалась, надеялась, что и сейчас она её не подведёт. За всю жизнь было просмотрено тысячи мистических и фантастических фильмов, немало было прочитано и книг такого же содержания. Она два раза делала попытки поступить в театральное училище, первый раз после восьмого класса, в Саратовское, второй, раз после десятого, в Щукинское. Сколько было выучено литературных отрывков, до сих пор она помнила практически всё. Попытки не увенчались успехом, то дикция подводила, то излишняя самоуверенность

в своей неординарности, а отсюда и неуместные дискуссии с членами приёмных комиссий. Так и не получилось из неё профессиональной актрисы, но поступать-то куда-то надо было? Вот и пошла в первое попавшееся – медицинское. Получив корочку, попала по распределению в психиатрическую больницу, опешила вначале, но с системой распределения молодых специалистов в коммунистической стране спорить было бесполезно. Думала, отработает положенное, да уйдёт тихонько. Главврач больницы, Иосиф Эдмундович предложил поработать секретарём при нём, пока его секретарша будет в декретном отпуске, согласилась, перспектива колоть больных «с приветом» молодую девушку совсем не прельщала. Но, как оказалось, ничего нет более постоянного, чем временное. Двадцать лет стажа на одном месте пролетели, как один день. Всякого насмотрелась за это время, столько историй невероятных, всяческих отклонений психических вдоволь услышала и увидела и если их записать, то потолще, чем всемирная энциклопедия могло получиться. Иосиф Эдмундович уже через полгода, пристально понаблюдав за ней, предложил плотно заняться психиатрией, подсовывал литературу, свои докторские диссертации, но Мадам отмахивалась. Учиться надо было долго, сидеть, карпеть, а это было не в её характере, ей всегда хотелось всего и сразу. А потом, когда навалились свои житейские проблемы, чтобы отвлечься от них, начала листать обширную библиотеку в кабинете главврача, даже интересно стало. Но... Иосиф Эдмундович при первой встрече был для неё древним стариком, за двадцать лет, естественно, не помолодел и, как водиться, смерть по старости не заставила себя ждать. Это была одна из самых горьких для неё потерь. Ни детей, ни жены у старика не было, хоронили его всем коллективом, женщины тихо плакали, да и мужчины вытирали скупые слёзы, хорошим был человеком Иосиф Эдмундович. Талантливым и добрым, с его умом мог и в Москве с лёгкостью прижиться, да только любимой его поговоркой была такая «где родился, там и пригодился». После похорон Мадам больше на работу не вышла, уволилась задним числом и больше уже нигде не работала. Свобода была для неё всегда дороже. Нынешняя жизнь её вполне устраивала, ни обязательств, ни забот, одно дело – где пропитание найти. Осуждение когда-то близких, а теперь, в силу некоторых обстоятельств, самых далёких, её не волновало. Просыпаться утром и не знать, что день грядущий ей готовит, уповать на бога и ангелов – вот истинное счастье. Происходящее сейчас можно было назвать аферой, но подспудно Мадам чувствовала, что справиться с этим на все «пять с плюсом», ибо самое главное – психологический настрой врача и пациента. А сейчас она полностью ощущала себя врачом, а эту девчущку – пациентом. «Что ж, Иосиф Эдмундович, помоги по старой памяти» мысленно попросила Мадам и начала говорить грудным, низким голосом:

– Закрой глаза и расслабься, все мысли из головы убрать, только мой голос, иди за ним, смотри только те картины, которые я буду описывать.

Левое полушарие головного мозга, логическое мышление полностью отключаются, правое полушарие головного мозга, творческое мышление впитывает в себя энергетическую силу полёта мечты, сознание ясное, подсознание глубинное. Силы чистой мысли, незаполненные знанием пустоты объединяются, мгла с третьего глаза спадёт, через родовое темечко за моим голосом астральное тело поднимается вверх.

Мадам не спускала глаз с девушки и, к своему удивлению, увидела – клиентка впала в глубокий, бессознательный транс. Едва не взвизгнув от радости и гордости за себя, Мадам потёрла свои руки, ставшие внезапно холодными, отметила, что невесть откуда взявшиеся слова произвели гораздо больший и быстрый эффект, чем даже у самого Иосифа Эдмундовича, но не забыла и поблагодарить его за то, что в своё время заставлял её присутствовать на своих сеансах психотерапии. «Что делать теперь? Настроить на позитив, внушить, что нужно делать и как поступать, добиваясь своей цели».

– Слушай, Аля, и запоминай. Сейчас ты находишься в разноцветной радуге, таких красивых переливов цветов ты ещё никогда не видела. Это палитра всего сущего на земле и именно здесь ты черпаешь свою силу. Ты видишь цвета?

– Да, они прекрасны, – тихий голос Али был монотонным, бесстрастным, что подтверждало – она в глубоком трансе, – мой язык беден, я не смогу описать, в каком прекрасном месте я нахожусь, пожалуйста, позвольте побыть здесь подольше.

– Слушай и запоминай, с тобой будет говорить твой небесный наставник и не пугайся резкости его голоса, так говорит Вечность. Ты проснёшься утром в хорошем настроении, в твоей душе поселится счастье и ничто не сможет омрачить твои дни. Забудь того, о ком тоскуешь, он не достоин тебя, и только разрушит твоё спокойствие, но не даст ничего. Не звони, не ходи в те места, где вы можете встретиться. В тебе много интеллекта и доброты, ты терпима ко многому, не позволяешь молодым людям ничего лишнего, умеешь проигрывать в своём разуме сотни ходов, чтобы выбрать правильный. Чтобы не унижить и самой не быть униженной, отходишь в сторону, давая возможность своим многочисленным, неискренним подружкам пировать на празднике, который ты устроила. Твоё от тебя не уйдёт, его не нужно добиваться, сдирая руки и ноги в кровь, всё придёт само собой, такая у тебя планида. Соперниц не бойся и не смейся над ними, они не смогут навредить тебе, ты под защитой своего наставника. Все свои силы пусти на реализацию своей главной цели, а она состоит в следующем – карьера в той отрасли, что тебя интересует. Чтение классиков – вот твоё увлечение, вся информация вокруг тебя работает на тебя. Жизнь коротка, успеть нужно многое. Не трать время на праздное безделье.

Мадам ликовала, она видела, как на лице девушки появилось блаженное выражение. «Неужели всё получилось? Да конечно, смотри сама, как она счастлива. Самое главное – открыть внутренние ресурсы человека и, по всей вероятности, тебе это удалось. Она пришла расстроенная, с раздраем в душе, это было видно, а теперь, она уверена в себе и довольна. Всё, теперь бы ещё в обратном порядке всё сделать правильно, давай-ка, выводи её из этого состояния, а там, как кривая вывезет». Мадам добавила в голос металла:

– На счёт «три» ты вернёшься в своё физическое тело, будь уверена, ты получила всё, что хотела. Раз, два, три.

Мадам пристально наблюдала за реакцией девушки и с радостью для себя констатировала – Аля возвращалась в реальность спокойно. Она будто просыпалась в своей постели, сначала улыбнулась, потом даже чуть потянулась и, открыв глаза, осмысленным взглядом посмотрела на Мадам.

– Как же хорошо, господи, такой лёгкой и счастливой я себя ещё никогда не чувствовала.

– Ты получила всё, что хотела? – Мадам вздохнула с облегчением.

– И даже больше! – Аля села на кушетке, – представляете, сейчас у меня в душе такая нега, и главное, покой. Я вдруг поняла, всё то, что так тревожило меня, оказалось совершеннейшей ерундой.

– Вот и славно, – Мадам снисходительно улыбнулась девушке, но сама чуть не подпрыгнула от радости, – иди, тебя проводят.

– Спасибо вам, такое большое-пребольшое спасибо.

Аля подошла к двери, остановилась, повернулась, поклонилась Мадам в пояс и сказала:

– Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь, я с радостью, у меня влиятельные родственники и знакомые. Вот моя визитка.

Таисия уже открыла дверь и встала, как привратник на пороге. Аля достала из сумочки визитную карточку, пахнуло дорогими духами. Таисия проворно схватила карточку и сунула себе в карман.

– С богом, девочка, – Мадам перекрестила Алю, перекрестилась сама и сказала, – вторую не зови, мне надо чуть отдохнуть.

– Хорошо, радужная жрица, – серьёзное выражение лица Таисьи совсем не вязалось с лёгким сарказмом в голосе.

Когда хлопнула входная дверь, Мадам вышла в гостиную. Марковна неподвижно сидела в кресле, но голос вернувшейся Таисии, вероятно, разбудил её.

– Марковна, не спи, а то храпеть начнёшь, – Таисия потирала руки, – так, Мадам, готова?

– Я и не сплю, просто задумалась, – буркнула Марковна, однако, смачно, во весь рот и с подвыванием зевнула.

– Второе подавать? – Таисия с ожиданием смотрела на Мадам.

– Нет, – категорично ответила та.

– Чего это? – Таисия подбоченилась, – всё ж нормально, пигалица выскочила на улицу, едва не полетела. Вот, и цепочку с кулоном мне подарила, золотая, камни в ней дорогие.

– Не надо было брать, – нахмурилась Мадам.

– Она сама, обнимала меня, как мать родную, так чего ты быкуешь?

Убери умняк и расскажи вкратце, что ты с ней сделала.

– Ох, Таисия, и откуда у тебя такие слова берутся, ведь женщина с образованием.

– Жизнь подсказывает, – отмахнулась от Марковны Таисья, – так в чём дело? Мы не так богаты, чтобы от халявы отказываться.

– Не слушай её, Мадам, – Марковна покачала головой, – взвесь всё, подумай. Ты к свистёлке этой гипноз применяла, как в психушке?

– Да, – кивнула Мадам.

– Я так и поняла, только гипнозом можно мозги на место поставить, если ещё не до конца стряслись.

– Ну, вот, смотри, пригодилось же, так вперёд, за «бабульками».

– Да подожди ты, Таисия, – Мадам начинала злиться, – подозреваю, что у второй не любовь-морковь, а что-то серьёзное.

– Вот, будто в воду глядишь, – всплеснула руками Таисия, – у второй муж заболел, – она покрутила пальцем у виска, – он в аварию вместе с дру-гом попал, в дерево врезались. Ему подушка безопасности жизнь спасла, а друг в лобовое вылетел, да об камень виском, умер на месте. С того дня у мужа этой дамочки крыша и поехала, себя винит, друга во снах видит, бредит, галлюцинациями своими всю семью замучил. Его уже по всем психушкам повозили и не только по нашим, всё бестолку.

– Вот видишь, представляешь, какие врачи его лечили, а я кто?

– Хватит в благородство играть, – хлопнула себя по ляжкам Таисия, – забыла, на что мы живём? На пенсию Марковны, которая составляет три тысячи шестьсот восемьдесят рублей девяносто копеек. Что, дебет с кредитом сошлись?

– И откуда ты всё про мужа-то узнала? – спросила Марковна.

– Хлеб обрабатываю, пошла к ней в машину, пару слов сказала, она мне всё и выложила, как на духу. Жалко девку, двадцать три года всего и такое несчастье, а денег у неё – куры не клюют, папашка на нефтяной трубе сидит.

– Тем более, не хочу человека обманывать, – отрицательно закивала головой Мадам.

– Опять она за своё, – Таисия разозлилась, без того узкие глаза вовсе превратились в щёлочки, – ты меня слушай, сейчас я возьму у неё деньги за приём, ты примешь её, выслушаешь, поколдуешь да скажешь, мол, духи, упыри проклятые душу не отпускают. Можно сказать, что второй раз надо попробовать и опять деньжат полёгкому срубим, а там по обстоятельствам, или они разуверятся или ещё какая оказия случится, вдруг нам с места придётся сняться. Ты только срок действия своего колдовства подольше назначь, чтобы у нас время в запасе было.

Таисия говорила вполне убедительно, Мадам поморщилась, обдумывая предложение.

– Таисия, вот откуда в тебе столько аферизма? Неужто в бухгалтерских институтах этому учат?

– Этому нигде не научишься, это должно быть в крови.

– А я на стороне Мадам, нечего связываться, на дурусти молодой зара-ботать ещё куда ни шло, а тут горе. Моя мать, покойница, так говаривала: «каждая болезнь с человеком приключается за грехи его, и сказал господь: «дам вам болезни, чтобы души ваши сохранить».

– Чегой-то ты Библию взялась цитировать? Не рано о боге задумалась?

– Не рано, а в аккурат, годов мне натикало немало.

– А как же нам кормиться?

– О сегодняшнем дне думай, а о завтрашнем господь позаботится.

– Снова здорова, сегодня о нашем дне Илья-пророк и Мадам позаботились.

– Хорошо, – махнула рукой Мадам, – будь по-твоему.

– Не по-моему, а по-нашему, мы друг для друга живём, надеяться не на кого, значит, ничем брезговать нельзя.

– Ох, поели бы, да баиньки, – буркнула Марковна, – как бы нам дорожке заплатить не пришлось.

– Нечего в ряды панику вводить, – топнула ногой Таисия, – от халявы грех отказываться, господь осерчает, он знает, кого к нам, бедным, подсы-лать, у них много, пусть делятся.

– А вдруг это дьявол их в спину толкает? Чем мы защищаться будем?

– Нет, мы хорошие, дьяволу с нами скучно, это всё от Всевышнего. Анекдот вспомнила как раз к случаю. Потоп, мужик залез на крышу и богу молиться, тут сосед плывёт на лодке, садись, говорит, вывезу тебя. Мужик ему отвечает: «дом не брошу, меня господь спасёт». Вода ещё выше поднимается, люди на катере подплыли, садись, говорят, мужик опять за своё: «я безгрешен, бог меня не оставит». Вода уже под саму крышу, вертолёт летит, мужик и на него не сел. Вот и всё.

– Что всё? – Марковна почесала за ухом, – утонул, поди?

– Конечно, – Таисия хмыкнула, – попал мужик на суд к богу, и сразу с претензиями, почему тот его не спас. А господь вот что сказал: «я тебе три раза помощь посылал».

– Таисия, давай, веди, попробую, иногда человеку простого общения хватит, чтобы силой зарядиться, – хлопнула в ладоши Мадам, – сколько денег возьму, не знаю.

– Тысяч пять, десять, по обстоятельствам, – быстренько подсказала Таисия, – ох, Мадам, все нервы мне вымотала, найду твой паспорт и не удивлюсь, если там будет написано Клавдия Генриховна Пупкина.

– Почему не удивишься?

– По фамилии, пупом земли себя мнишь.

– А вот и ошиблась, вдруг у меня там написано Анжелика Борисовна Швондер?

– И это того не лучше, долго думаешь и взвешиваешь, а жить надо стремительно, кто знает, сколько той жизни отмерено. Швондер? Где-то я это слышала? Ага, это из «Собачьего сердца» булгаковского. Знаю, знаю, твой любимый писатель. Тогда могла бы себя не Анжеликой, а Маргари-той назвать, вот только о Мастере твоём я что-то не слышала.

– Был, да весь вышел, – махнула рукой Мадам, – да и Мастером его на-звать сложно было, так, подмастерье.

– Ладно, чёт с ними со всеми. Не забудь рассказать, как на свадьбе было.

– Да ничего особенного, всё как всегда, давай, зови, – Мадам встала и пошла в соседнюю комнату.

Глава 2

Зося Марковна

«Выходит, для этого дня я проработала учителем младших классов всю свою сознательную жизнь? Страшно подумать, сорок лет, как один день. Скольким же юным созданиям я дала путёвку в жизнь? Именно я стояла у истоков формирования их будущих личностей. Самым первым моим ученикам самим уже лет по сорок с хвостиком, многие уже внуков имеют. Все они для меня родненькие, никогда не выделяла любимчиков, вернее, не явно, были и такие ребятки, которые, всё-таки, были для меня самыми дорогими. Вот, например, Мишенька, Тихоня, так его прозвали одноклассники. Умный, прилежный, самым первым выучил таблицу умножения, никогда с места не кричал. Всё ему легко давалось, но он не задавался, глазёнки открытые, взгляд наивный и чистый. Представляла я, как он выучится, станет большим человеком. Но такое горе приключилось, старый, подслеповатый водитель на своём «Москвиче» всё мигом стёр, всё Мишенькино будущее. Это какой силы удар был, что мальчонка в одну сторону, а портфель и сумка со сменной обувью на другой стороне проезжей улицы оказались? Бог ему судья, поди, уже и сам на том свете, столько лет прошло, ответ перед создателем держит. Много в моём альбоме памяти фотографий ребятишек, рано ушедших из жизни, тридцать семь человеческих душ. Последняя Любушка, месяц, как похоронили, рак проклятый, тридцать один год, девочке жить да жить. А какая была певица! Голосок звонкий, задушевный, окончила консерваторию, в хоре пела. О, Господи, Господи! Грехи наши тяжкие, страшно, когда умирают молодые. Смерть должна приходиться к тем, кто жизнь повидал или сам её об этом просит. Что ж я буду делать на пенсии? Может, вот и закончилась моя жизнь? Вставить с утра пораньше, тетрадки бесконечные, конспекты для себя – жизнь имела смысл, а теперь? А что ты растроилась, будешь книжки читать, на которые времени всё не хватало, по лесу гулять, да самое интересное и начинается! Ой, да не ври сама себе, оправдывая свою бесполезность. Завтра утром встанешь и будешь думать, чем себя занять. Актовый зал такой маленький оказывается, никогда раньше не замечала. А, может, это оттого, что народу в него набилось, вон, даже в дверях детки стоят, с цветами, бантами и всё ради тебя, самой старой учительницы в школе, которую сейчас с почётом провожают «на заслуженный отдых». Знали бы они, как тоскливо делается от этих слов. «Заслуженный» это конечно, но больше подходит «обязательный». Ну-ка, чего это глаза на мокром месте? Нечего слёзы лить! Хоть бы не заметил никто. Да поздно, племянник мой заметил, поморщился, сын сестры Евдокии, упокой господь её душу, такого красавца вырастила. Военный и сына своего в строгости и дисциплине воспитывает. «Алексей Дмитриевич» только так, а не иначе себя, сорванец называет. Три года его учила, шустрый, на месте не усидит ни минуты. А сейчас ему уже тринадцать, долговязый, нескладный, смешной, но послушный, отца по пустякам не сердит, не позорит. Спортом занимается и учится хорошо, а доброты душевной у него на весь класс хватит. От покойной бабки досталось ему это душевное богатство, а может, и от меня чуть-чуть. А я слёзы лью, стыдно за свою слабость, улыбаться надо. Заметили, всё-таки, у Алёшки лицо исказилось, переживает за меня. Что это гул стих? Все на меня смотрят, ну-ка, улыбнись, квашня старая.

Ох, спасибо тебе, Пал Семёнович, директор школы, тоже увидел, что я не могу слова сказать, сам что-то говорить начал. Батюшки, сколько слов хороших нашёл, помню, какой у него был смущённый вид, когда пригласил меня в свой кабинет и не знал, с чего начать, чтобы я в обморок не хлопнулась. «Зося Марковна, милый вы мой человек, видите ли, сейчас столько изменений в школьной программе, мы даже для первоклашек организовали кабинет информатики, будем учить основам компьютерной грамотности». Замолчал, чтобы подобрать слова, я сама пришла ему на помощь и сказала: «я всё поняла, Павел Семёнович, вы и так меня уже десять лет терпите». «Да что вы, Зося Марковна, почему же терпим, вы – прекрасный работ-

ник, детишки вас любят, точно бабушку родную». Сам понял, что ляпнул, покраснел, закашлялся, а я и рассмеялась, сама не знаю, почему. «Да вы не смущайтесь, я заявление в отдел кадров уже написала, понимаю, не угнаться мне за нововведениями, пора давать дорогу молодым. Помните, к нам на практику приходила девочка, Наташа Авдеева, она очень понравилась моим ребятишкам, уроки ведёт хорошо, живо и интересно. Она уже защитила диплом, вот с сентября её и берите, я ей позвоню, буду надеяться, что она ещё никуда не устроилась. За сим, позвольте откланяться, погода хорошая, весенний денёк прекрасный, ко-нец мая. Мы с моими первоклашками договаривались сегодня в парк идти, погуляем – поговорим». «Спасибо вам, Зося Марковна, чудесный вы человек». Не помню, как держалась, чтобы не расплакаться, пока в тот день гуляла с ребятами по парку. Хорошо, память не подвела, читала им стихи, они слушали, даже не баловались, как обычно, будто чувствовали, что расстаёмся. Вот так мой последний день на работе и прошёл. А потом – проводы на пенсию, как возьму альбом в руки, так снова и снова эта картина встаёт пред глазами. Год моего заслуженного отдыха, а душа так и не успокоится. Думала, не на отдыхаюсь, а уже и тошно от безделья. Одна встаю, одна ложусь, а ведь могла давно прабабкой стать, только господь не дал своих детей, неужели моя кровиночка мне бы помешала? С мужиком, без мужика вырастила. Сейчас бы полон дом внуков был, суета, гомон детский слуху приятен. Димкин Алексей хоть и заходит, но так, на минутку, не до меня, старухи, то тренировки, то погулять охота, уже, небось, и на девочек заглядывается. Нет, конечно, не обижают они меня, Дима – занятой человек, и то, нет-нет, заедет. Ворчу, это так, от одиночества. Серёжка, хоть, слава богу, ещё у меня есть, мой ученик, хороший мальчик, высоко взлетел, возглавляет какую-то фирму, привозил ко мне несколько раз свою жену, приятная молодая женщина, с образованием. Вот такой маленький список моих посетителей ну, и на том спасибо.

– Василь, тебе уже двенадцать лет, а всё никак не привыкнешь к дверному звонку, сразу кошки в дыбошки, когда раздаётся его трель. Ло-жись, старичок, спи, разве к нам приходят чужие? А если это, как обычно, сектанты, так у меня для них много вопросов припасено, а ответов ещё больше, они быстро от меня отстают, когда я начинаю им пересказывать идеи марксизма-ленинизма.

– Серёжа?! – Марковна открыла дверь, улыбнулась, – чудеса, я только что тебя вспоминала. Василь Василич, куда подевался, выйди, встретить гостя.

– Да ладно, Зося Марковна, он никогда меня не любил, – молодой мужчина улыбнулся, – но, не смотря на это, я принёс ему кое-что вкусненькое. Куда ставить пакеты?

– Зачем же ты так тратишься? У меня всего достаточно. Торт, фрукты, такое дорогое вино, спасибо, конечно, но мне одной столько не съесть.

– А холодильники для чего придумали? – Сергей был наигранно весел, – а вино – это же ваше любимое, будете пить потихоньку, оно от времени только лучше становится.

– А если я люблю бриллианты больше вина, ты что, бриллиантам меня будешь одаривать?

– Вот выгорит моё дело, я вам не только драгоценности, личный лимузин предоставлю, – Сергей нагнулся и поцеловал руку Марковны.

– Я и водить-то не умею, поздно в шестьдесят один год учиться. Это не в шестнадцать.

– Я водителя личного дам, молодого, красивого.

– Вот уж это вообще ни к чему, куда мне ездить? В собес за пенсией?

– А что? Представьте, подъезжает к собесу лимузин, из него выходит обаятельная пожилая дама, ваши ровесницы попадают от зависти.

– Ну, шутник, – Марковна засмеялась, – господи, да в этом пакете вся моя пенсия! Витамины для кота, консервы, я видела в магазине, сколько они стоят! Не балуй старого ревнивца, он больше к ливерной колбаске привык. А что в этой красивой коробочке?

Сергей смутился, рука лежащая на столе дрогнула, Марковна заметила это и ждала ответа.

– Это тоже витамины, но для вас.

– Понятно, я тоже старуха, как и мой кот.

– Да что вы, – Сергей улыбнулся какой-то натянутой, неискренней улыбкой, – вашего оптимизма хватит на десяток молодых людей. Этот продукт изготовлен в Германии и считается практически средством от старости, фирма прекрасно зарекомендовала себя на мировом рынке, пол-ный курс этого препарата и организм омолаживается лет на десять- двенадцать, – поджав губы, Сергей помолчал несколько секунд, а потом продолжил, – вы начинайте принимать эти капсулы прямо с сегодняшнего дня, как и по-скольку написано в этой брошюре. На второй и третий курс я принесу. Вот увидите, за этим средством будущее, мы с вами, Зося Марковна, озолотимся. Только в этом бизнесе главное опередить конкурентов, бизнес вообще штука сложная, счёт идёт не на дни, а на минуты.

– Чем же я могу тебе помочь? – Марковна села на стул и, подперев щеку рукой, с недоумением посмотрела на Сергея.

– Я уже вложил в этот проект, но мне не хватает определённой суммы.

– Господи, да у меня и сбережений никогда не было, большая часть зарплаты на книги уходила. Я могу сдать их в букинистический магазин.

– Да бросьте вы, Зося Марковна, – Сергей досадливо махнул рукой, – сейчас это никто не читает, да и стоит всё копейки. История переписана.

Первый раз Марковна слышала в голосе Сергея столько пренебрежения. Его холодный, колючий взгляд, брезгливое выражение лица испугал учительницу. Вероятно, испуг отразился на её лице и в свою очередь охладил Сергея, он заискивающе улыбнулся и, сжав руки Марковны, лежащие на столе, уже прежним, ровным голосом сказал:

– Это всё не то, Зося Марковна, необходимая мне сумма денег на несколько порядков выше, причём в иностранной валюте.

Мужчина оглядел кухню, смерил высоту потолка взглядом и, потеряв переносицу, окунулся в воспоминания:

– Как мы с ребятами любили приходить к вам. Помните, как вы поили нас чаем с ежевичным вареньем?

– Да-да, Серёженька, помню, – на глаза Марковны навернулись слёзы, – ты ещё капнул на рубашку и пятно расплылось, как от чернил. А помнишь, как на футбольном поле ты в шортиках и в майке грязной, ушастенький, конопатый, всё старался мяч в ворота команды из параллельного класса забить? Коленки сбитые, чумазый, но самый шустрый, на последней минуте победный гол забил. Мы с ребятами так хлопали, кричали вам: «молодцы». А ещё помнишь...

– Зося Марковна, – Сергей перебил поток воспоминаний учительницы, сжав её руки чуть сильнее, чем можно было, – мы с вами вволю повспоминаем знаете где? В тёплых краях, на Канарах, к примеру. Только надо чуть постараться, кредит мне сильно поможет, но нужен залог.

– Я всё поняла, Серёжа, – Марковна высвободила свои руки из цепких рук Сергея, – что ж, надо так надо. Не хотелось бы мне на старости лет без крыши над головой остаться. Ты уверен, что всё будет в порядке?

– Да что вы, Зося Марковна, если бы не был уверен в успехе, разве я пришёл бы к вам? – Сергей всплеснул руками, – я каждый месяц буду гасить проценты, а если вдруг, – Сергей поднял палец вверх, – подчёркиваю, вдруг что-то пойдёт не так, я продам свою машину, – он улыбнулся с сарказмом, – она у меня две ваши квартиры стоит.

Вот сейчас бы и спросить старой женщине, почему бы ему сразу не продать его великолепную машину, но Сергей опередил:

– В любом бизнесе надо выглядеть респектабельно, поэтому машина мне очень нужна, а как же иначе? Дорогой мобильный телефон, – Сергей похлопал себя по отвороту пиджака, – костюм от Гучи.

– Да разве в этом дело?

– Конечно, – Сергей вскочил со стула и, сунув руки в карманы брюк, крутанулся на триста шестьдесят градусов, – тем, с кем я начинаю работать, нужен лоск, впечатление. Кто будет иметь дело с босьяком? Они по моему виду должны сразу представить, что у меня, по меньшей мере, пару миллионов долларов в швейцарском банке отложено.

– Неужели разговор идёт о таких огромных деньгах? – Марковна ахнула.

– Подождите, Зося Марковна, скоро о миллиардах будем говорить, – Сергей поцеловал руку учительницы, – так я заведу за вами завтра? Без вас в банке ну никак нельзя.

– Хорошо, Серёженька, хорошо, завтра так завтра.

– Вот и прекрасно, побегу я, надо ещё в институт забежать, ректор уйдёт, а мне надо с ним кое-какие вопросы по поводу моей диссертации обсудить.

– И как же ты всё успеваешь? – покачала головой Марковна, – всё учишься и учишься, как был в школе прилежным, так им и остался, молодец. Скоро, поди, профессором станешь. А ещё на двух работах, я горжусь тобой.

– Это всё вам спасибо, Зося Марковна, вы меня старанию, целеустремлённости научили.

Сергей, уже стоя в прихожей, поцеловал руку учительнице.

– А экзамены тяжело сдавать?

– А по поводу этого есть анекдот, – Сергей, не выпуская руку Марковны из своей, щёлкнул пальцами другой, – посылает господь Гавриила по-смотреть, чем студенты занимаются. Возвращается архангел с докладом, говорит, всё институтское общежитие зубрит, ночи не спит, а в двенадцатой комнате вино рекой, гуляют, танцуют. Второй раз посылает господь архангела, тот возвращается и докладывает, во всём общежитии всё, как и было, зубрят, друг у друга конспекты переписывают, а в двенадцатой комнате ещё шумнее, песни горланят, пьют, танцуют. В третий раз посылает господь своего помощника, тот приходит и рассказывает: «всё общежитие по-прежнему зубрит, а в двенадцатой комнате истово тебе, господь, молятся». «Вот двенадцатой комнате и помогу». Вот так, и я бога не забываю, в церковь хожу и всегда свечку ставлю. Василь Василич, прощай, уважаемый, Зося Марковна, завтра я в девять ноль-ноль подъеду.

Закрыв дверь за Сергеем, Марковна подошла к окну, выходящему во двор и когда её ученик приветственно помахал ей от своей машины, помахала ему в ответ. Лёгкая тень беспокойства в душе она отогнала очередными воспоминаниями о своих милых, заботливых учениках.

– Ну, как же так, тётъ Зося? Почему вы со мной не посоветовались? – племянник Марковны Дмитрий стукнул кулаком по скамейке.

– Господи, Димочка, ну кто же знал? Ведь я его ещё вот таким помню, на моих глазах вырос, учила его честности и порядочности.

Старая женщина теребила в руках носовой платочек.

– Плохо учили значит, плохо вдалбливали.

– Как я боялась на старости лет без крыши остаться, – женщина уткнулась лицом в ладони, – не зря говорят, кто чего боится, то с тем и приключиться.

– Значит, не боялись, раз мне раньше ничего не сказали, мне, самому близкому человеку, – Дмитрию резко поднялся и, бросив взгляд на тётку, снова сел на скамью, представляя, что сейчас творилось в душе старой женщины, – ну, не надо плакать, слезами делу не поможешь. Где же вы были эти три дня?

– На вокзале, – Марковна разрыдалась в голос.

– Господи, ещё не лучше, почему ко мне не пришли? А вещи где?

– Новые хозяева уже замки поменяли, соседу заплатили, он мои пожитки в свой гараж увёз.

– И что, никто из соседей не спросил, что происходит? Ведь вы же там всю жизнь прожили?!

– Да не помню я, – Марковна всхлипнула, – кто-то спрашивал, за сколько продала, а я только улыбалась, как дура, ну не скажу же я, что меня мой ученик облапошил.

– А надо было! Кричать надо было об этом!

– Даже Васька мой издох от горя, – Марковна снова разрыдалась в голос, обида и горечь захлестнули её с новой силой.

– Так, решено, будете жить у меня, а я попробую разобраться в этой ситуации своими силами. Обещать положительного результата не могу, всё нынче куплено, закон только в армии остался, устав называется.

– Уж если в армии порядка не будет, кто же нас от фашистов защитит?

– От каких фашистов? Война уже шестьдесят лет назад кончилась.

– А я всех врагов фашистами называю, страшное было время.

– В каждом столетии есть свои страшные времена, чем сейчас лучше? Цивилизованное общество, мать их, пожилого человека на улицу выставили из собственной квартиры. Внутренние враги страшнее внешних, тех хоть видно. Всё, мой дом, твой дом, пойдём, в твоей новой комнате порядок наводить будем.

– Что ты, что ты, зачем же я вас стеснять буду, – замахала головой Марковна.

– Вот те раз, мы же у вас единственные. Как я свою тётку на улице оставлю? Галчонка моего не бойтесь, она только с виду строгая, но тут такой случай.

Марковна представила, что будет каждый день видеть эту высокомерную особу, которую племянник с нежностью называл «Галчонок». Всегда на высоченных каблуках, будто на ходулях, эта дамочка никогда не была приятная Марковне. Но природная тактичность помогала ей при встречах с женой племянника быть вежливой.

– Нет, Дима, не могу я с вами жить, лучше в дом престарелых меня оформи, может, мои учительские заслуги какую-нибудь роль сыграть.

– Да ты что? Фильмов американских насмотрелась? Это у них там всё чистенько да свеженько, а в наших тараканы вместо собак постояльцам тапочки носят.

– Зато ни от кого зависеть не буду, обед по расписанию.

– Об обеде думает, разве голова нужна, чтобы только о еде думать?

Понял, что переборщил, Марковна вдруг перестала плакать, затаилась, затихла, только лицо покрылось красными пятнами. «Этого ещё не хватало, давление у тётки подскочило, ещё удар хватит». Племянник обнял женщину за плечи и, качаясь из стороны в сторону вместе с ней, поцеловал её в висок.

– Кто-то мудрый сказал: «независимость незаметно может перерасти в одиночество».

– Ругай, ругай, меня, Дима, я этого заслуживаю.

– Ни ругать, ни учить вас я не собираюсь. А вот выход из создавшейся ситуации я нашёл.

– И какой? – тихим безжизненным голосом сказала Марковна, – с балкона вниз головой сигануть?

– Глупость несусветная, вы ещё поживёте и увидите, как возмездие свершится над тем, кто заставил вас всё это испытать.

– Да где же его искать? Я уже все телефоны, что он мне давал, обзвонила, нигде его нет – ни дома, ни в офисе. Да, наверное, уже и в городе. Кто знает, какие у него проблемы случились, может, задолжал кому.

– Помнишь мою любимую поговорку? – Дмитрий усмехнулся и прижал тётку к себе, – бесполезно убегать от снайпера, умрёшь уставшим, а я и есть снайпер. Поехали, тётка, пока

Алёша из школы не пришёл, не люблю на ходу придумывать. Есть у меня одно замечательное местечко, там и будешь жить.

– Бабуля!

Долговязый подросток подбежал к машине и, открыв дверцу, обнял женщину. Слёзы застили глаза Марковны, благо платок был под рукой.

– Ты чего плачешь?

– Да это так, Алёшенька, Василий мой сдох.

– Так он ведь ещё не старый был, – подросток распрямился и сочувственно посмотрел на Марковну.

– По нашему, по-человечески, он уже был глубоким стариком. Кошачий год, как наши девять, вот и считай, ему было уже двенадцать.

– Значит, сто восемь.

– Вот, видишь, совсем старичок.

– Ну, ты не грусти, я загляну к тебе как-нибудь, на днях.

Дмитрий вставил ключ зажигания, мотор ровно заурчал.

– Ой, Алёшенька, я сейчас не у себя дома живу, квартиру сдаю студентам, пенсия маленькая, сам понимаешь.

– А сама к нам переедешь? Это здорово, наконец-то я твоих замечательных пирожков наемся, – подросток прижал руки к груди и, закатив глаза, облизнулся.

– Да нет, мой хороший, я к подруге переехала, она одинокая, вместе нам веселее будет. В гости тебя, пока не приглашаю, чуть погодя. Не обижайся, ладно?

– Да что ты, бабуля, я всё понимаю, но пирожки обещай, замётано?

– Замётано, – засмеялась Марковна.

– Так, шагом марш домой, скоро мать придёт, в магазин сходи, она записку оставляла.

– Есть, – подросток козырнул, как настоящий солдат и подмигнул Марковне, – ты только не болей.

– Стараюсь, Лёшенька, стараюсь.

– Лихо ты про подругу придумала, – улыбнулся Дмитрий.

– Я же детей учила сочинения писать, самой тоже пригодилось, – губы Марковны дрогнули и снова слёзы обиды начали душить бедную женщину.

– Ну, не плачь, откинься на спинку и успокойся, всё образуется, кто знает, на каком несчастье счастье нарождается.

Машина тронулась с места, но в боковом зеркале Марковна видела, как подросток долго стоял и смотрел им вслед, пока машина не скрылась за поворотом. Выехали за город, асфальтированная дорога была ровной, как стекло, так что Марковну укачало. Сколько она вздремнула, не знала, открыла глаза, когда машина сделала крутой поворот.

– Природа-то какая, красота! Где мы?

– Это, тётка, посёлок для бедных, – усмехнулся Дмитрий.

– Вижу, дома, будто с обложки журнала.

– У меня, конечно, фазенда поскромнее, но тоже ничего.

– А почему фазенда? Это вроде название поместья из импортного се-риала?

– Это наша местная Рублёвка, как в Москве. И мне удалось кой-какой кусочек земли тут урвать, домишко построил, чтобы было где отдохнуть от всего и от всех.

– Галочка, поди, довольна, вон как тут дышится хорошо.

– Ни она, ни Лёшка об этом ничего не знают.

– Как же, Дима, ты их ни разу сюда не привозил? – Марковна удивлённо посмотрела на племянника.

– Я же сказал, это моё место отдыха от всех и от всего, – Дмитрий нахмурил брови, – у меня квартира рядом с работой, а жена начнёт сады-огороды разводить, а мне это на дух не надо. Ты же знаешь, не пахарь я.

Вот уйду на пенсию, тогда может быть.

– У, тебе до пенсии ещё далеко.

– Дом я на Алексея записал, сама понимаешь, время смутное, тяжёлое, кто знает, что может случиться.

– Господи, да что ты говоришь? Вам только жить да жить.

– Так-то оно так, но всё-таки. Вот и приехали.

Двухэтажный коттедж в окружении здоровенных сосен едва выглядывал своей черепичной крышей из-за высокого кирпичного забора. Нажав кодовый замок на калитке, Дмитрий гостеприимно распахнул её и жестом указал Марковне следовать за ним. Высланные брусчаткой дорожки, аккуратно подстриженные кустарники, будто в кино про красивую жизнь.

– Господи, вот это да! – всплеснула руками Марковна, – какие хоромы!

– Заходи, заходи, – Дмитрий тихонько подтолкнул женщину в дверь.

Оглядев большую прихожую, Марковна приложила руки к груди:

– И сколько мне можно будет тут жить?

– Да хоть всю жизнь, – Дмитрий развёл руки в стороны, – я же тебе говорю, у меня нет времени сюда часто наведываться. Конечно, мои знакомые ребята придумали кой-какие приспособления, ну, там, свет включается, в разное время, телевизор, музыкальный центр. Но всё равно, не жилой дом, у лихих людей на это особый нюх. Ладно, если просто ограбят, а то ведь и поджечь могут, сгорят тогда все мои вложения. Вот за той картиной сейф вмонтирован, там документы на дом.

– А приедешь отдохнуть с друзьями, а тут я, старая перечница.

– Ты погляди сколько комнат, – Дмитрий обнял тётку и прижал к своей груди, – даже если и приеду, мы с мужиками тебя не побеспокоим, дай бог просто друг друга тут найти.

Услышав, как начали вздрагивать от плача плечи Марковны, он тихонько погладил её по голове и прошептал на ухо:

– Не плачь, не стоит это всё твоих слёз, слишком мало мы живём на этом свете, чтобы отворачиваться от тех, кто нуждается в нашей помощи. Как же потом перед судом господним предстать да снисхождения к себе просить, если всю жизнь свиньёй прожил. А суд тот строгий будет, господь по делам нашим нам грехи и отпускает.

– Не думала я, что ты в бога веруешь. Неужели и в церковь ходишь?

– Пока до этого дело не дошло, может, это откровение мне позже придёт. Как говорит мой генерал: «чем ближе человек к богу, тем сильнее одолевают его демоны». Я – боевой офицер и мне приходилось убивать, хотя я и не был до конца уверен, что это были враги. Просто не хотелось пулю в спину получить. Да и не только этот грех на мне, когда столько раз сталкиваешься со смертью, раздумья всякие в голову лезут. Нет-нет, да позволю себе интрижку, чтобы отвлечься. Не осуждай меня за это.

– Не мне тебя судить, – Марковна обняла племянника.

– Я рассказываю тебе об этом, чтобы ты меня в агнцы божьи не записала. Садись, буду инструкции давать.

Дмитрий сел в одно из кресел, поставленных в полукруг перед камином, достал из кармана сотовый телефон, подождал, пока Марковна оденет очки.

– Вот, это телефон, у Лешки видела такой же? Вот эта кнопка, когда он звонит, нажмёшь, будешь разговаривать, эта кнопка выключать. Заряжать, вот эта коробочка со шнуром, когда вот здесь, видишь табло, один квадратик останется. Он сам напомнит о том, что покушать бы не мешало, начнёт попискивать. В ванне халаты, полотенца в шкафу, потом покажу, как боллер включается, чтобы воду греть. Лучше его выключай, когда нужды в кипятке

не будет, техника всё-таки, вдруг замкнёт. В холодильнике еда кой-какая есть, завтра после нотариуса приеду, ещё привезу.

– А зачем тебе к нотариусу?

– Подпишу бумагу, если со мной что случится, чтобы Лёшка не смел тебя выгнать, пока, – он запнулся, – твой последний час не придёт, кто знает, как самостоятельность людей меняет. Это сейчас он – паинька послушный, а вырастет? Ребят пришлю, чтобы они всю свою хитрую сигнализацию отключили, а то музыка заорёт, напугаешься. Вещи твои сегодня же из соседского гаража доставят, есть у меня товарищ, фирма у него по грузоперевозкам. Скомандуй, пусть они всё в мансарду занесут, там есть комнатка пустая, думаю, всё поместится, как устанешь от моего евростандарта, так поднимешься наверх, посидишь в своих креслах, душа отдохнёт. Не тяжело будет по лестнице подниматься? Может, внизу комнату освободим?

– Что ты, для сердца зарядка полезна, – глаза Марковна снова были на мокром месте.

– Отставить слёзы, – нахмурившись, скомандовал Дмитрий, – и тебе хорошо и мне помощь, хочешь, я тебе ружьё выдам?

Марковна рассмеялась сквозь слёзы и махнула рукой.

– Айда, проводи меня до калитки.

Перед тем, как сесть в машину, Дмитрий сунул в карман платья Марковны внушительную пачку денег.

– Да что ты, Дима, не надо, у меня завтра пенсия по графику.

– Отставить пенсию, в город пока не ездят, обживись, с людьми пообщайся, познакомься с соседями, приглядишься. До города автобус ходит, да что тебе сей час в нём трястись? Вот приведёшь мысли в порядок, душа успокоится, тогда и будешь по подружкам бегать.

– Да немного я себе подружек нажила, так, коллеги, а у них своих забот хватает.

– Так, ребят пришлю, они тебе всё подробно расскажут про технику домашнюю, сиди, лежи, отдыхай, по лесу гуляй, воздух тут, точно мёд. На днях заскочу, проведу.

– Спасибо тебе, Дима, – опять предательские слёзы.

– Ничего, тётка, прорвёмся.

Марковна первый раз за всю свою долгую жизнь как-то неумело сложила пальцы в щепоть и... перекрестила отъезжающую машину.

«Вот и не думала, что благодарить негодяя Сергея буду, а вот поди ж ты. Если бы не он, так и сидела бы в своём скворечнике, где даже сосед соседа не всегда в лицо знает. Полгода воздухом каким дышу, сплю, как младенец. Думала, моя педагогическая работа есть предел высоты сословия. А вот, как рыба в воде чувствую себя на... рынке. Торговка- бабушка, семечки-орешки и так, кто что попросит из старья. Сколько людей здесь и с разным образованием, высшее, даже несколько профессоров и доцентов есть. Все последние новости у нас, на базаре, обсуждаются бурно, аргументировано. Как никогда сейчас я чувствую свободу, независимость, душевную лёгкость. Димочка, мой дорогой племянник, ему так тяжело деньги достаются, своя семья, а он норовит ещё мне деньги подсунуть. Я их все в коробку из-под обуви складываю и в сейф, к документам, а ключ от сейфа, который он мне дал, прячу под плинтусом. Вдруг помру внезапно, он сейф откроет, а там всё и лежит в сохранности. На своё день рождение, когда Дима меня к себе в гости повёз, попросила у магазина остановиться, купила целую красную рыбину, икру, вино. Галина сразу все посчитала, что, мол, „это три ваших пенсии, как вам удалось столько сэкономить?“. А я сразу нашлась: « первый раз за всю жизнь в лотерее выиграла, легко деньги пришли, легко с ними надо и расставаться». Не скажу же я им, что семечки-орешки – неплохой бизнес! Анне Павловне спасибо, ушлая бабёнка, не зря товароведом в советское время работала, помолодёжному сленгу «моя крыша». Никто ей на базаре не указ, наоборот, все слушаются. Она меня на рынок и пристроила. Как-то я, получив очередную пенсию, зашла на базар, ходила по рядам, удивлялась ценам, прикидывала, как люди живут, сколько же надо получать, чтобы можно было себе позволить купить то-то и то-то. Мне

какие-никакие босоножки надо было прикупить, вот я и подсчитывала, сколько у меня денег после покупки останется. Остановилась, головой покачала. Тут меня Павловна и окликнула, слово за слово и быстро она меня обработала, что можно нам старикам предпринять, чтобы хоть как-то концы с концами сводить. Таисья, её товарка, тоже ничего, ладенькая такая, без мыла в любую щель влезет, восточная женщина, одним словом, у них это в крови. Боженька такую шевелюру ей дал, даже с годами не поредела. Всегда на шпильках, никаких кроссовок, тапочек. Настоящий бухгалтер, подтянутая. Потрепала ей жизнь, не дай бог кому. Вот так Павловна и собрала нас вокруг себя учить уму-разуму, да и не обидно, она вон, в семьдесят два года и с крышей над головой и, как говорят, «в авторитете».

– Григорий, не похож ты на моего Ваську, тот меня слушал, только ответить не мог, а ты даже глаза не откроешь, когда я с тобой разговариваю. Сколько ты у меня, месяца четыре? Пришёл худой, блохастый, глаза закисшие, как у маленького котёнка. А сейчас отъелся, видно, тебе года три-четыре. День и ночь по округе гоняешь, каждой кошке норовишь свои гены передавать. Никогда не думала, что такая аляпистая расцветка мне понравится, трёхцветные кошки, говорят, счастье приносят. Хоть и счастлива я сейчас, но разве счастья может быть много? Ладно, заболталась я с тобой, завтра рано вставать, дел много. Как сказывала моя покойная сестра: «кто рано встаёт, тому и петух снесёт».

– Анна Павловна, Таисья, вы уже здесь? А я думала сегодня первая приду, автобус задержался.

– Места всем хватит.

Таисья поправила свою шикарную причёску. Анна Павловна, сидя в старом, обшарпанном кресле, лузгала семечки, шелуха аккуратной кучкой лежала на длинном фартуке. Базар уже просыпался, нарастал гул голосов нескольких сотен торговцев.

– Да я же не о месте беспокоилась, просто сегодня, за всю вашу доброту и заботу я хотела пригласить вас к себе в гости.

– Ты никому не должна, – грубый, с присвистом от хронической астмы голос Павловны до сих пор заставлял вздрагивать Марковну.

– Я же от чистого сердца, в благодарность, так получилось, что кроме вас да моего племянника у меня никого на этом свете нет ближе. Мы уже полгода вот так вместе, бок о бок. Если бы не вы, Анна Павловна, я бы никогда не догадалась семечками торговать, а если бы и догадалась, то местные барыги меня давно бы отсюда турнули. Наблюдала я, что к вам за советом не только торгаши подходят, но и люди в костюмах недешёвых.

– Ишь, какая глазастая, – Павловна прищурилась, – можно быть капитаном корабля, но не капитаном океана. Что думала пораньше на базаре делать? Наши места никто не займёт.

– Прибраться хотела, дворники в наш закуток не часто заглядывают.

– Вот ещё, выдумала, ты здесь не в услужении, а такой же член сообщества. А на мусор я уже кому нужно указала, сегодня же нам тут всё облагородят, покрасят, приберут.

– Да я просто, по привычке к порядку.

– Вот сегодня на твою привычку у тебя дома и посмотрим.

– Значит, принимаете приглашения? – улыбнулась Марковна.

– А кто ж в уме от дармовщинки отказывается?

Таисья решила вмешаться в разговор, а то грубоватая Павловна могла испортить приподнятое настроение приглашавшей.

– Чем же потчевать будете?

– Да без особых изысков, – пожала плечами Марковна, – но много. Сыры-колбасы, окорок с золотистой корочкой, грибочки маринованные, огурчики-помидорчики.

– Хватит, а то уже раньше времени слюни побежали, а нам тут ещё долго сидеть. Я с собой ещё одного человечка хочу взять.

Таисья с укором посмотрела на Павловну, та махнула рукой, мол, «я знаю, что делаю» и закашлялась. Спасительный баллончик и уже через секунду, она смогла вдохнуть полной грудью.

– Она не помешает, давно её знаю и ест немного и талантами бог не обделил. Так можно?

– Да конечно, новый человек всегда интересен, тем более, ваша протезе.

– Ты мне заумными фразами не сыпь, она хорошая бабёнка.

– А кто такая? – проявила любопытство Таисья.

– Кто, кто! Мадам.

– В смысле?

– Какой может быть смысл? Моложе нас всех, лет ей сорок с хвостиком.

– Первый раз о такой вашей знакомой слышу, – пожала плечами Таи-сья, – ни разу о ней не рассказывали, а уже не один день вместе живём.

– На юга она уезжала, лучшей доли искать, не нашла, вот и вернулась.

– Где же вы с ней повстречались? Вроде я всегда рядом с вами? – ревнивые нотки в тоне Таисьи вызвали у Павловны усмешку.

– Она вчера ко мне заходила, когда ты в аптеку на Пушкинскую улицу ездила.

– Автобус долго ждала, на другой конец города всё-таки.

– Вот-вот, подохнешь с такой товаркой нерасторопной, я же тебе на такси туда-обратно давала, всё экономишь?

– Привычка, – виновато пожала плечами Таисья.

– Зато и цену, что деньги на ветер не бросаешь, – хмыкнула Павловна, – как Мадам, сказала я ей, мол, «извини, есть у меня уже жиличка и медсестра в одном лице, не надо было меня бросать, хорошо же жили, дружно».

Она тоже моей соседкой была, квартиру продала и умотала, а ты позже к сыну переехала, вот вы и не увиделись. Хотела я её ночевать оставить, потом бы что-нибудь придумали. Но она гордая, говорит, мол, по старой дружбе забежала, просто проведать, а у самой глаза, как у побитой собачонки, нелегко человеку, видать. Лет десять назад трагедия страшная в её жизни приключилась. У меня, выдавшей виды, и то слёзы на глазах были, когда я узнала её историю. Растерялась она, что у меня кто-то живёт, ха-рактёр-то у меня не дай бог. Сама удивляюсь, как мы с тобой, Таисья, притёрлись. У меня бог Иисус, у тебя Муххамед, а ничего.

– Так это только пророки, бог един, – вставила слово Марковна.

– А всё одно, небожители.

– Почему «Мадам»?

– Не знаю, она сама себя так назвала, сказала мне, что кто её настоящее имя упомянет, с тем словом больше не перемолвится, – Павловна махнула рукой, – я уже и сама не помню, как по правде её имя-отчество.

– Где мы её искать будем?

– Это Марковна, как хозяйка, должна вопросы задавать, – нахмурилась Павловна, – а ты и тут свои три копейки вставишь.

– И то правда, вы знаете, куда она пошла? – Марковна опять вступила в разговор.

– А чего её искать? Вон она стоит, делает вид, что случайно тут появилась и меня не видит. Сама-то прекрасно знает, что я тут уже сто лет сижу.

Марковна и Таисья посмотрели в ту сторону, куда глазами указывала Павловна. Возле прилавка с фруктами стояла миловидная женщина, рыжие крупные кудряшки освещало солнце, отчего они делались просто огненными.

– Раньше обычные космы были, каштановые, а теперь форсить начала, молодиться, видать, седина уже во всю попёрла. Горя много видела, вот и поседела до срока. Раньше её это не смущало, а теперь забеспокоило, раз эту чёртову химию на голову мажет.

Павловна подняла руку и громко крикнула через несколько прилавков:

– Мадам, иди сюда, я здесь!

Молодая женщина вздрогнула и торопливой походкой двинулась в сторону трёх женщин. Пройдя какое-то расстояние, она вдруг поняла, что взяла сразу быстрый темп по первому зову и чтобы не терять марку, чуть замедлила шаг.

– Решила фруктов свежих прикупить, витамины, полезно...

– Ага, ага, это молодец, что за здоровьем своим следишь, – хитрый прищур Павловны смутил Мадам, – знакомься, мои товарки, Таисья, Марковна.

Мадам приветственно кивнула женщинам.

– Ты что сегодня вечером делаешь? – спросила Павловна.

– До нового года я совершенно свободна, – усмехнулась Мадам.

Шутка удалась, вызвав у всех четверых смех. Павловна закашлялась в приступе астмы, а когда восстановила дыхание снова смутила Мадам своими откровенными вопросами.

– Что, спала спесь?

– Я ушла потому, что просто не хотела вас стеснять.

– На вокзале ночевать лучше?

– Почему на вокзале? У меня номер в гостинице, правда, – Мадам отвела глаза в сторону, – в двенадцать съезжать надо.

– Вещей-то много?

– Да меня в поезде...

– Облегчили, что ли? – хмыкнула Павловна.

– Самое необходимое у меня с собой, в спортивной сумке было.

– Ага-ага, а чё глаза-то прячешь? Не было у тебя ничего, всё промотала, так ведь? – Павловне будто доставляло удовольствие выводить Мадам на чистую воду, – деньги за квартиру куда дела?

– Машину там покупала, – Мадам махнула рукой.

– Ну и где она?

– Да разбил её один, восстановлению не подлежит, – Мадам почесала переносицу.

– Ага, понятно, завела там себе на югах мачо, а он чмом оказался, так?

Без тебя хоть в аварию попал?

– В том-то и дело, без меня, упокой господь его душу, а меня то ли черти, то ли ангелы в тот день увели.

– И не ропщи ни на тех, ни на других, – нахмурилась Павловна, – на кушетке у меня спать будешь, на еду крутись зарабатывать, большего не прошу. Законы и порядки мои знаешь – дом в чистоте соблюдать, мужиков не водить.

– Спасибо, – Мадам улыбнулась и отвернулась, что бы никто не заметил, как на её глаза навернулись слёзы.

– Тебе спасибо, что жива-здоровая, а то я уж подумала, помру и не уви-жу тебя больше, – Павловна махнула рукой, – твои байки из психушки я до сих пор людям рассказываю.

– Так вот это кто? – подняла брови Таисья, – что ж вы сразу мне не сказали!

– Ладно, бабоньки, слушайте мою команду. – Павловна хлопнула себя по коленкам, – ты, Мадам, дуй в гостиницу, вот ключ от моей хаты, носи вещи туда и зараз сюда, поторгуешь за Марковну. А ты, Марковна, поезжай домой, готовься принимать нас, дорогих гостей.

Мадам чуть ли не вприпрыжку скрылась за поворотом, а Павловна, нахмурившись, посмотрела на Таисью:

– Тебе, голуба, вот что скажу, не говорю, чтобы ты её полюбила от всего сердца, можно так, поверхностно. Нас никто не пожалеет, мы сами для себя – манна небесная, а вместе всегда легче лихое время пережить.

Судьба, видать, не напрасно нас всех вместе сводит, устраивает нам проверку на прочность, если уж мы друг друга поддерживать не будем, грош цена нашей душевности, чёрствость

против нас самих обернётся, – от длинной речи Павловна закашлялась, а, отдышавшись, продолжила, – наша жизнь для нас сама и судья и прокурор и адвокат, ошибается тот, кто думает, что эти должности занимают бог с дьяволом.

– А то нет, – хмыкнула Таисья.

– Позубоскаль мне, – Павловна стукнула кулаком по прилавку, – а ты, учительница, что скажешь?

– Хен цю ми.

– Это покаковски?

– На китайском, значит, «очень умно».

– Удивляешь ты меня, Марковна, говоришь всегда мало, но зришь в корень. Ну, давай, собирайся, Мадам вернётся, распродаст твои семечки, сумки привезём, диктуй Таисье адрес.

Марковна встречала гостей у калитки. Из подъехавшего такси выпорхнула Мадам, потом Таисья и самой последней, опираясь на руку Мадам, едва выбралась из машины Павловна. Опираясь на бадик, она окинула взглядом окрестность, заглянула в распахнутую калитку и пристынула:

– Да, удивила ты нас, Марковна, сначала решили – ошиблись номером дома, я на Таисью напустилась, думала, она неправильно записала. Слушай, а на кой тебе эти семечки сдались?

– Вы проходите в дом, расскажу я вам свою историю начистоту, – улыбнулась Марковна, – теперь уже можно, обида притупилась.

Оглядев прихожую Павловна покачала головой:

– Да, прямо царские хоромы, мебель добротная, не то, что сейчас делают, срамota да хлипкость одна. А мы со своей бормотухой виноградной да конфетами наразвес никак не вписываемся.

– Да что вы, Павловна, разве дело в цене? Да и не мои деньги всё это куплено, откуда мне столько взять было? Прошу к столу, мои уважаемые гости.

Павловна села во главе стола, ничуть не заботясь о правилах приличия, таков характер. Собственно, никто и не перечил бы, для каждой из присутствующих её авторитет был непререкаем. Таисья с любопытством разглядывала обстановку, а Мадам смотрела на огромное, в человеческий рост, зеркало в кованной оправе.

– Что ты хочешь там разглядеть? Свою молодость?

– Старинное оно, я представляю, сколько это зеркало видело ликов, сколько раз его закрывали чёрной материей в день траура.

– Тю, чего тоску нагоняешь? Мы сюда веселиться приехали, так, Марковна?

– Совершенно верно.

Марковна хлопотала у стола, пододвигая к Павловне блюда с закуской.

– Ох, молодец, не поскупилась, всего вдоволь, да всё моё любимое, – Павловна причмокнула языком, – хотя могла бы так и не тратиться, мы все простые бабы. Ба, а уж этого лохматого с глаз моих, если не хотите, что бы я тут у вас от аллергии загнулась.

Марковна ахнула, подскочила, схватила в охапку кота, вышедшего на шум из соседней комнаты и, целуя его в макушку, понесла к входным дверям.

– Прости, мой хороший, прости, но так надо, погуляй пока, вот, я тебе на крыльце молочка поставлю в миске, как ты любишь, концентрированное.

Женская компания отменно кушала, закусывая немалое количество выпитого вина, никто не упал лицом в салат, а наоборот, с каждым очередным глотком выстоявшегося напитка они раскрепощались, открывали свои души и при этом каждая из них не чувствовала себя ущербной. Их всех объединяли трудные жизненные обстоятельства, в которые они попали волею судеб. Марковна первый раз за полгода нашла в себе силы, рассказать своим новым и, пожалуй, единственным подругам, что с ней случилось. Павловна слушала, подперев щеку рукой, перебивая рассказ учительницы крепкими словцами. Когда Марковна закончила, Пав-

ловна налила себе в бокал вина и, подняв его, дала понять, что ждёт всю компанию. Марковна накрыла свой ладонью:

– Мне, пожалуй, хватит, я никогда столько не пила.

– Правильно, пить надо до тех пор, пока ты управляешь алкоголем, а не он тобой.

– Спасибо за поддержку, – Марковна прижала руку к груди.

– Это тебе спасибо, я, честно сказать, никогда так душой не отдыхала, выпила чуть не ведро, а ещё ни разу не закашлялась, заметили?

– Заметили, – кивнула Мадам, – хорошее красное вино благотворно влияет на кровообращение, сосуды расширяются, наполняются кислородом, спазм, вызывающий кашель, исчезает.

– Ох, и грамотейка, так бы ты в жизненных ситуациях умом блистала, поди, не осталась бы сейчас ни с чем, – хмыкнула Павловна, – давай, пришла твоя очередь рассказывать.

– А что особенного я могу рассказать? Облапошили меня просто классически, красиво, но вспоминать не хочется.

– Нет, уж, не лишай нас удовольствия позубоскалить, – погрозила пальцем Павловна.

В её тоне хотя и была большая порция язвительности, но в глаза – зеркало души, в них было неподдельное сочувствие.

– Училка не постеснялась, хотя вижу, чего ей стоило рассказать нам, каким дерьмом её ученик оказался.

– Да я и не стесняюсь, просто странно, как я, – Мадам ткнула себя пальцем в грудь, – могла попасться на такую «лажу».

– «Я», – Павловна состроила ехидную гримасу, – вот если бы ты по-меньше себя пальцем в грудь била, самонадеянность свою себе, сама зна-ешь, куда, засунула, глядишь бы и по другому всё сложилось.

– Скорее всего, – улыбнулась Мадам, – но тогда бы судьба не свела меня с вами, Павловна, а теперь вот и с Таисьей и Марковной. За всё в жизни надо платить и мне кажется, я заплатила сейчас не самую дорогую цену. А на югах, как вы говорите, со мной вот что произошло...

Но начать рассказ помешал звонок мобильного телефона Марковны.

– Да – да, Димочка, нет, не занята, – отвечая, Марковна улыбалась, – прямо сейчас? Конечно, конечно я тебя жду. У меня в гостях... коллеги по работе. Ты ненадолго? Нет-нет, ничего не надо, у меня всё есть, ну зачем бы я тебя обманывала?

Марковна выключила телефон и смущённо улыбнулась:

– Это мой племянник, едет сюда с сыном.

– Так, девоньки, нам пора, – Павловна хлопнула в ладоши, – такси успеет дождаться?

– Зачем вам уходить? Не надо, не думаю, что мои гости помешают мо-ему племяннику, – замахала руками Марковна, – это даже кстати, Павловна, я говорила – Алешка не знает о доме, вот и прекрасная ситуация, мы скажем, что вы – хозяйка, а я у вас живу.

– Лады, – Павловна кивнула головой.

Марковна вышла встречать.

– Бабулечка, как я рад тебя видеть!

– Господи, да куда ж ты тянешься? – всплеснула руками Марковна, обнимая внука, – за полгода ещё подросток.

– Стараюсь, мужчина должен быть высоким и здоровым, да и есть в кого, – Алешка показал рукой на вылезавшего из машины отца и оглядел поляну огромный двор, – ух, ты, вот это хоромы, прямо дворец. Пап, вот бы нам такой!

Марковна с Дмитрием переглянулись.

– Пойдёмте в дом, у нас там девишник, – Марковна смущённо посмотрела на Дмитрия.

– Это хорошо, полезно посидеть, повспоминать, мы не помешаем? – спросил Дмитрий.

– Ну что ты, – Марковна чувствовала себя неловко, но поцелуй племянника в щёку приободрил её.

– Здравствуйте.

Алексей вошёл первым и, со свойственной юности откровенности, стал разглядывать гостиную.

– Красиво у вас, уютно.

– Спасибо хлопчик на добром слове, – усмехнулась Павловна.

– Добрый вечер, извините за беспокойство, – Дмитрий вошёл следом за Марковной, – стало быть, Марковна, здесь и живёте?

– А что, мы с Марковной – давние приятельницы, скучно мне одной в таких хоромах, – Павловна прекрасно играла свою роль хозяйки, – присаживайтесь к столу, гостям мы всегда рады.

– Увы, времени в обрез, – развёл руки в стороны Дмитрий, – Марковна, мне надо тебе кое-что сказать.

– Да, Димочка, пойдём на кухню, – Марковна закивала головой, – Лё-шенька, пока мы с отцом поговорим, ты садись, покушай, как чувствовала, купила сегодня твои любимые пирожные.

– Что-то случилось? – встревожено спросила Марковна, закрывая за собой дверь кухни.

– Не волнуйся, всё в порядке, – улыбнулся Дмитрий, но глаза его были грустны, – меня отправляют в командировку, месяца на четыре, не писать, не звонить не смогу.

– Батюшки, да что за командировка такая? – разволновалась Марковна.

– Я – офицер, – Дмитрий нахмурился, – и вот что, если со мной что случится...

– Ох, – Марковна медленно опустилась на стул.

– Все мы под богом ходим, тётка, – Дмитрий тоже сел на стул, – только дурак думает, что он вечен. Могу задержаться и на больший срок, как карта ляжет. Нашу с тобой тайну позволяю открыть Алёшке только тогда, когда моё тело в гробу увидишь.

– Господи, – Марковна закрыла рот рукой, – как же так? Неужели ты не можешь отказаться? У тебя семья, ребёнок, разве это невеские аргументы?

– Я на службе, когда-то давал присягу, это мой долг.

– Да отбрось ты пафос, Дима, сейчас мирное время и мужчины не должны погибать, – шопотом сказала Марковна и расплакалась.

– Отставить слёзы, Алёшку я сюда специально привёз, пусть навещает тебя. Так, вот карточка, – Дмитрий протянул Марковне банковскую карточку, – на твоё имя я положил двадцать тысяч, на всякий случай. Извини, больше не могу, семье тоже надо на всякий случай оставить.

– Да зачем? У меня всё есть, да и что будет со мной, если ты..., – Марковна утирала слёзы платком, – вам жить и жить.

– Пешеход и тот не знает, перейдёт ли он дорогу благополучно, а я – военный человек. Вот этот пакет положишь в сейф и опять же, откроешь его в том случае, о котором я тебе уже говорил. Прекращай плакать, не хочу сейчас отвечать на Лешкины вопросы, прошу, будь терпимее к обстоятельствам.

– Терпимость – пол шага к равнодушию, – качая головой, сказала Марковна, – я постараюсь держать себя в руках.

– Вот и правильно, а то давление подскочить, я говорю с тобой, как со взрослым человеком и единственным, кому я могу сказать хоть половину правды. Прости, что приходится впутывать тебя во всё это. Но лучше пе-ребдеть, чем недобдеть.

Дмитрий улыбнулся и, придвинув стул, обнял Марковну за плечи:

– Милый ты мой человечек, ты прожила большую жизнь и знаешь, какие она может подкидывать сюрпризы. Я люблю тебя, как родную мать, поэтому не огорчай меня своим упадочным настроением, может, я сгущаю краски, понадеемся на русское «авось».

Проводив Дмитрия и Алексея, Марковна, пошатываясь, вернулась к гостям.

– Слушай, училка, да на тебе лица нет, – нахмурилась Павловна, – сезонное обострение? В нашем возрасте это обычное дело.

– Да-да, – еле ворочая языком, согласилась Марковна.

– Пульс у вас ни в какие ворота, язык вязкий? В голове шум? – Мадам держала Марковну за руку, считая по часам сердцебиение, – мушки чёрные в глазах летают?

Марковна смогла только кивнуть головой.

– Так не годится, – покачала головой Павловна, – что-то наш вечер перестаёт быть томным.

– Может, «скорую» вызвать? – предложила Таисья.

– Мадам, сама справишься? – Павловна ждала ответ.

Мадам кивнула головой, достала из своей сумки пластмассовый флакончик с таблетками, налила в стакан сок и, протянув Марковне, вытряхнула на её ладонь таблетку.

– Пейте, минут через пятнадцать-двадцать всё должно прийти в норму.

Мадам встала позади Марковны и положила свои руки той на виски, Павловна и Таисья молча наблюдали за происходящим. Через короткое время лицо Марковны, искажённое болью, разгладилось, появился даже лёгкий румянец. Она открыла глаза и вздохнула. Мадам убрала свои руки с висков Марковны и села на стул, снова проверяя пульс женщины.

– Вроде, отпустило, – Марковна покачала головой.

– Вот так визитёры, родственнички, бабуку чуть в могилу не свели своими разговорчиками, – хлопнула себя по коленям Павловна, – чего он, негодник, тебя так расстроил?

– Да так, дела семейные, – горестно ответила Марковна.

– Так, Таисья, пора нам, негоже хворого человека напрягать, вызывай такси, а посидели всё-таки хорошо, душевно. Мадам, ты с Марковной оставайся, пригляди, да держи меня в курсе, позвони утром.

Глава 3

Таисия и Анна Павловна

– В связи с неопровержимыми доказательствами, подкреплёнными свидетельскими показаниями, признать подсудимую Таисию Раушановну Карз, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения, виновной по статье...

– Да не брала я этих денег! Я работала бухгалтером, у меня все отчёты есть! Да что же это?!

– Мы её давно знаем, не могла она украсть, – раздались возмущённые голоса из зала.

Судья начал призывать к порядку, дав распоряжения судебным приставам удалить из зала тех, кто кричал с места.

– Учитывая смягчающие обстоятельства, применить к осужденной отсрочку приговора сроком на сорок пять календарных дней для возможности возмещения материального ущерба, нанесённого её противоправными действиями, фирме «Досталь». В случае непогашения суммы по решению суда, назначить меру наказания в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием в колонии общего режима.

«Все купленные и областной суд и республиканский, везде отказ мне пришёл. Ну, Андрей Владимирович, всё вам вернётся в трёхкратном размере, все мои слезинки язвами прожгут тебя и снаружи и изнутри, печень как кислотой прожгут, я уже не меньше ведра наплакала. Как же я так, дура старая, любовь ослепила мне глаза и помутила разум, «передком» начала думать, а не головой. Всё на меня списал, подлец, растоптал, как гулящую шлюху. Ничего со мной не приключится, буду жить с одной целью – плюнуть тебе, Андрюшенька, на могилу. Моё татарское проклятие посильнее будет суеты земной. Завтра с утра включу мозги на спасение самой себя.

Деньги то какие огромные присудили, хорошо хоть судья за моральный ущерб иск отклонил, век бы не рассчиталась. Это он мне, гадёныш, за моральный ущерб должен. Жаль, что оттащили меня от него его верные псы, всю бы морду его холёную своими ноготками отточенными расцарапала. «Успокойтесь, Таисия Раушановна, разберёмся, посчитаем, на сколько вы мою фирму „обули“. Вот мразь, разобрался, зечкой меня под старость лет сделал, с биркой на кармашке. Там, конечно, тоже люди сидят, от сумы, да от тюрьмы не зарекаюсь. Обидно только, что мало брала, миллионы ихние с продажи металла отмывала, дебет с кредитом сводила, себе только на лаки, крема, да туфли выгадывала, а они все коттеджей себе понастроили, на Канары летали, будто птицы перелётные. Квартиру, слава богу, хорошо удалось продать, часть суммы погасила, думала, отсрочку дадут, а хрен там. Мой адвокат слабенький, не может с такой ма-шиной сладить. Завтра на дачу документы подпишу, тоже Аллах на моей стороне стоит, землю, что под наши дачи давали, какой-то из европейских банков покупает для своего строительства. Людей не обижают, хорошую цену за сотку дают. Машину сын пообещал продать, тоже вклад хороший будет, правда не хватает, но на этот счёт у меня есть козырь – старинное кольцо, что мне от прабабки досталось, в антикварный магазин сдам, Лев Абрамович давно на него глаз положил, всё продать просил, хорошо, что в своё время не согласилась. Нет, наверное, всё-таки лучше в Москву и с машиной и с колье съездить, там всё подороже продать можно, может, с машины больше выручу и не придётся кольцо продавать? Хотя, с машиной...».

– Рауль, сынок, ты уж извини, что мне пришлось потеснить тебя.

– Да что вы, мама, никакого стеснения.

– В твоём голосе не совсем искренние нотки, поди, невестка моя тебе всю плешь проела? Злая она, так и сверлит меня глазами.

– Всё она не злая, а справедливая, – молодой мужчина поморщился, – только прошу, не курите в квартире, на балконе или в подъезде, жена не выносит запаха дыма.

- Я же в форточку, – Таисия демонстративно выпустила дым в сторону окна.
- Мама, зачем лишние осложнения? – в голосе Рауля мелькнуло раздражение, – вы же знаете, я живу в примаках, квартира тестя, дарственная на жену.
- Ещё и мать судимую привёл, – закивала головой Таисья, шурясь от дыма.
- Дело не только в этом, – Рауль нервозно сунул руки в карманы, – мне тридцать лет, а у меня ни кола, ни двора, ничего своего, даже приличной работы. Если бы вы, мама, помогли мне, когда была возможность, я бы уже раскрутился.
- Аллах тебя крутилкой обделил, – Таисия затушила окурок, – тебя деньги портят, неужели забыл? Ладно, что там с машиной?
- Всё в порядке, ребята обещали продать за хорошую цену.
- Рауль смущённо отвёл взгляд, этот факт не ускользнул от внимания Таисии, она насто-рожилась:
- А почему так долго? Ты говорил, что всё будет гораздо быстрее.
- Но вы же знаете сами, номера на двигателе перебиты, а это осложняет дело. Её в другой регион гнать надо, чтобы продать.
- Ты что, совсем идиот?! – Таисия чуть не подпрыгнула на месте, – машину здесь наши гаишники на учёт ставили, в другом регионе с ней могут возникнуть проблемы. Это ты сам своим друзьям сказал о номерах?
- У нас с ними всё по-честному, как я мог утаить этот факт? Подставлять ребят я не могу.
- И что я аборт не сделала? Теперь ты хочешь меня в тюрьму засадить из-за этой чёртовой машины?
- А что вы, мама, так забеспокоились? – Рауль надменно хмыкнул, – у вас золотишко имеется, вот и...
- Я тебе сейчас как врежу «вот и», – Таисия сжала кулаки, – от родного сына удар в спину ждатель. Нет, тебя точно в роддоме подменили, не могла я такого козла безрогого родить.
- Надоело, – Рауль хмыкнул, – пришло время собирать разбросанные камни. Опять за сигарету? Идите на балкон или на площадку, вся квартира уже провоняла.
- Таисия набросила на плечи кардиган и вышла лестничную площадку. Долго не могла подкурить, зажигалка в дрожащих пальцах никак не хотела срабатывать. Сделав два глубоких вдоха, она чуть успокоилась и с наслаждением сделала большую затяжку.
- Щёлкнул замок соседской двери и на площадку выглянула грузная и грозная бабулька.
- А, это ты, а я думала опять подростки шабят, хотела им по шее надавать.
- Голос соседки был грудной, со свистом и Таисия приготовилась отражать атаку.
- Извините, – для проформы, сказала женщина.
- Меня Анной Павловной зовут, – соседка, как оказалось, не хотела нападать, – а ты, так я поняла, мать этого великовозрастного лоботряса, бухгалтерша, которую любовник обобрал до нитки.
- Откуда вы знаете? – опешила Таисия.
- А я, милочка, много чего знаю, поэтому и боюсь, чтобы иностранные разведки меня не похитили, дабы выведать тайные сведения, что в этой, – старуха постучала пальцем себя по лбу, – золотой голове хранятся. Ты употребляешь?
- Павловна сделала характерный жест, щёлкнув пальцами по кадыку.
- Когда есть повод и дармовщинка, – усмехнулась Таисия.
- Повод найти – раз плюнуть, было бы желание, ну, заваливай на мою хазу.
- Спасибо, можно чуть позже? – улыбнулась Таисия.
- Опа, я по два раза не приглашаю, – старуха пожала плечами и сделал шаг в глубину своей квартиры.
- Бычок большой, жалко выкидывать, не в моём сегодняшнем положении шиковать, – коммуникабельность Таисии помогла ей и в этот раз – говорить с человеком на его языке.

– Ладно, заходи со своей попердушкой, – махнула рукой Анна Павловна.

– А как же дым?

– Я хоть и астматичка, но от дыма не задыхаюсь, а вот от животин домашних хоть караул кричи.

Масса старых, ненужных вещей, дубовая мебель времён царя Гороха загромождала небольшую двухкомнатную квартиру соседки. Железная кровать с кованными спинками, пирамида подушек мал-мала меньше, продавленный диван – обычная стариковская обстановка. И как гость из будущего – жидкокристаллический телевизор на полстены.

– На кухню пойдём, там все яства под рукой, – старуха зашаркала тапочками по коридору, ведущему в кухню, – обувь снимай, у меня полы мыть некому, там шлёпки под полкой. Как на счёт винца?

– В аккурат, крепкие напитки надо пить, чтобы горе не таким горьким казалось.

– А у тебя на душе сейчас что, птицы поют? – прищурилась Павловна и, поставив на стол два бокала, налила из бутылки с импортной этикеткой вино, между указательным и большим пальцем левой руки синела накладка – пять точек, на трёх пальцах были три буквы имени «Аня», а на мизинце какой-то геометрический рисунок.

В вазочке на столе лежали лущённые орешки, на блюде – виноград, яблоки, мандарины. После пары выпитых в тишине бокалов, Таисию с новой силой захлестнула обида. «Хоть и обещала Аллаху не проклинать этого поганца Андрюшеньку, но так бы и звезданула по харе его слащавой, мразь, тварь» Таисия неожиданно для себя стукнула кулаком по столу.

– Ой, ой, «растопчу, раздавлю, не помилую!» так вроде таракан грозился, – хмыкнула Павловна, искоса глядя на Таисию, – не в твоих силах с ним справиться. Шуры-муры с ним крутила, а ведь женатый и как человек дерьмо, весь город об этом знает.

– Мне так одиноко было, сама не знаю, как подпустила его к себе, – Таисия расплакалась, закрыв глаза рукой.

– Понимаю, деточка, когда душа замерзла, к печке прислоняешься, хоть она горячая и до костей прожечь может.

Павловна неумело, видно давно ей не представлялась возможность проявить сочувствие, погладила плачущую женщину по плечу, а потом неожиданно для той ущипнула за щёку.

– Да ты, смотри, совсем захмелела, надо что по существеннее тебе дать закусить, – Павловна открыла холодильник, – да-а, не густо. Мне одной много ли надо, сын ко мне не заезжает, гостей я не принимаю, сама на базаре ем. Ну-ка, что тут у меня? Годиться, хороша закуска – квашена ка-пустка и подать не стыдно, а съедят – не жалко.

– Сами стихи сочинили? – Таисия улыбнулась сквозь слёзы.

– Да где мне рифмоплётством заниматься, в одном кинотеатре слышала, а сейчас вспомнила, – хмыкнула хозяйка дома, – вот ещё колбаска, хлеб, чипсы с беконом, шибко я их уважаю, вот и собрали закусок.

– Спасибо, не беспокойтесь, – пожала плечами Таисия, – вот скажите мне, вы жизнь прожили, много повидали, почему Аллах отвернулся от меня?

– Ну, во-первых, я помирать не собираюсь, это по поводу «прожила», а повидала я и правда, много. Ничего, девонька, просто так не происходит. Не спрашивай у Бога о справедливости, был бы он справедлив, давно наказал бы тебя. Не сердись, мне твоя трагедия особой жалости не вызывает, люди и пострашнее цену платят, ты молодая, а барахло нажитое – ерунда, как пришло, так и ушло. Ну-ка, покопайся в своих мозгах, разве ты его кровью и потом заработала? Вот, то-то и оно – ж.

– Но мне жить теперь негде!

– Главное здоровое тело, значит, у души есть крыша. Думай о сегодняшнем дне, о завтрашнем господь позаботится. Ты скоро сама до этих истин дойдёшь, раз мои слова для тебя пискотом звучат. Сама же говоришь – я многое повидала.

– Я уже упала ниже плинтуса, у меня ничего нет, меня перестали уважать все те, кто совсем недавно лебезил передо мной.

– Э, милка, жизнь интересная штука, когда ты думаешь, что находишься уже на самом дне, снизу тихо постучит кто-то.

– Вряд ли, мне уже пятки огненная плазма, что вокруг ядра земли находится, обжигает.

– Ничего-то ты кроме своей обиды вокруг не замечаешь, есть люди, которым хуже, чем тебе, раз в несколько.

– Это всё слова, простите меня, что заморачиваю вас своими переживаниями, расскажите, чем вы занимаетесь.

– Ты что, не видишь, сколько мне лет от рождества Христова? Пенсионерка я, скучаю, бездельничаю.

Таисия вдруг истерично расхохоталась:

– Кто-то из шутников когда-то сказал «безделье не было бы таким скучным, если бы была другая форма безделья».

– Точно, это про меня.

– А в свободное от безделья время, что делаете?

– На базаре я время коротаю, приторговываю по мелочам, – махнула рукой Павловна, – не думай, что нуждаюсь, у меня всего вдоволь. Просто общение, последние новости, люди. В любую погоду, как на службу иду, боюсь пропустить, вдруг Антанта проклятая что-то замыслила, а я не в курсях.

Павловна засмеялась и тут же закашлялась, сидевший внутри свист вырвался наружу. Ловкое движение и спасительный баллончик облегчил её дыхание.

– Это у вас от дыма?

Таисия сделала попытку потушить прикуренную сигарету, но старуха покачала головой:

– Говорю ж тебе, от дыма мне ничего, астма проклятая со мной уже лет 25 живёт, приступы такие – не редкость.

– А чем-нибудь лечитесь?

– Да ничем её, заразу, не выведешь, вот, слава богу, лекарство придумали хоть спазм снимать. Засиделись мы, однако, пора отдыхать.

– Спасибо вам за поддержку, – улыбнулась Таисия, – давайте я посуду приберу и пойду к себе.

– Вот это дело, люблю, когда народ сам за собой прибирает.

Таисия вышла, тихонько прикрыв дверь. Было далеко полночь, она выкурила ещё одну сигарету на лестничной площадке и, войдя в квартиру сына, тихонько щёлкнула дверным замком. На душе, после общения с соседкой, стало немного полегче.

Утро следующего дня у Таисии началось с телефонных переговоров. Обзвонив несколько объявлений в газете, она приценилась и пришла к выводу – машину удастся продать неплохо и закрыть главу долгов. Она ждала сына, которого с утра отправила за машиной. Вошедший в дверь Рауль выглядел уставшим и... напуганным.

– Я не слышала, как ты подъехал, – Таисия встречала его в прихожей.

– Мама, вы только не волнуйтесь, – сын не поднимал глаза на мать.

– Что? – обмерла Таисия.

– Машины в гараже нет, угнали.

Ноги Таисия подкосились и она просто сползла по стене на обувную тумбочку.

– Ты слышишь, что говоришь?! Ты вообще соображаешь, что говоришь?!

– Обращаться в ГАИ небезопасно, они поднимут всю компьютерную базу, могут вскрыться ваши махинации, вы же не всех купили. Ребята сказали, предпринимать что-либо бесполезно, ещё решат, что вы были в сговоре с угонщиками и не хотите платить присужденную сумму.

– А ещё что твои ребята тебе сказали?!

– Они в растерянности, вас, мама, жалеют, пришла беда, отвориай ворота. Ничего, мы как-нибудь выкрутимся.

– Что ты «макаешь»? «Открывай ворота», – прошепелявила Таисия, – мозги бы ты свои открыл, когда к своим бандитам обращался. Ладно, надеюсь, это они меня кинули и ты не при чём.

– Куда вы? Не делайте глупостей, мама.

– Отстань, мне надо побыть одной.

Таисия шла, не разбирая дороги, слёзы застилали ей глаза. Первый раз она почувствовала, где находится и как болит сердце, под левой лопаткой кололо и пекло. «Да пусть разорвётся, к чёртовой матери, все проблемы решатся разом, нет человека, нет проблемы». От своих тягостных мыслей Таисия очнулась тогда, когда сзади раздался визгливый голос грузчика, катившего тележку с коробками.

– Эй, корова, дорогу!

Таисия огляделась – она стояла посередине базарной площади. Туда-сюда сновали люди, жизнь рынка кипела. «Павловна, надо найти её, пусть ругает, пусть насмехается, всё лучше, чем от мыслей мозги лопнут».

– Так, девонька, смотрю, тебе сегодня хуже, чем в день суда.

Павловна сидела в обшарпанном кресле за невысоким прилавком, заваленным хозяйственными железками, ещё какими-то разномастными товарами.

– Выпей-ка валерьяночки, вот, «Фанты» глотни, не бзди, астма – не заразная.

Таисия машинально сделала несколько глотков и, поблагодарив старуху, искала глазами место, чтобы присесть. Павловна заметила её взгляд и достала из-за спины раскладной стульчик.

– Садись и рассказывай, что со вчерашнего дня с тобой приключилось.

Заставлять Таисию не надо было, рассказ сам просился к слушателю. Павловна сначала слушала, глядя на рассказчицу, потом опустила глаза и посмотрела на Таисию только тогда, когда та замолчала.

– Хреновые дела, дружков сыночка своего знаешь? – когда Таисия утвердительно кивнула, старуха продолжила, – сейчас вот что, иди домой, постарайся отвлечься, отдохни, а я обмозгую, какие рычаги надавить, чтобы нашли твою машину. Но сама понимаешь, бесплатно только чирьи на заднице выскакивают.

– Вы меня разыгрываете или как дурочку успокаиваете?

– Ты говори да не заговаривайся, шутки с тобой шутить у меня времени нет. И успокаивать тебя мне не охота, сама такого идиота на свет произвела, пока за деньгами гонялась, упустила воспитание, прошляпила, чтобы уважал тебя и боготворил, как положено к матерям обращаться, как бы они не жили. Не мне тебя судить, по своему опыту знаю, каково это, когда сын на мать волком смотрит, у самой такая же история. Мой хоть пакости мне не делает, на том спасибо, но по больному тоже изрядно режет, знаться со мной не желает. У нас с ним своя история, но сейчас не обо мне речь. Сказано тебе, иди домой, я сейчас пацанов подтяну, найдут твою ласточку, гаманок развязывай, людей отблагодарить надо будет.

Павловна говорила вполне серьёзно, но эта её серьёзность и вызвала у Таисии приступ истеричного смеха. Старуха не прерывала этот выплеск эмоций, ждала молча, пока та успокоится. Досмеявшись до всхлипов, Таисия, не вытирая слёз, устала в землю под своими ногами.

– Я-то думала, ты пришла ко мне за помощью, люди посоветовали, а ты во мне клоунессу на пенсии увидела. Что, уважаемая, иди, сама в своём дерьме копайся.

– Простите, Павловна, честно говорю, я не хотела вас обидеть, а смех мой от безысходности.

– Да всё я понимаю, девка, откуда тебе знать, что бабка базарная из себя может представлять, а я тебе вот что скажу, по секрету, – Павловна склонилась к Таисии, – меня многие уркаганы до сих пор уважают, вес в их обществе я своей жизнью заслужила и не стесняюсь этого. Наколки на моей руке видела? Ты думала, они от нечего делать появились? Это – печати моей лагерной жизни.

– Не пойду я туда, лучше с моста головой, – усмехнулась Таисия.

– Ага, чтобы башка дурная вдребезги, валяй, не жалко.

– Аллах, помоги мне! – Таисия затянула на татарском языке заунывную молитву.

– Не смей своего Аллаха, говори о привычных вещах – лукавстве, обмане, притворстве.

– Об этом и говорю, – перешла на русский Таисия.

– Чем быстрее ты перестанешь корчить из себя невинную жертву и покаешься...

– Я вам всё как на духу рассказала, – перебила Таисия.

– Да не передо мной каяться надо, перед собой, тогда у нас быстрее всё на лад пойдёт.

– Но я, правда, не такая уж и плохая, – всплеснула руками Таисия.

– А кто устанавливал меру плохого и хорошего? – прищурилась Павловна, потом сунула руку в карман и достала связку ключей, – иди ко мне домой, смотри, не бедакурничай, вино вчера осталось, можешь допить, чтобы на душе потеплее стало.

– Не волнуйтесь, я не стесню.

– Кого? Домового? Думаю, не стеснишь, ему мало места требуется.

– Если я правильно поняла, то вы разрешаете мне пожить у вас какое-то время? – с надеждой в голосе спросила Таисия.

– Ну и шустрая ты, дай палец, она уже готова полруки оттяпать, – нахмурилась Павловна.

– Извините, – Таисия опустила глаза и протянула связку ключей хозяйке.

– Не гоню, у меня характер не сахар, сама сбежишь, – Павловна оттолкнула руку Таисии и достала из кармана фартука мобильный телефон, – с этой хреновиной можешь обращаться?

– Конечно, в своё время у меня три таких было.

– Тогда нажми вот эту кнопку и набери ещё 1 и 5, – Павловна взяла телефон и махнула на Таисию, – всё, иди, остальное – не твоего ума дело, приду, поговорим. И дурь из башки выкинь, тебе твой Аллах меня в помощь позвал.

Таисия не поняла, от чего она проснулась, от свиста, раздававшегося из грудной клетки Павловны, сидящей напротив дивана в кресле, толи от пристального взгляда старухи.

– Ну, слава богу, а то я, грешным делом, уже как десять минут к твоему дыханию прислушиваюсь, – Павловна хлопнула себя по коленке, – нет, девка, в охранники к себе я тебя не возьму, это ж надо так дрыхнуть без задних ног. Думала ты вино долакала, а то и водочки в него подлила, а смотри, нет, всё на месте и пустой бутылки нет.

– Вы прямо как миссис Марпл, – улыбнулась Таисия и, встав с дивана, поправила смятый плед.

– Аккуратность любишь, это хорошо, – Павловна откинулась на спинку кресла.

– Ну, есть какие-то новости? – Таисия присела на край дивана.

– А вот это – плохая черта, – Павловна подняла палец вверх, – человек, которому есть, что сказать, сам начнёт, нечего его подгонять. А когда без церемоний его прямо в лоб спрашивают, может подумать, что его считают чем-то обязанным или бесплатно пользуют.

– Чаю хотите? – Таисия привстала с дивана, но Павловна жестом, заставила её сеть обратно.

– Опять нехорошо, что ты мне свой чай навязываешь? Ждёшь, чтобы я отвлеклась на раздумья, хочу чай или нет? Вообще нельзя угадать, что человек хочет.

А предлагать надо вот как...

В другой ситуации Таисия уже давно бы вспылила от вздорности старухи, но...

– Что желаете? Любой каприз за вашу улыбку.

– Ну, – Павловна надменно усмехнулась, она или испытывала Таисию на не конфликтность, или такая манера поведения была её настоящей, – не совсем так, но на первый раз годиться. Давай-ка мы эту бутылочку домучаем и с глаз долой, а на её место полнёхонькую поставим.

– Так я мигом в магазин сгоняю, – подхватила Таисия.

– Шустрая и отходчивая, секунду назад всплыла, но сдержалась, я заметила, а по сравнению с тем настроем, с которым на базаре была, так вообще земля и небо. А я думала, приду, надо будет твои слёзы-сопли вытирать, а я этого не люблю. Как поспала-то?

– Мне от валерьянки и валидола так спокойно стало, я пришла, прибралась чуть-чуть и села на диван, сама не знаю, как задремала.

Павловна кивнула головой и полезла себе запазуху. «Крестик что ли показать хочет?» подумала Таисия. Но старуха достала ключ на тесёмке и, сняв его через голову, протянула Таисии.

– Открой вон ту дверцу шкафчика, давай-давай, не стесняйся.

Таисия открыла дверцу и присвистнула:

– Вот это да, целый склад, и все одной марки!

– Я только это винцо и люблю! Что ж я – крыса подопытная, пить всякую бурду, если вдруг моего любимого в магазин не завезут? – пожала плечами Павловна, – люди кто соль-сахар, или муку запасают, а я вот, грешница, винишко красное сильно уважаю, да и для здоровья оно полезно, в разумных пределах, конечно. Мне после него дышать лучше.

– Так давайте я себе что-нибудь другое куплю, вам ваших запасов на дольше хватит.

– Нет, девонька, так негоже, когда кончится, тогда и будешь его по всему городу искать, это ж мне на автобусах не наездиться, а ты молодая, порыскаешь. Ох, подустала я что-то сегодня.

Павловна зевнула и прикрыла глаза, Таисия тихонько вышла на кухню.

– Что это ты делаешь? – Павловна стояла в дверях кухни.

– Я мяско уже заранее поджарила, картошку начистила, сейчас, через десять минут будет жаркое готово, – Таисия помешивала в сковородке готовящуюся пищу, – Павловна, я ещё кой-каких продуктов прикупила, чтобы холодильник порадовать.

– Может, ты ещё и крестиком вышиваешь?

– Нет, – улыбнулась Таисия, – а вот носки да вещи покрупнее свяжу.

– Сколько раз у меня был шанс этому ремеслу обучиться, – Павловна села за стол, – да так и не сподобилась, терпения у меня на эти петельки-крючочки не хватает. Покер да преферанс – вот самое лучшее время препровождения. В картишках я – мастер. Как-нибудь сходим с тобой в казино, халявные деньги – достойная награда для матёрого картёжника. Гляди-ка, и посолила по моему вкусу, – Павловна, обжигаясь, зацепила вилкой кусок мяса и соломинку картошки.

– Ой, а саму картошку я забыла посолить, – всплеснула руками Таисия.

– А мне это как раз и в елочку, ну, – Павловна подняла бокал с вином, – будем здоровы, девка.

Едва они чокнулись, Таисия прислушалась и, даже не отпив глотка, поставила бокал на стол:

– Павловна, вы слышите шум на площадке? Это голос моей снохи.

– А ты не слушай, а кушай, там происходит всё, что надо. Тебе нужен результат?

– Смотря, какой ценой.

Таисия выскочила на лестничную площадку и упёрлась носом в спину одного из двоих крепких высоких парней. Он отступил в сторону, пропуская женщину, но Таисия замерла на месте и почувствовала, как ёкнуло сердце. Её сын Рауль, прячась за спину своей супруги, выглядывал на второго парня, стоящего возле дверей его квартиры. В его глазах был ужас и паника. В приоткрытую дверь выглядывали внуки Таисии, мальчики-погодки, пяти и шести

лет. Парень, который был ближе к Раулю и снохе, протянул руку и закрыл дверь, втолкнув мальчишек в квартиру.

– Что здесь происходит? – тихо спросила Таисия.

– Это у вас надо спросить! – взвизгнула сноха и уставилась на Таисию выпученными глазами, – хотите собственных внуков отца лишить?! Я найду на вас управу, не два, а десять лет будете сидеть, пожизненно упе-ку! Старая дрянь! Собственного сына готова за деньги проклятые искале-чить!

Брызгая слюной, сноха разразилась такой отборной площадной бранью, что Таисия почувствовала, как вспыхнули румянцем смущения её щёки.

– Да ты сама должна была нам нахапанное добро отдать, пожила уже, дай и нам пожить, внуки у тебя! Сволочь жадная! Да я тебе глаза выщаРапаю, морда татарская и сын твой мне не указ!

Таисия почувствовала, как тошнота подкатила к горлу.

– Будь мужиком, поехали, вторая наша встреча уже не будет такой ува-жительной, как сейчас, – спокойным голосом сказал тот из парней, кото-рый стоял рядом с квартирой сына, – лучше, когда щеглов родной отец воспитывает, чем отчим.

– Ты ещё угрожаешь?! Да я тебе...

Сноха с кулаками кинулась на говорившего и тут случилось такое, как показывают в кино. Молниеносным движением руки подвергшийся атаке парень схватил нападавшую за шею сзади, припечатал лицом к стенке, а второй рукой выхватил пистолет с глушителем и приставил дуло к затылку женщины. Агрессию как рукой сняло и сноха, у которой подкосились ноги, готова была рухнуть на пол, держала её только мощная рука, впившаяся в её затылок.

– Вот, можно же спокойно разговаривать, – невозмутимым голосом сказал тот, что держал сноху, – наше время стоит дорого, молитесь богу, чтобы мы не посчитали свои неурочные, которые были истрачены на высЛушивание вашего визга. Если вы, сударыня, предпримете лишние движения, то ваших детей будет воспитывать их бабушка. Поняла, коза?

Испуг Таисии уже давно улетучился, наступило оцепенение и теперь она с жалостью и неприязнью смотрела на своего трясущегося сына, который просто вжался в дверь квартиры. У него зуб на зуб не попадал, тонкая струйка слюны из открытого рта стекала на воротник рубашки. «О каком мужском сопротивлении речь, хоть бы от страха тут же не умер. Какое ничтожество я произвела на свет!» подумала Таисия и услышала, как хлопнула дверь квартиры на верхнем этаже, кто-то спускался.

– Поняла, – прошептала сноха.

– Вот и молодец, понятливая.

Шаги наверху затихли, а потом повернули обратно, хлопнула дверь квартиры. «Да, сейчас никому ни до кого нет дела, все только за себя» подумала Таисия.

– Иди домой, к детям, – парень, до сих пор державший сноху за шею, отпустил её и подтолкнул к дверям, – твой муж придёт тогда, когда машину найдёт. И не делай сегодня того, о чём можешь пожалеть завтра, врубаешься?

Когда за снохой закрылась дверь квартиры, он обратился к Раулю:

– Что стоишь, мерин, давай, валяй вниз. Вынужден извиниться перед вами за эту сцену, обычно мы работаем более тактично.

То, что этот парень сделал в следующую минуту, привело Таисию в состояние полного ступора – он нагнулся... поцеловал её руку, потом по-смотрел в глаза и улыбнулся:

– Всего хорошего.

Таисия, как зачарованная, держала руку навесу и очнулась только тогда, когда хлопнула дверь подъезда. «Какие у него глаза, просто чудо, высокий, красивый, любовника бы такого и жизнь, можно сказать, удалась. Господи, о чём ты, старая, думаешь?». На негнущихся ногах

она вернулась в квартиру Павловны. Та так и сидела на одном месте, даже к дверям подслушивать вряд ли подходила.

– Ну, пить-то будем сегодня или как?

– Картошку подогреть? – Таисия медленно опустилась на стул.

– А чё её греть? Тебя минут пять не было.

– На чём мы остановились? – всё ещё под впечатлением увиденного, Таисия сказала первое, что пришло в голову.

– На том, что ты – дура, – Павловна легонько ткнула пальцем Таисию в лоб, та будто проснулась и передёрнулась, – я же тебе русским языком сказала, не ходи, крови бы всё равно не было, ребята у меня не кровожадные, так, пару синяков, да рёбра бы помяли, делов-то куча. Это нехорошо, когда собственное дитяtko, которому ты жизнь дала да грудью вскормила, так грязно родную мать кидает, в Куршавелях хотел отдохнуть от делишек своих «праведных». Ты сама попросила меня разругать твою проблему, для меня желание клиента – закон.

– Хотела спросить, откуда вы такие приклатнённые словечки знаете, да вспомнила, лагерь, – Таисия сделала большой глоток вина, – а кем вы работали?

– Товароведом, – гордо распрямив спину, сказала Павловна.

– Ого! А это до лагеря или после? – Таисия спросила сразу, не задумы-ваясь и, по колю-чему взгляду Павловны, поняла – задела тонкие струны души старухи.

– Ты думаешь, я за пару часов передам тебе весь свой багаж прожитого и ты, тут же, помудреешь? – прищурилась Павловна.

– Я не хотела вас подколоть, правда! Хотела послушать о вашей жизни, вы-то, поди, о моей уже всё знаете.

– Не всё, ты в каком году родилась? – судя по тональности голоса Павловна не обиделась на Таисию.

– Я вам скажу, только никому, – шопотом сказала Таисия, – мне-то всегда сорок два.

– Тю, как это?

– Да шучу, родилась я в 1953, 30 апреля, матушка мною быстро разрешилась, а могла и потерпеть, какой-то минутки не хватило, тогда бы я свой день рождения в большой советский праздник отмечала. Мать просила акушерку, но та ни в какую, раньше все друг на друга стучали, чтобы за бдительность грамоту получить.

– Не говори о том, чего не знаешь, просто в твоём случае принципиальная медичка попала, а может, и так, что-то об оккультизме и астрологических науках знала, поэтому не стала тебе с самого начала жизнь определять. Праздники меняются, забываются, а ты – факт.

– Не понимаю, что-то вы туману напустили на обычное дело.

– А вот давай-ка горло промочим и я тебе объясню, – отпив глоток ви-на, Павловна продолжала, – гороскопами и всякими подобными разностя-ми я давно заинтересовалась. Эта литература когда-то вообще запрещённая была, так, со слов стариков можно было хоть что-нибудь узнать. А сейчас красота, на каждом прилавке книжек по сотни лежат, бери и читай, выводы делай и за людьми наблюдай. Так вот, ты, девонька, типичная змея, пятьдесят третий год был годом змеи. Если соединить все цифры этого года получится девятка.

– И что?

– А то, что ты сама над своей жизнью подумай и увидишь, ты – холодна, расчётлива и целеустремлённа, я бы не хотела стать твоим врагом.

Твоё проклятие, как яд змеи, людей, что ты со зла отметила, отравит мучительно и бесповоротно, никакие бабки-ведуньи не помогут. Тот, кто отправил тебя на эту землю, ангел или демон, не знаю, тут ещё подсчёты нужны. В ночь на первое мая весенний шабаш ведьм, они на Лысую гору

летят, открывать летний сезон. Чего ты посмеиваешься? Точно тебе говорю, силу свою ты пока ещё не знаешь или не замечала последствий, но время придёт и, – Павловна ткнула

Таисию пальцем в лоб, – тут дверка откроется, все, что в твоём мозгу есть проявится. Я знаю одного человека, который в ночь с тридцатого октября на первое ноября родился, так она огого какая ведьмачка.

– Так число-то другое? – пожала плечами Таисия.

– Другое-то другое, нов эту ночь ведьмы опять на шабаш собираются, чтобы, как говорится, летний сезон закрыть, расслабиться да о своих подвигах похвастать.

– Павловна, вы меня удивляете, – расхохоталась Таисия, – такого бреда от вас я вообще не ожидала услышать! Вы были коммунисткой?

– Заявление писала, – кивнула головой Павловна, – да вот только обстоятельства так повернулись, что миновала меня чаща сия, а может и хорошо, будь я партийной, срок бы раза в два больше мне впаляли. Обошлось. Господи, вкуснота-то какая, – Павловна зажмурила один глаз от удо-вольствия, отпив ещё глоток вина, – для того, чтобы наслаждаться этим питьём и стоит на свет родиться. Вино как любовь, один бокал делает человека счастливым, много – безумным. Конечно, страсти по мужикам во мне давно улеглись, а вот этот напиток до сих пор бодрит и умиротворяет.

– Павловна, сколько раз вы замужем были?

– Ты будто следователь, разговор резко переводишь, чтобы врасплох застать, – хмыкнула Павловна, – а ни разу. Что удивляешься, вот так у меня жизнь сложилась, троих своих воздыхателей я похоронила.

– Матушки мои, как же так? – изумилась Таисия, – что за напасть такая?

– А вот и напасть, каждый из них, пока мы женихались, от какой-нибудь хвори помирал. Время было тяжёлое, врач один на сотню вёрст да и таблеток-микстур раз- два и обчёлся. Это сейчас молодёжь друг другу в глаза посмотри и уже в кустах барахтаются, в наше время всё по-другому было, до свадьбы ни-ни. Так до тридцати лет я в девках и проходила, пока не появился в нашей деревне Ванюшка, его к нам из области на уборку в подмогу прислали, трактор в ту пору, как и врач, один на всю округу был. Красавец, гармонист, все девки по нему сохли, а он меня выбрал. Я вроде и невестой завидной по тем меркам была, у меня дом большой, хозяйство, жила одна, моя мать с братишками-близняшками к тому времени померли, чахотка и отец долго не прожил, запил и сгорел. Ванюшка сразу на меня запал, хотя по деревни обо мне дурная слава шла, мол, «чёртова невеста, сам нечистый её женихов могилу сводит, чтобы её не отдавать никому».

Советская власть про религию да всякую чертовщину людям хорошо мозги полоскала, да разве вековую дурь за малый срок вылуцишь? В один из дней, мы на току зерно лопатили, подошёл ко мне председатель колхоза нашего, дошли до него слухи, что Иван на меня глаз положил и говорит мне тихонько: «ты, Анна, Ивана к себе не подпускай, где я ещё трактори-ста в такую пору возьму». Я так и обмерла, ещё если бы мне бабка, из ума выжившая, такое сказала, куда ни шло, но председатель – коммунист? Чуть сквозь землю от стыда не провалилась, но наказ запомнила, чтобы людей против себя не настраивать. Стала избегать Ивана, старалась, чтобы наши пути никак не пересекались.

– А вам он нравился?

– Да влюбилась я в него по уши, как никогда до этого не любила, с первого взгляда, с ума сходила.

– И как же вы?

– Будешь перебивать, ничего больше не скажу, – нахмурилась Павловна, но вряд ли угроза была серьёзной, по глазам старухи было видно – рассказ так и просится наружу, – и тут, как-то ночью, услышала я слабый стук в окно, шторку дёрнула, а там, в свете луны, Иван стоит. Приоткрыла я окошко, а он тут же за руку меня схватил и зашептал: «не выйдешь ко мне, пойду, утоплюсь, жизни мне без тебя нет». Уступила я, так мы и стали по ночам встречаться, миловались так, что дух захватывало и сердце останавливалось. Но ничего лишнего

я ему не позволяла, когда чувствовала, что он вот-вот с собой сладить не сможет, вопросыки ему всякие задавала, он мне о городской жизни рассказывал, стихи читал. Уборка к концу подходила, Иван, когда пришёл в очередной раз, сказал, что перед народом меня своей невестой назовёт. Я хоть и любила, но тревожно на душе было, сказала ему, что не выйдет у нас ничего хорошего, помню, он засмеялся, прижал меня к себе и шепнул: «любовь наша сильнее всяких напастей». А утром над селом обложной дождь начался, Иван в поле работал, промок – продрог, а через три дня слёг с воспалением лёгких. Врачи его в райцентр увезли, сказали, что вряд ли выкарабкается. Сгорел здоровенный мужик за неделю, как свечка. Почуяла я, что надо мной тучи сгущаются, собрала вещички сменные, дом подпалила, чтобы некуда было возвращаться и рванула через лес на станцию. Билет до Москвы не купила, с пересадками пришлось ехать, а на этой станции, где теперь городок наш разросся, жизнь моя и перевернулась.

Павловна замолчала, на этот раз Таисия не подгоняла её рассказа, старуха с характером, может и замкнуться в себе, а услышать продолжение Таисии очень хотелось.

– Сделай-ка мне яишенку, пока вспоминала, проголодалась, а я сейчас...

Пока старуха в ванной комнате заседала, Таисия уже подсутилась, яичницу сварганила, чтобы желтки жидкими были, вдруг Павловна макать хлебом их любит? Старуха вернулась к столу и тут же макнула краюшку хлеба в яркий глазок яичницы. Таисия терпеливо ждала, пока Павловна насытится.

– Молодец, я такую и люблю, как угадываешь? Ну, слушать дальше хочешь? Да, самое интересное впереди. Так вот, мы чуть-чуть до Москвы не доехали, что-то там с вагоном произошло, путейцы его дальше не пустили, мол, в столице строгий контроль, как бы по шапке за неполадки не получить. Кто шибко торопился, тех по всему составу распределили, а кому торопиться некуда было, тот остался другой поезд ждать. Я тоже осталась, с мыслями собраться надо было, решила подождать. Пошла я со своим узелком в тот сквер, что до сих пор растёт и процветает возле нашего вокзала. Вечер уже был, темновато. Но я разглядела человека, сидящего на скамейке, решила подойти, поболтать, всё веселее вдвоём время коротать. Подошла, оказалось, это женщина с маленьким ребёнком на руках, сидела неподвижно, толи думала о своём, толи дремала. Я подошла и поздоровалась, женщина мне не ответила, а ребёнок, слышав мой голос, заукал, захныкал. Смотрю, женщина не шевелиться, я решила ребя-тёнка на руки взять, пока мать дремлет, потянула его, а женщина не выпускает, несильно держит, а цепко. Я удивилась, до её руки дотронулась, а она как лёд, пригляделась я к её лицу, темно уже было, глаза у женщины закрыты. И тут меня будто кипятком ошпарили, – Павловна передёрнула плечами и снизила голос до шопота, – мёртвая она. Выдернула я ребёночка из её покойнических крепких объятий, посадила рядом с собой на скамейку, дала бублик, а сама огляделась, нет ли кого поблизости. На моей стороне провидение было в тот момент, ни души вокруг. У меня мозги хорошо работают, особенно в таких неординарных ситуациях. Взяла я её сумочку, нашла там документы, оказалось, землячки мы, она из Новосибирска, до моего колхоза два дня пути, свидетельство о рождении ребёнка тоже было, в графе «отец» – прочерк. Мы с ней одного года были, я тринадцатого мая рождения, а она седьмого. Я – Анна, а она – Алла, отчества разные, ну и фамилии, конечно. Сходство меж нами слабенькое было, но благо в то время фотографическая индустрия не чета теперешней, можно было прямо на фотографии карандашом подкорректировать чуть-чуть. Я быстро сообразила, свои документы ей положила, а её себе забрала. Ребёнка подмышку, платком обернула, он тут же заснул, устал малый, да замёрз, осень ведь была. Кинулась я бежать подальше от этого места, решила, что значит так судьбе угодно, в этом городишке мне и осесть. Хотя в большой Москве затеряться проще было, но и хлопот не оберёшься устраиваться, в маленьких городах люди добрее, сердобольнее. Когда за моей спиной свисток милиционера раздался, я чуть сама замертво не свалилась, едва с мыслями собралась да отдышалась, как патруль ко мне подошёл. Выслушали мою историю о том, как наш вагон сломался и сопроводили меня на вокзал, в комнату матери и ребёнка, были

такие раньше в каждом вокзале. Ночь мы с ребёнком переночевали, мальчишка молодец, вёл себя спокойно, покормили его, он и заснул до утра, умаялся, бедный, а я всё дрожала, боялась, что когда он отдохнёт, начнёт капризничать, я же чужая тётка, кто знает, какой у него характер, некоторые ребята чужих к себе на пушечный выстрел не подпускают, орут благим матом. Едва утра дождалась, но мальчонке надо должное отдать, он нутром чувствовал, что деваться ему некуда, сразу меня принял, заулыбался. Ты тоже слышала, дверь хлопнула? Быстро твой сынок показал, где машина. Хочешь пойти посмотреть? Да в порядке он, что с дерьмом будет! Думаю, пора тебе свои вещички ко мне перетаскивать или другую крышу себе нашла?

– Да не зачем, если не прогоните, мне и у вас замечательно, – улынулась Таисия.

– Не прогоню, пока душа в душу жить будем, – хмыкнула Павловна, – иди, тащи своё добро, много его у тебя?

– В одной сумке уместится, всё продала, – развела руки в стороны Таисия.

Открыв двери своими ключами. Таисия прислушалась, голоса сына и снохи раздавались из кухни. В полумраке коридора Таисия споткнулась об два своих чемодана и, чертыхнувшись, зашла в кухню.

– Мебель тоже забирать будешь? – дрожащий голос сына болью отозвался в сердце матери.

– Нет, пусть внукам остаётся, – ответила Таисия, – где моя шкатулка?

– В вашем чемодане, ничего вашего мы не брали, – сноха повернулась к Таисии и та заметила, сколько ненависти было сейчас во взгляде молодой женщины.

Таисия вышла в коридор, достала из чемодана шкатулку, в которой хранила свои украшения, посмотрела на них, вытащила старинное кольцо и сунула его в карман. Прикинула, сколько стоят оставшиеся драгоценности, тысяч семь в долларах будет, и, вернувшись на кухню, поставила шкатулку на стол.

– Это не вам, это внукам.

– А кольцо с подвесками себе оставили? – хмыкнула сноха, – остальное-то и половины от кольца не стоит.

– Ох и наглая же ты, Аллах тебе судья, подвески я уже давно продала, в сумму долга вложила, а кольцо у нас в роду по женской линии передавалось, а вы девочку не родили. Если родите, а может, у кого-то из ваших детей девочка родиться, вот тогда и отдам.

– До этого ещё дожить надо... – Рауль споткнулся на полуслове.

– А я помирать в ближайшие лет сорок не собираюсь, – от души расхохоталась Таисия, за время этого тяжёлого разговора с ней словно груз сняли, ей стало легко.

Выставив на лестничную площадку свои чемоданы, она положила ключи на тумбочку и вышла, громко хлопнув дверью, поставила точку в отношениях со своими близкими. Павловна уже спала и это расстроило Таисию. Она вымыла посуду, вещи разбирать не стала, есть завтрашний день.

– Сколько там натикало? Таисия, дрыхнешь, что ли?

– Оладушки стряпаю, сейчас чай будем пить, время-то уже много, девять сорок пять, – голос Таисии доносился из кухни.

– А наша работа отделом кадров не контролируется, – Павловна, нечёсаная, в ночной рубашке до пола заглянула на кухню и прошаркала в ванную.

– И вам доброе утро, – в полголоса сказала Таисия, ставя на стол тарелку с дымящимися румяными оладьями.

– Да уж, порадовала, вкуснота, с клубничным вареньем вообще объедение, – Павловна причмокнула языком, – а я всё больше к яблочному повидлу привыкла, не люблю я эти современные джемы, конфетьюры. А вот если бы земляничное было, вообще отпад. Да где нынче землянику взять? Всё перепоганили, то свалка, то заправка, то кафешка задрипанная. Ох, спасибо, порадовала.

Павловна утёрлась маленьким полотенцем и откинулась на спинку стула:

– За сколько ты, голуба, машину хотела толкнуть?

– А вы купить хотите? – засмеялась Таисия.

– Позубоскаль мне, я тут ночью накидала кой-какую схему.

– По-моему, вы прекрасно и крепко спали? – Таисия прищурилась, – у меня сегодня такое настроение чудное, такая лёгкость, давно я такой свободы не чувствовала, – под пристальным взглядом Павловны, Таисия перестала описывать свой восторг, – тысяч восемнадцать, недорого и продать можно быстро, у меня время поджимает.

– За такую цену покупатель уже имеется, значит, можно сказать ребятам, чтобы загоняли на СТО, подшаманить кой-чего в ней надо, чтобы как конфетка была.

– А откуда вы могли узнать, за сколько я хотела продать? Во сне приснилось?

– Я что, на ясновидящую похожа? – нахмурилась Павловна, – хорошо, объясню тебе, но заметь, против своих принципов поступаю. Проще было послать тебя подальше с твоими расспросами, да ладно, раз уж живём вместе, надо тебя капельку в курсе держать. Есть у меня кабинет, где я все вопросы решаю, сама понимаешь, детство у меня тяжелое было, деревянные игрушки, велосипед без седушки, да опять же, Антанта проклятая может подслушать.

Таисия ухохатывалась до слёз:

– Вот уж не думала, что туалет можно считать резиденцией, вы случайно там рекомендаций по курсу Доу Джонса и цене на баррель нефти не даёте?

– А дала бы, если бы спросили, – Павловна состроила ехидную рожицу, – хватит ржать, нажми-ка вот эту кнопочку.

– Вы всегда мобильник выключаете? А вдруг кто-то захочет вам позвонить? Городского телефона у вас я не заметила.

– А неча меня беспокоить, кому надо, того сама достану, опять же, Антанта проклятая может запеленговать, по телевизору что, не видела, каждый сотовый можно по спутнику найти. Так, прибирай-ка на столе, – Павловна махнула рукой, а потом посмотрела на Таисию, – спасибо за еду, девонька, давно я домашней пищией кишки свои не радовала.

Павловна прошествовала в ванную и Таисия услышала шум включенной воды. «Ну, конспираторша» усмехнулась Таисия, вымывая чайные чашки.

– Так, девка, собирайся на работу.

Павловна плюхнулась в своё любимое кресло и, закашлявшись, брызнула из баллончика себе в рот.

– А вы?

– А я дома останусь.

– Может, я тоже?

– Э, нет, негоже, чтобы место простаивало, да и последние известия надо знать. Заодно и бабёнку эту, новую, как там её? Зося Марковна, имя цыганское, отчество еврейское, ох и смесь.

– Она учительницей работала сорок лет, я спрашивала.

– Вот, поддержать её надо, она за себя постоять не сможет, на рынке сейчас передел мест идёт, поэтому от нашего кооператива обязательно каждый день человек должен быть. Если кто из залётных уж сильно наез-жать будет, ни с кем в «базар» не вступай, придёшь, доложишь, я завтра са-ма со всеми разберусь. Училке привет передай, скажи, пока я живая, ей бояться нечего.

День прошёл, как обычно. Таисии только показалось, что покупателей было больше, чем в другие дни. Павловна оказалась права, среди покупателей сегодня было много парней с характерной внешностью, бритые затылки, пустые глаза. «Торпеды нового хозяина» поняла Таисия и пристально наблюдала за ними, но к их торговому месту никто не подходил. Им нашлось о чём поболтать с Марковной, учительница читала Таисии стихи Омара Хайяма. Таисия слу-

шала с удовольствием и удивлялась, почему этого восточного писателя не изучают в школьной программе, красивые, мудрые слова.

– Я курочку принесла, через час буду вас домашней лапшичкой кормить, – радостно сообщила Таисия, заходя на кухню с пакетом продуктов, – сейчас лапшу замешу, яичек домашних специально прикупила.

– Опоздала ты со своей синей птицей.

– Почему с синей? Нормальная, откормленная и почему опоздала? —

Таисия застыла в дверях.

– Я уже цыплят – табака забубенила, чуешь, как чесночком пахнет?

– Да, – Таисия потянула носом воздух, – когда успели?

– Э, милая, я бы и трюфелей приготовила, будь у нас денюжат побольше.

– Да вроде мы не бедствуем, или как? – пожала плечами Таисия, – у меня кой-какие сбережения имеются в дальнем загатнике.

– Вот пусть и лежат, сдавай кассу, дело прежде всего.

Таисия достала из кармана деньги и протянула их Павловне вместе с тетрадкой, в которой они отмечали поступление и расход своих нехитрых товаров. Павловна, нацепив на нос очки, досконально просмотрела всё и присвистнула:

– О, смотрю, у тебя торгашеский талант не спит, это хорошо. У меня для тебя тоже сюрпризик денежный имеется, подними чашку на подо-коннике.

Таисия захлопала в ладоши, увидев несколько банковских упаковок новеньких, хрустящих евро.

– Сколько здесь? – выдохнула она.

– О, здорово, восемнадцать, как и договаривались.

– Сколько за все услуги я должна отдать?

– А сколько не жалко? – прищурилась Павловна.

– Сколько скажите, я бы без вас ничего не смогла сделать, – пожала плечами Таисия.

– А, половину, – Павловна не спускала глаз с Таисии, наблюдая за реакцией.

Таисия была абсолютно спокойной, отняла половину пачек и положила их на стол перед Павловной, та отодвинула деньги в сторону и пристально посмотрела на Таисию:

– Тебе же не хватит внести последнюю сумму.

– А у меня запасной вариант имеется, – Таисия щёлкнула пальцами и, расстегнув ворот платья, вытащила на свет божий колье, которое вчера вечером одела на шею.

– Ох ты, красота, – причмокнула языком Павловна, – поди цены немалой, не жалко с такой вещицей расставаться?

– Честно? Жалко, – Таисия присела на край стула и рассказала Павловне, сколько по деньгам стоит это колье и какую цену оно представляет для неё самой в духовном плане.

– Вот, а ты сразу подхватила, чуяла я, что вещь непростая, – закивала головой Павловна, – спрячь деньги в свои чемоданы и колье своим не тряс, у меня есть к тебе деловое предложение. Коробку от ксерокса в комнате видела?

– Нет, не заметила, – пожала плечами Таисия.

– Это плохо, в нашей жизни всё подмечать надо, чтобы вовремя среагировать.

– Стратег, вам бы армией командовать, – улыбнулась Таисия.

– А запросто, да только на мои плечи, синие от лагерных печатей, никто погоны не оденет, пошли, посмотришь.

Павловна жестом указала Таисии, куда поставить коробку и открыла крышку. Таисия сразу смекнула – бухгалтерские бумаги.

– Правильно видишь, – кивнула Павловна.

– И что с ними делать?

– А то, что умеешь, дебет с кредитом сведёшь и на бумажку выпишешь, где, куда и сколько денег было переведено, откуда поступили и куда ушли.

– Да тут работы на неделю, – хмыкнула Таисия, – шантажировать кого-то решили?

– Во-первых, не твоего ума дело, зачем мне эти сведения, а во-вторых, тебе куда торопиться? Сиди себе да считай или хочешь с побрякушкой своей расстаться?

– Нет, – поморщилась Таисия, – конечно, я всё сделаю.

– Вот тогда и долг свой отработаешь, – Павловна хлопнула ладонью по бумагам, – завтра с утра и начнёшь, когда я на базар уйду. А сейчас ужинать пойдём, а то наш табак в окно упорхнёт, да винцо скиснет.

– Полюбила я эти наши посиделки с вкусной едой, вином и разговорами, так и привыкнуть недолго, – сказала Таисия, утолив первый голод.

– А зачем отвыкать, мы – бабёнки свободные, никому ничего не должны, можно так и до конца век коротать. Вино в меру – эликсир здравомыслия.

– Уж извините меня за настырность, но рассказ о вашей жизни у меня из головы весь сегодняшний день не выходит, расскажите, что дальше было.

– Ага, побежала, старуху на полуслове перебила, а теперь любопытств-вуешь, – хмыкнула Павловна, – расскажу, чего уж тут, раз начала. Устрои-лась я на ткацкую фабрику, самое подходящее место было, там жильё давали и садик для пацана. Он по свидетельству о рождении Мишей был назван, так конечно и стала я его величать. Ткачиха из меня никудышная была, вроде не дура, а никак не могла в этих нитках успеть разобратся.

Пятилетка в четыре года – этот лозунг для меня как серпом по одному месту был. Кое-как наострилась, работу такую жалко было терять, зарплату хорошую платили, а начальник цеха моего мне вообще комнату в коммуналке выхлопотал, не казённую, раньше так было, ведомственное жильё, помнишь? А мне из городского фонда дали, как матери-одиночке. Я в своё время только шесть классов школы окончила, но читать всегда любила, язык подвешенный был. В документах матери Миши был диплом об окончании торгового техникума, я его подальше спрятала, думала, никогда не пригодиться. О, вперёд забежала, самое интересное пропустила. Так вот, советская власть за здоровьем женщин следила, на фабрику медкомиссию пригнали, врачи и по женской линии были, тётка да стажёр при ней. Представляешь? Я – девственница, а у меня ребёнок! Представляешь, сколько я страху натерпелась? Думала увольняться надо, а тут Мишаня приболел, в яслях простудился, воспаление лёгких подозревали, я целых полтора месяца по бюллетеню с ним просидела, на том этапе так и спаслась. Осложнения после болезни у мальчишки получились, пришлось мне с ним и дальше на больничном сидеть, советская власть – золотое время было, всё оплачивали. И тут новый виток в моей жизни получился. В коммуналке нашей бабуся померла и в её комнату въехала деваха-огонь, Полина Смелова, фамилия сама за себя говорит. Незамужняя, лет на пять меня младше, только уж больно гулящая, мужиков страсть как любила.

«Носки – портки замужем стирать? Извините, пока молодая, всё от жизни возьму, пенки сниму» это её любимая фраза была. Вот такие мы две противоположности, а сошлись, как родные. Как-то раз привела она очередного хахалю, оказался, директором продовольственного магазина, Роман Аванесович. Это сейчас супермаркеты на каждом углу, а в то время большой магазин был один на весь город. Полинка этого Аванесыча в ресторане подцепила, она красавицей знатной была – волосы длинные, белые, не крашенные, а от природы, глаза здоровенные, зелёные, а фигура, закачаешься, как Венера Милосская. Армяне на таких русских баб полных сильно падкие, обомлел и размяк Аванесыч от Полинкиной красоты. Поганец, жена, трое детей, но разве это мешает, когда, извини за выражение, хрен в лоб бьёт от страсти. Он ей всё – шубку, сапожки, кольца-серёжки, и меня жалел, а может, в глазах своей любовницы таким сердобольным хотел казаться, всяких деликатесов таскал сумками. Когда он в очередной раз к Полине в гости наведлся, предложил он мне работу в своём магазине, в мясо-молочном

отделе. Я сразу испугалась, какой из меня продавец с шестью классами, говорю, мол, подумать надо. Полинка разозлилась за моё тугодумство, вспыхнула: «тебе что, техничкой предлагают работать? Сразу тебя кто в товароведы возьмёт? Сначала к Работнику присмотреться надо, правда, Ромушка?» А Ромушка, сорокАлетний, уцепился «почему туваровед?». А Полинка и давай соловьём разливаться, что у меня и диплом техникума есть и ответственная я и положительная. «Нечего дома киснуть, Мишку я в садик пристрою, тут недалеко есть у нас, а у меня там заведующая знакомая. Завтра же ступай и принимай отдел, такой человек тебе работу предлагает, что тут думать? Ромушка, благодетель ты мой, а теперь и Анькин, век тебе будем обязаны, как на бога, на тебя молиться будем». Аванесыч в улыбке расплылся, щёки лоснятся, будто это не он, а ему работу предложили. Бабы легко могут мужиками крутить, если молодость и красота ещё не ушли. Вот так быстро и решилась моя судьба. В магазине я быстро всему научилась, болтала мало, больше слушала и прислушивалась, как надо работать. Все думали, что я просто такая уважительная и не скандальная, а я боялась что-нибудь не так сказать или сделать, чтобы не заметили, какая я неумеха. Быстро я всему обучилась, особенно арифметике этой чёртовой, скоро в уме быстрее начала вычитать и складывать, чем на счётах. Меня даже отметили, как передовика производства. А спустя какое-то время, Аванесыч предложил мне должность товароведа, вроде как по специальности.

– А как насчёт медосмотра? Ведь это обязательное условие в торговле?

– спросила Таисия.

– Конфеты, коньяк и так, по мелочи всегда свою роль играли, придумывала то месячные, то ещё какую фигню, пролазило. Вижу ещё один вопрос в твоих глазах, мужиков я избегала, помня, чем они расплачиваются за любовь ко мне. Трех ведь точно схоронила, а Иван ко мне во сне приходил, говорил, что скучает, ладный такой, красивый, в костюме, в таком виде во сне только покойники приходят, значит, и он не выкарабкался. Клеились, конечно, ко мне мужики и моложе меня и старше и калибра физического разного и материального положения, но я ни-ни, не кровожадная. До тридцати шести лет с девственностью своей не рассталась, а потом она для меня самым ценным даром стала. Вот так я в христовы невесты сама себя и записала! За меня и за себя Полина удовольствия от мужских ласк получала, я до сих пор её не осуждаю, есть суд и посерьёзней, чем наш, человеческий. Первые свои месяцы на должности товароведа я честно свою работу исполняла, а потом, как говорят, аппетит приходит во время еды, а я могу добавить, аппетит возрастает от безнаказанности. Стала я приписками заниматься, товар партиями списывала, якобы срок годности вышел, да мало ли у товароведов примочек всяких, чтобы левые деньги сделать. Появились у меня связи нехилые, да только и они не отмазали меня от ОБХСС. Помнишь такую организацию? Это сейчас всё и всех купить можно, а тогда в этом отделе все идейные и честные были.

Как только начали шерстить наш гастроном, Аванесыч от меня сразу открестился, хоть и дели мы с ним навар, мол, не знал, не ведал, что подчинённые творят, у него лапа мохнатая в министерстве была, откупился. Я его не виню, мне уже сорок было, знала, чем могу заплатить за свои шахеры-махеры. Срок мне впаяли – семь лет. Как вспомню себя ту, на суде – сердце кровью обливается. Но спасибо нашей коммунистической партии, иногда она давала поблажки таким, как я, оступившемся. Учили, что я мать – одиночка, что раньше не привлекалась, коллектив магазина характеристику мне настрочил, в пору хоть на «божничку» сажай. Полинка убивалась, себя винила, что познакомила меня с Аванесычем, будто он моей рукой водил, да свои мозги в мою голову засунул. Благодарна я ей и по сей день, она меня тогда не бросила, переспала с кем надо, мою комнату за мной так и оставили, хотя с проворовавшими торговашами тогда так поступали – конфискация имущества, а к тому времени я много чего приобрела и золотишко было и всякие вещицы антикварные, меха. Полинка, умница, всё припрятала в своё время. Опять же, с Мишенькой мне помогла, через постель, конечно, кому-то подвернула и опекунство над пацаном оформила. В зоне тоже крепко мне помогала, грела, как

говорят, это когда передачи передают. Всякого народа я на этапе и зоне повидала, школа ого-го какая, таких наук ни в одной академии не преподают, узнала, что на самом деле ценностью в жизни считается. Вот какое правило я оттуда вынесла – унижать можно, тем более, если это позволяют, а вот унижаться не смей, лучше умри. Мерзко конечно это всё, но иначе за решёткой не выживешь, там же не только торгашки-простофили сидят, да воровки по-мелкому, да те бабы несчастные, что мужа или любовника в сердцах чем-нибудь огрели, да до смерти. Там такие зечки прожженные, убийцы безжалостные, что сознательно человека жизни лишают, сидят, чуть проворонишь, раздавят. Там я ещё одно правило усвоила – не задавай вопросов, когда человек созреет, он сам выложит всё, как на духу. С добротой своей природной ни к кому в глаза не лезь, она, доброта, может с тобой злую шутку сыграть. Свою помощь никому не предлагай – жди, пока сами попросят помочь, а главное, назначь цену за свою помощь, тогда не будешь проклята.

– Да, суровая наука, – Таисия закатила глаза, – может, Аллах и уберёт меня от этого, что я и с половиной этого не справилась бы?

– Может и так, – Павловна кивнула головой, – однако, вопросик в твоих глазах, как соринка торчит, спрашивай.

– Вы так и не poznали физическую любовь? – прошептала Таисия, ей было неловко спрашивать об этом, но любопытство перевешивало.

– От, ворона старая, я ей такую науку преподаю, а её больше моя м...а интересует, – всплеснула руками Павловна.

– Анна Павловна, – сморщилась Таисия, она первый раз за то время, что прожила у старухи, назвала её по имени и отчеству, обычно обращалась только по отчеству, – я бы поняла, если бы вы дали обет безбрачия по религиозным соображениям или по какой-нибудь болезни, но так, в нор-мальной жизни и с нормальной головой, не забитой фанатическими идея-ми, нежели никогда, извините, не засвербило?

– Нет, не засвербило, – Павловна состроила ехидную мину, – моя девственность – палка о двух концах и концы эти неравнозначны. Помнишь, в деревне меня окрестили «невестой дьявола», может, и есть он, это дьявол и я его половинка?

Павловна закашлялась, но из баллончика брызгать не стала, отпила глоток вина.

– Не познала я радостей этого дела, фу, как по телевизору увижу все эти мерзости, противно становится, слюняво.

На щеках Павловны вспыхнул румянец, Таисия гадала, от вина или от смущения зарделись щёки непорочной старухи?

– Вводишь ты меня в смущение своими глупыми вопросами, Таисия, – Павловна сама ответила на немой вопрос своей слушательницы, – сама не знаю, жалуюсь я тебе или хвастаюсь, но такая песня моей жизни, припев не выкинешь. Последнее время подумываю так, может, когда предстану перед светлые очи господя, скостит он мне наказание за мои грехи в награду за моё девичество? Как думаешь? Вот и вся история.

– А как же Миша, Полина? Про их судьбы вы не рассказали.

– А что, Полина молодец, Миша всегда был сыт, обут, одет, она мою фотографию на комод держала, всегда ему показывала, моё день рождение они отмечали. Так что, когда я освободилась, они меня встретили и мальчонка сразу меня признал.

– А когда родилась та, биологическая мать Михаила?

– Девятнадцатого января, в самую стужу.

– А вы?

– Тринадцатого мая, так я и промаялась всю свою жизнь.

– А как вы начали жить после освобождения?

– Как и говорила уже, Полина встретила меня, всё моё добро сохранила, я первое время как зверь в зоопарке себя чувствовала, казалось, что по улице иду, а мне вслед пальцем тыкают,

зечкой обзывают. Это сейчас молодёжь полгода в предвариловке отсидит и на каждом углу себя в грудь бьёт, что сидел. В то время этот факт биографии скрывали, как могли. Так вот, Аванесович, не до конца подлецом оказался, отблагодарил меня за то, что я его с собой в тюрьму не потащила, купил мне вот эту квартирку, тогда она кооперативной называлась. Такие хоромы только недавно опять строить начали, раньше всё клетушками-хрущёвками народ баловали. У меня же балкон, как терраса, я его уже потом утеплила, цветы там выращивала, канареек завела, пели они, заслушаешься, выйду, сяду в кресло-качалку и кайфую. Но отдыхать мне долго сам Аванесович не дал, на овощную базу пристроил, деньги не большие, но свобода полная, перетёр, с кем надо, меня потихоньку в заведующие перевели, а там, сама понимаешь, доход другой.

– И вы не испугались снова махинациями заниматься?

– Э, милая, я-то уже учёная вышла, не хапала много, по чуть-чуть, а это всегда прикрыть можно. И время другое пришло, Горбачев дерьмо-кратию развёл. Полинке он тоже квартиру сделал, в соседнем подъезде, они так и яшались до самой его смерти, от инфаркта помер, в стрессе ведь всю жизнь прожил. Полина хоть и немолода была, а красоту не утратила, после него ещё с несколькими, мужичками дело имела, от каждого кое-чего и поимела. Детей у ней бог отобрал.

– В смысле?

– В том смысле, что скреблась больше, чем по здоровью могла, абортю дюжину переделала, вот врачи в очередной раз ей то место, где дети заводятся, и оттяпали. Так она моего Мишку за сына и считала, пока я на зоне была, она его окрестила в церкви, крёстной матерью стала.

– Слушайте, а Полине вы рассказали о появлении в вашей жизни Миши?

– Нет, даже ей не рассказала, – категорично мотнула головой Павловна, – даже тогда, когда перед её смертью возле неё сидела.

– Полина умерла? Давно?

– Давно уже. Квартиру свою Мишке по дарственной отписала.

– Так ваш сын живёт в соседнем подъезде? – удивилась Таисия.

– Нет, не живёт, квартира на нём числится, а сам отстроил себе коттедж в три этажа, ходит по нему один, самого себя в своих хоробах ищет, – с давней горечью в голосе сказала Павловна, – ни жены, ни детей. Тюрьма ещё с малолетки его дом родной, правда, уже как пять лет освобожден, пока держится.

Таисия отметила про себя, Миша – ещё та тёмная лошадка, но спросить, за что и сколько отсидел Михаил, не решилась, вспомнила правило о любопытстве. Павловна сама начала рассказывать, хотя было видно, что эта часть воспоминаний о жизни ей даётся ещё с большим трудом.

– Он с малолетства свободу почувствовал, его больше к блатным тянуло, чем к нормальным людям. Вот и загремел сразу. Нет, ты не думай, он – не убийца, он – вор, рецидивист, уже не одна ходка за спиной. А лет так несколько назад, короновали его, статус «вор в законе», что президент на воле.

– Это я знаю, ещё знаю, что этим людям не положено с родственниками поддерживать отношения.

– Ох, ты, грамотейка, откуда такие познания?

– Книжки читала, фильмы смотрела. Теперь понятно, как моя машина так быстро нашлась.

– Да это моя вина, что с Мишкой не видимся. Нет, он меня не обижает, заботиться, продуктами снабжает, лекарствами, пацанов своих присылает,

– Павловна нахмурилась и тут Таисия заметила, как крохотная слезинка скатилась по щеке старой женщины, – что-то разоткровенничалась я сегодня. Может, смерть скоро придёт за мной, раз исповедываюсь?

– Я никому не расскажу, живите, зачем смерть звать? – тихо сказала Таисия.

– Да это уже и не важно, правду Миша знает.

– Вы ему рассказали?! – удивилась Таисия.

– Рассказала, – махнула рукой Павловна, – уже сотню раз сама себя за это прокляла, да что уж теперь. Все Мишкины сроки я его поддерживала, посылки, письма, на свиданки ездила, я ведь у него одна. Вместе с Полинкой ждали его, а когда она умерла, страшно умирала, от рака, через полгода очередной Мишин срок кончился. Приехал он в аккурат на поминки, тут и радость у меня и горе, я за эти полгода сильно переживала, Полинку свою оплакивала, за столько лет вместе мы роднее сестёр стали. В этот день на фоне моих расстройств и приключился со мной первый приступ гипертонии и астмы. Белый свет потемнел, сердце, будто птица в силках билось, подумала я, что это мой последний день и смерть костлявая ко мне свои руки протянула. Вот я и выложила ему всё, как на духу, чтобы с чистым сердцем на тот свет уйти Миша сначала орал, возмущался, говорил мне, что я выдумываю. Но что-то в моём голосе или в словах убедило его, он затих и уже молча дослушал до конца мой рассказ. А смерть-то моя и отошла, врачи откачали, в больницу Миша ко мне не приходил, ребят посылал, лекарство дефицитное, гостинцы, всё, как положено. Спрашивала я их, где, мол, Миша, а они отвечали, что занят. Тут-то я и поняла, что зря ему правду выложила. Терзалась, а что теперь, слово – не воробей, вылетит – не поймашь. Когда меня выписали, Миша заявился ко мне, пьянющий, таким я его никогда не видела, сказал, что прощает меня за смерть своей родной матери, до моей гробовой доски будет меня содержать, похоронит по-человечески, но и всё, больше со мной знаться не хочет, – и вдруг Павловна расплакалась, горько, по-настоящему, – я так и обомлела, всю мою правду он на свой лад в своей башке переделал, что отравила я всех своих ухажеров, в бегах была, с матерью его познакомилась и её на тот свет отправила, чтобы её документами завладеть. Вот тебе очередной совет – никому никакой правды не рассказывай, люди всё на свой лад переделают, ещё и презирать тебя будут. Давай-ка, девонька спать, устала я от воспоминаний, хотя и легче на душе стало. Миша был для меня светом в окне, а видишь, как получилось.

Таисия в эту ночь вообще не могла заснуть, прислушивалась к свистящему дыханию Павловны и жалела эту старую, несчастную и такую одинокую женщину.

Шли дни за днями, недели за неделями, месяца за месяцами. Как говорить, всё устаканилось, Таисия была ушами и глазами Павловны. В их дуэт вписалась учительница, Зоя Марковна, теперь их уже можно было называть кооперативом единомышленников. Таисии нравилась эта спокойная, интеллигентная женщина, абсолютно не конфликтная. Она порой даже давала дельные советы не только в торговле, но и по жизни. Однажды Павловна, будучи очередной раз в плохом расположении духа, вспылила в адрес Марковны.

– До чёрта надоела твоя раздражающая вежливость, жёстче надо быть.

Но и в этот раз Марковна смогла найти такие слова, которые остудили Павловну:

– Момент море – помни о смерти, всё суета сует, человеческое существование бренно, а духовное благородство – вечно.

И так проникновенно она сказала эти избитые фразы, что даже Павловна не нашлась, чем возразить, сконфуженно крякнула и отвернулась. Так три, абсолютно разные женщины, нашли друг друга. Четвёртой к этой компании присоединилась Мадам, как оказалось, это про неё говорила Павловна, когда обмолвилась о человеке, рождённом в противовес Таисии 31 октября. Странность была в том, что все четверо были ровно на девять лет старше одна от другой. После застолья в гостях у Марковны, когда хозяйке стало плохо от визита племянника с сыном, Мадам жила при ней. Но на рынок семечки таскала исправно, там встречалась

с Таисией и Павловной. Раз в неделю женщины обязательно собирались у Марковны, эти посиделки нравились всем. Они откровенничали, делились своими переживаниями и радостями, у каждой много, чего было повспоминать. Но всему когда-то приходит конец.

Как-то утром Таисия проснулась от причитаний Павловны.

– Что с вами? Что-то болит? Сегодня у нас какие таблетки по списку? —

Таисия, завязывая пояс халата, заглянула в комнату Павловны.

– Да не то, садись, – Павловна похлопала ладонью по своей кровати, – вот мне какой сон сегодня привиделся. Иван, помнишь, я рассказывала, тот, о судьбе которого я ничего не знаю. Ну, тракторист, в женихах моих ходил?

– Помню, не волнуйтесь, вон, даже руки у вас дрожат, может, правда, таблетку дать? – Таисия взяла руку Павловны, пальцы были холодны, как лёд.

– Да что ты пристала со своими таблетками?! – Павловна чертыхнулась, – ничего у меня не болит, даже наоборот, чувствую себя, будто девка двадцатилетняя, даже дыхание не перепирает. Так вот, приснился мне Иван, такой красивый, такой чистый, в костюме. Протянул мне руку и говорит: «я так скучаю по тебе, люблю ещё сильнее, чем прежде, иди ко мне». А я и пошла, да не пошла, а побежала, в душе прямо всё перевернулось, так прижаться к нему захотелось, прямо сил не было сдерживаться.

Обнялись мы с ним и он говорит: «пойдём, я покажу тебе такие чудесные места, ты таких никогда и нигде не видела». И пошли мы с ним вот так, в обнимку, по широкой дороге, что посреди поля бескрайнего протянулась и так я счастлива была, с этим счастьем в сердце и проснулась. Как думаешь, сколько мне осталось?

– Да что вы, Павловна, это же просто сон, воспоминания о вашем несостоявшемся счастье, это всё – картины из подсознания, – пряча глаза, бормотала Таисия, – давайте-ка, всё-таки таблетки выпьем.

– Поднатаскала тебя Мадам, сознание-подсознание, – скривив губы, прошепелявила Павловна, – я одно знаю, ничего просто так не снится. Давай-ка, собери в сумки своё золотишко, деньжата у меня там, в шкафу припрятаны, за второй стенкой, да посмотри, может ещё, что ценное найдёшь и на базар двинем, работу никто не отменял.

Спорить было бесполезно, взволнованная Таисия набила три сумки, рассортировав вещи по габариту и надобности. Павловна, выпив свой привычный утренний кофе, оглядела поклажу и скомандовала:

– Многовато получилось, на автобусе не дотащить, заказывай такси.

– Господи, Павловна, да что происходит?! – Таисия устало опустилась на стул, – для чего это? Что вы раньше времени себя хороните?

– Э, нет, милая, ни ты, ни я не знаем, что день грядущий нам готовит. Всё должно быть под рукой и на виду. Мы с тобой сколько вместе прожили? Не хочу я, чтобы ты за свой пригляд за мной, с голой задницей осталась.

– Павловна, – умоляюще глядя на старуху, захныкала Таисия.

– Всё, хорош канители разводить, звони в такси.

– Что за переселение народов? – удивилась Мадам, глядя, как Таисия вытаскивает из машины набитые сумки, – вы, что, чью-то хату ломанули и награбленное принесли сбывать?

– Ох, зубоскалка, помоги лучше, видишь, баба надрывается, – Павловна кряхтя вылезла из машины, – здорово поживаешь, Марковна? Девки приткните всё под прилавок, чтобы в глаза не бросалось и вопросов лишних не вызывало. Марковна, всё это барахло вечером к тебе отвезёте.

– Слушаюсь, господин генерал, – Мадам шуточно козырнула, вдвоём с Таисией они справились быстрее.

Павловна, задыхаясь, тяжело опустилась в своё обшарпанное кресло за прилавком и, брызнув баллончиком в рот, прикрыла глаза от усталости.

– Павловна, лекарство, что я говорила, пила сегодня? – насторожилась Мадам, щупая пульс старухи.

– Ещё одна врачиха на мою голову, – Павловна, как от мухи, отмахнулась от Мадам, но руку не отдернула.

Мадам явно осталась недовольная беглым осмотром состояния Павловны и, вытащив из своей сумки стеклянную тубочку, вытряхнула на свою ладонь маленькую таблетку нитроглицерина, протянула её Павловне. Та посмотрела на Мадам, поморщилась, но таблетку всё-таки взяла. Таисия подсунула старухе бутылку с минералкой. Судя по лицу Павловны ей стало лучше, все члены кооператива занялись своими привычными делами, кто перебирал кульки, кто ящики передвигал, кто кучки семечек облагораживал. Время до обеда пролетело быстро, Мадам уже сбегала в кафе за любимыми беляшами Павловны, прикупила ещё кой-какой еды для остальных. Едва был накрыт к обеду их нехитрый стол, как все вздрогнули от громкого крика Павловны:

– Девки, смотрите, Полинка ко мне идёт!

– Господь с тобой, Павловна, – Таисия ахнула, прикрыв рот рукой.

– Да вы что, куры, ослепли что ли?! Вон она, в красном платье, моём любимом.

– Да осень уже, все в куртках ходят, – недоумевала Мадам, озираясь по сторонам.

– Полинка, подружка моя дорогая, здесь я, иди сюда! – дрожащий палец Павловны указывал в гущу толпы.

Все трое женщин посмотрели, куда указывала старуха и одновременно повернулись на Павловну. Бледная, как полотно, с широко раскрытыми бездонно-голубыми глазами, Павловна, будто в замедленной киностёмке, заваливалась набок, расшатанные ножки кресла не выдержали обмякшего тела, подломились и Павловна упала на землю, лицом вниз. Марковна ойкнула и, схватившись за грудь, едва успела ухватиться за прилавок.

– Господи, Марковна, держись!

Мадам молниеносно сунула Марковне в руку таблетку, а сама, упав на колени возле Павловны, положила ей руку на шею. Выждав пару секунд, она подняла на своих товарок глаза и прошептала:

– Она умерла и была готова к этому, она знала свой срок.

По глазам Мадам Марковна и Таисия поняли – «скорая» уже бесполезна. Таисия, не теряя самообладания, достала из кармана Павловны мобильный телефон, набрала несколько знакомых цифр и, прикрывая рот рукой, сказала в трубку:

– Павловна только что скончалась, мы на базаре.

Буквально через пять минут к женщинам подошли пятеро парней, как будто стояли за углом, бросили мимолётный взгляд на тело покойной. Один, Таисия узнала его, он приходил на разборки с её сыном, достал из – под куртки цветное покрывало и накрыл тело. Двое остались на месте, трое куда-то ушли, вернулись уже с носилками. Спокойно, будто это было их работой, уложили тело на носилки.

– У вас есть, где жить? Снять вам квартиру на первое время?

Вопрос молодого человека, адресованный Таисии, повис в воздухе, вряд ли он понимал, что сейчас испытывают три женщины, которые насклоне лет обрели друг в друге не только компаньонку по торговле, но и нечто больше, нечто такое, что не всегда можно найти даже в родственниках по крови. Самой близкой по возрасту к Павловне была Зося Марковна. После своей недавней болезни она ещё не совсем оправилась, но быстрее всех пришла в себя и ответила на вопрос парня:

– Она будет жить у меня.

Парень молча кивнул.

– Скажите, молодой человек, когда Анну Павловну привезут домой?

– Я сообщу вам, когда и где её будут хоронить, – бесстрастным голосом ответил тот.

– Но положено, чтобы возле покойного ночью кто-то сидел? – вступила в разговор Таисия.

– В её квартире есть ваши вещи? – деловитости и спокойствию парня можно было позавидовать, – я отвезу вас туда, заберёте, что вам принадлежит.

– Нет, у меня там ничего нет, – тихо сказала Таисия.

– Хорошо, – кивнул головой парень, в его кармане зазвонил мобиль-ник, – да, это Лев, нет, ребята её уже увезли, вещей в квартире тоже нет. Когда? Где? Хорошо.

Выключив трубку, Лев повернулся к женщинам:

– Хоронить будут завтра, в одиннадцать, на старом кладбище, вторая аллея от центрального входа.

Парень растворился в толпе посетителей базара, оставив женщин один на один с их переживаниями. Какая уж тут торговля? Они молча по-сидели немного, потом, не сговариваясь, собрали свой товар, подхватили сумки, что привезли на базар Таисия и Павловна и ушли с рынка. Только в доме Марковны, они дали волю слезам, Марковна плакала тихонько, по-стариковски причитая, Таисия громко, навзрыд, оплакивая, может, не столько Павловну, старого человека, сколько привычку, которая уже успела стать её второй жизнью. Мадам сначала держалась, а потом, поддавшись общему настроению, тоже расплакалась, не истерично, а скорее, с пониманием и принятием произошедшего.

В похоронной процессии, кроме Таисии, Марковны и Мадам, было ещё пару бабулек из подъезда, четверо парней, которые опускали гроб, Лев и двое копарей, работников кладбища. Судя по всему, Михаила среди прощающихся не было. Зато могилу Павловне он выбил рядом с могилой Полины, Таисия разглядела на соседнем памятнике знакомое лицо с фотографии на стене в квартире Павловны. Уходя с кладбища, Лев протянул Таисии тысячу долларов:

– Помяните.

На этом всё и закончилось. Когда через девять дней после смерти своей компаньонки, Таисия и Мадам приехали на рынок, их прилавки уже снесли, что скажешь, бабы лишились своей самой главной крыши. Кой-какие сбережения были у каждой, решили повременить, покумекать, что делать дальше. А тут новая беда – из очередной командировки слишком уж долго не возвращался племянник Марковны, Дмитрий. Несколько раз к ним приезжал Алексей, сын Дмитрия, подросток, ничего не мог придумать лучшего, как о всех своих переживаниях за отца рассказывать бабе Зосе. Смерть Павловны, пропавший без вести Дмитрий – Марковну накрыл второй инсульт, отнялись ноги и речь. Сколько денег и трудов стоило Таисии и Мадам поднять её на ноги – одному богу известно. Зиму пережили, едва свели концы с концами. В начале весны объявился Дмитрий, худой, угрюмый, Марковна уже более-менее оклемалась, его приезд только прибавил ей сил и здоровья. Когда Дмитрий навестил тётку в очередной раз, она, едва передвигая ногами, прошаркала к своему тайнику, достала оттуда пачку аккуратно сложенных денег и протянула их Дмитрию.

– Зачем? – пожал плечами тот.

– Тебе надо отдохнуть, съезди с семьёй на море, мне пенсии хватает, ты же сам дом оплачиваешь. Мне ни одной квитанции за это время не приходило.

– Знаю я, как вам хватает, Таисия рассказывала, сколько на лекарства потратили, – махнул рукой Дмитрий, – у меня есть деньги и на море тоже.

«Обманывает» поняла по его глазам Марковна и стала настырно совать деньги племяннику в карман. Тот, тихонько отталкивая руку тётки, смущённо улыбался, а потом, видимо что-то решив для себя, отсчитал половину от пачки, а оставшуюся половину зажал в руке Марковны.

– Теперь точно хватит, а остальное вам, поделитесь со своими подружками, они вас на свои деньги лечили.

– Мне ничего не сказали, – покачала головой Марковна, – вот Таисия, язык без костей, тебе пожаловалась.

– Нет, не жаловалась, я на столе чеки из аптеки видел, она ваш дебет с кредитом сводила. А на море я и сам собирался, у меня уже и билеты есть. Как приеду, так загляну.

Заглянул он через два месяца, посвежевший, но с виноватой улыбкой. После короткого рассказа о прелестях летнего, морского отдыха, сообщил, что его переводят на юг страны.

– Ты не волнуйся, тётка, я кой-какие деньги на свой депозитный счёт положил, подписал договор с банком, чтобы каждый месяц проценты перечисляли на погашение коммуналки, ну, там, за газ, за свет.

– Да-да, – закивала головой Марковна, – за домом-то мы приглядим, а вот оплату его не потянем. Как думаешь, тебя туда на совсем перевели или как? Может, дом продавать надо?

– Нет, не надо, – после короткой паузы, ответил Дмитрий, – не на улицу же вас выкидывать? Живите, а там видно будет.

– А я уж думала, пора нам вещички собирать, – взволнованно сообщила Таисия, когда Марковна, проводив племянника, вернулась в дом.

– Она подслушивала, – усмехнулась Мадам.

– Дай Аллах ему здоровья, – Таисия пробормотала на своём языке слова молитвы, – хорошего человека ваша сестра вырастила.

Марковна тяжело опустилась в кресло и расплакалась.

– Ничего, бабоньки, проживём, нас друг другу, не иначе, сам господь послал, выживем, – Мадам решительно рубанула рукой воздух.

Глава 4

«Нелёгкая» работа»

– Мы, девоньки, англы, но когда нас лишили крыльев, пришлось летать на метле. Так выпьем до дна за сказанное.

Мадам подняла свой бокал, женщины чокнулись.

– Какие деньжищи на нас свалились! – Марковна первая допила вино, чуть закусила и, достав из кармана платок, начала вытирать набежавшие слёзы, – никогда не думала, что Илья – пророк, когда-нибудь, будет так благосклонен к простым людям.

– А я вообще знать не знала, что такой праздник существует, – пожалала плечами Таисия, – Марковна, ну что опять болото разводишь? Последнее время ты что-то совсем раскисла, ты – гром-баба, тебе все невзгоды по плечу.

Марковна спрятала платок и сложила руки на коленях – первый признак, что она чем-то недовольна.

– Ты, что, обиделась на меня? – Таисия приобняла Марковну за плечи, – прости.

– Слова всегда имеют один и тот же смысл, важно с чьих уст они слетают, я знаю, ты не со зла.

– Девчонки, давайте стараться не обижать друг друга, а сейчас, надо прикинуть, посчитать, сколько у нас денег получилось. Представляете, сколько надо и в жару и в холод на базаре горбатиться?

– Сейчас зеркало принесу, – вскочила Таисия, – нет, лучше все к тому, старому пойдём.

– Зачем? – брови Марковны встали домиком.

– Каждая начинающая ведьма знает, – Таисия игриво подмигнула, – чтобы деньги прибавлялись, нужно считать их перед зеркалом, удваивать их своей энергией. А нас вообще трое, представляете, сумма может утроиться.

– Слышала я такое самое в притче о выжившем из ума шотландце, который делал тоже самое – деньги перед зеркалом считал, сам себя обманывал.

– Я не шучу и из ума не выжила, а почему не попробовать? – топнула ногой Таисия.

– А я первый раз такое слышу, – Мадам заняла нейтральную позицию.

– Всё когда-то бывает в первый раз, вот скажи, нам за всё это время, когда-то на халяву столько денег доставалось? То-то же.

– Один из китайских философов сказал: «если вы хотите иметь то, что никогда не имели, делайте то, что никогда не делали». Марковна, давай и, правда, попробуем?

Марковна махнула рукой.

– Ну, вот и молодцы, даже если вы на правильном пути, вас раздавят, если будете просто сидеть на дороге.

Кто кому уступил, разве в этом дело? Но деньги были пересчитаны возле зеркала, как настаивала Таисия. Вернувшись к столу, они снова наполнили свои бокалы.

– Давайте опять выпьем за крылья? – предложила Таисия, – преграды созданы для тех, кто не умеет летать, а я уверена, с этого дня мы научились.

– Это может быть и единичный случай, – нахмурилась Марковна.

– Подозреваю, что нет, этот путь нам подсказал ваш Илья, а может, – Таисия хитро прищурилась, – а может, это фортуна или успех с удачей, или гениальность, а может, везение, или сам батюшка – провидение взяли нас под свои крылышки.

– Таисия, ты, что, предлагаешь серьёзно заняться этой хреновиной – магией?

– А почему нет? Мадам прекрасно справилась, что ж она, зря столько времени в психушке проработала? Вся наша богадельня будет держаться только на её таланте.

– А что, можно и попробовать, только получится ли? Медсестра, учительница и бухгалтер – прирождённые ведьмы, – смешок Мадам был в единственном числе.

– Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага, – философское настроение Марковны последнее время было нормой, – думая, способен ли ты на то или иное свершение, можно и засомневаться в своих способностях – и в том и в другом случае можешь оказаться прав.

– А я чувствую себя, как рыба в воде, великие дела надо совершать, а не обдумывать их бесконечно.

– А ты не перебивай, Таисия, – нахмурилась Марковна, – я ещё не всё сказала, научись умению Мадам слушать, она самая младшая из нас, но самая тактичная. Ты прёшь, как танк, но если Мадам будет не согласна, наш трест лопнет, ты должна это понимать. Одними твоими финансовыми способностями дело не сдвинешь.

– Марковна, вы к чему клоните? Вы сами-то что, поддерживаете Таисию? – удивилась Мадам, – от вас такой тяги к шарлатанству я никак не ожидала, вы же с высшим образованием, Библию читаете!

– Одно другому не мешает, – хитрый прищур Марковны удивил Мадам, – вы, девоньки, думаете, я всю жизнь только букварь читала? Нет, много литературы прошло через мои руки и мозги. Своей личной жизни у меня не было, вот поэтому и приходилось чужие судьбы переживать. Фантастика, мистика, зарубежные классики и наши – запоями читала. Да и опять же, на моих глазах выростали поколения моих учеников, наблюдала я за их удачами и поражениями. Как-то на глаза мне попала одна книжица, «Знаки судьбы». Посмеялась я сначала над названием, а потом, ради любопытства, решила прочитать. Но просто читать я не умею, анализировать люблю. Вот и наанализировала, всё сходится! Китайцы, знаете, какие молодцы, весь гороскоп придумали, да так чётко подмечали особенности характера людей и животных, просто на удивление. Так что, выучила я и знаки Зодиака и камни и деревья, что какому знаку принадлежит. Вот вам маленький пример, аналогию сами проводите. Таисия, тебя тоже касается.

– А я что, я ничего, слушаю, – Таисия, пока Марковна говорила, разлила по бокалам вино и подложила в тарелки своим подругам закуску, – просто, чувствую, что-то грандиозное, которое надо будет сбрызнуть, вот и подсутилась.

– Нас познакомила Анна Павловна, то есть собрала вместе, царствие ей небесное. Таисия, когда она родилась?

– 13 мая 1935года.

– Посчитаем путём сложения числа, порядкового номера месяца, всех цифр года, все девятки $1+3+5=9$, $1+9+3+5=9$. Это древний подсчёт, родилась она в год Кабана, умерла в семьдесят два года, заметьте, тоже девятка, по гороскопу – Телец, стихия Земли. Следите за моей мыслью, человек, в судьбе которого превалируют девятки, направляет, объединяет людей для больших свершений. Понятно?

– Более-менее, – пожала плечами Таисия, Мадам молча кивнула.

– Ты, Таисия, родилась 30 апреля 1953, тебе исполнилось 54, до всех девяток ты не дотянула, но восьмёрка тоже хорошо, вечный круговорот, год Змеи, Телец, стихия Земли. Кабан-Земля, Земле-Змее эстафету передала.

– Павловна мне это всё говорила, ну и...?

– Вот и, тридцатого апреля все ведьмы на шабаш летят.

– И это она мне рассказывала, только смешно это всё звучит из уст учительницы начальных классов, – засмеялась Таисия.

– А ты не смейся, всё это не простой набор символов и знаков. Я родилась 15 июля 1944 года, Обезьяна в Раке, стихия Воды, мне исполнилось 63 года. Тоже не все девятки, ну я и не ключевое звено. Ровно по середине лета, по середине года, сила колдовская в самом

зените, только какая из обезьяны колдунья – ума не приложу. Есть такая поговорка, если обезьяну научить говорить, она всё равно не станет человеком, она будет просто говорящей обезьяной, это я в свой адрес критику навожу, ведьмой мне стать не по зубам. Ты, Мадам, родилась 31 октября 1962 года, Тигр в Скорпионе, стихия Вода, твои сорок пять гулять будем, Таисия весенняя ведьма, а ты – осенняя, Тигр в Скорпионе – гремучая смесь. Ты – вода и я – вода, Таисия – Земля и Павловна – Земля, мелочи, ан нет, мелочи всякого рода не играют решающей роли, они решают всё. Подвожу итог, кому-то, – Марковна подняла палец вверх, – наверху нужно было, чтобы мы встретились и облегчили друг другу жизнь.

– Это сейчас ты о боге говоришь? – усмехнулась Таисия.

– А хоть и о боге, он, в моём представлении, не старичок на облачке, у меня бог – то, что нашему уму неподвластно. Вот это неподвластное и управляет нашей жизнью. Именно сегодня я хотела вам всё рассказать, да тут суматоха с этими девицами началась. Ты, Таисия, думаешь, я спала в кресле, ан нет, я всё взвешивала и обдумывала, а визит этих девиц мне только на руку и оказался. И ещё одно обстоятельство, Мадам, ты этой, второй на когда время назначила?

– На второе ноября.

– Вот, видишь, ты даже сама того не подозревая, назначила человеку сразу после своего...? – Марковна с ожиданием посмотрела на Мадам, та нахмурилась, раздумывая, а потом высказала свою догадку:

– После своего сорокапятилетия.

– Молодец, вот после этого знаменательного дня и можно попробовать вплотную заняться магической деятельностью.

– А, давайте, попробуем, – махнула рукой Мадам, – я много что повидала в своей работе, думаю, пригодиться. А вот и очередное философское высказывание ваших любимых китайцев: «проблема в том, что, не рискуя, рискуешь в сто раз больше».

– Ты меня подковыриваешь что ли? – нахмурилась Марковна.

– Да что вы, Марковна, я просто хочу показать, что я тоже кое-что читала.

– Это просто вино в голову ударило, настроение каждую секунду меняется, правильно Павловна говорила: «нужно пить, пока ты руководишь вином, а не оно тобой».

Марковна решила опять всплакнуть, но Таисия хлопнула в ладоши, привлекая внимание к себе:

– Значит, открываем магический салон «ФУГУВ и П»!

– Что за мудрёное название? – нахмурилась Марковна.

– Я хоть и не могу блеснуть знанием мудростей ваших любимых китайцев, но русские слова по буквам сложила без всякой восточной мудрости. «Фортуна – Ф, Удача – У, Гениальность – Г, Успех – У, Везение – В, Провидение – П» вот и получилось «ФУГУВ и П».

– А что, красиво, – пожала плечами Мадам.

– Нашему народу надо что попроще, это больно замысловато, – покачала головой Марковна, – «Альфа и Омега» или «Млечный путь», ну, что-то в этом роде.

– Ага, мы благотворительное общество организовываем, или нет, кооператив санитарок. Она, – Таисия указала пальцем на Мадам, – будет как секретный отдел КГБ, я про такой читала, людей программировать и всё это волшебство можно как попало обозвать? Это вам что, два пальца об асфальт хлопнуть?

– Таисия, смешно от тебя блатные выражения слышать, – хмыкнула Мадам.

– А спорим, не подерётесь? – вступила в разговор Марковна.

– Да она просто завидует, что это мне первой на ум пришло такое звучное название, – остроила ехидную физиономию Таисия.

– Пожалуй, пора прекращать наше застолье, а то последствия ваших дебатов мне уже известны, – покачала головой Марковна, – дурак обвиняет других, умный – себя, а мудрый не обвиняет никого.

– Не в тему, и ты меня обидеть хочешь? – Таисия прищурившись по-смотрела на Марковну.

– В тему, в тему, и красиво, давайте отдыхать, утро вечера мудреней.

– Ага, опять ты, Марковна, впросак попала со своими мудростями, время уже десять часов утра.

– Уж больно бурная ночь у нас получилась, отдых никому не помешает, – Марковна встала и, шаркая тапочками, удалилась в свою спальню.

Таисия, притворно зевнув, быстро собрала грязную посуду, составила в раковину, посто-яла в раздумьях – мыть или не мыть. Но привычка к порядку пересилила. Мадам даже и не пыталась помочь, внезапно она почувствовала невероятную усталость и просто наслажда-лась тишиной, сидя в глубоком кресле.

– Пошла бы да вздремнула, – Таисия вытирала руки полотенцем, – всё равно делать нечего.

– А ты?

– А мне надо ещё кое-что подсчитать.

– Опять перед зеркалом будешь наш куш лопатить? – усмехнулась Мадам.

– Нет, надо прикинуть, зима скоро, кому и что подкупить из одежды, у тебя есть поже-лания?

– Да нет, – махнула рукой Мадам, – хотя...

– Поняла, ты устала и не готова сейчас говорить на эту актуальную тему, – улыбнулась

Таисия, – иди, отдыхай.

Мадам проснулась от домашней суеты.

– Изверги, дайте поспать! – крикнула она.

Марковна показала в дверях комнаты, в которой спала Мадам.

– Уже семь вечера, пожалуй, девять часов сна тебе достаточно за твой ночной подвиг.

– Нет, нет и нет, я теперь – великий маг и должна спать как можно дольше, что бы мне в снах приходили всякие откровения.

– Вставай, милая, посмотри, что Алёшка мой принёс.

– Они же уезжали куда-то? – удивилась Мадам.

– Приехали неделю назад, Дима же военный, а военная жизнь кочевая, сегодня там, зав-тра тут.

Мадам оделась и вышла в гостиную, Таисия, Марковна, Алешка сидели за накрытым к чаю столом. На диване стояла коробка, в которой слышалось какое-то шебуршание. Мадам заглянула в коробку и взвизгнула:

– Батюшки, какая прелесть! Котята, откуда они?

Алексей, уплетая блины, повторил историю, которую только что рассказывал Марковне и Таисии.

– У нас в подвале кошка живёт, давно уже, весь дом её подкармливает. Вот она и родила этих котят, им уже по три месяца, а брать их к себе никто не хочет. Скоро холода начнутся, жалко, я и подумал, у вас дом большой, может, найдётся для них место.

Алексей смутился и волновался, своё волнение он пытался скрыть завидным аппетитом.

– Дитяtko, да конечно, пусть живут, – Марковна подлила внучатому племяннику чаю.

– Так, чур, я беру себе вот этого, чёрненького, надо посмотреть, девочки это или маль-чики.

– Да вроде все трое мальчики, – пожал плечами Алёша.

– Я уже и имена им придумала. Мой чёрный – Фунт, рыжий, смотрю, Марковна на него глаз положила, будет Евро. А ты, Мадам, уж извини, тебе белый достается, ты хоть и в популяре нынче, но самая младшая, бери, кто остался. А имя он будет носить Доллар.

– А я ничего не имею против, мне белые кошки всегда нравились. Чудеса, все трое разные.

– Лёшенька, а мать-то у них какого цвета?

– В том-то и фокус, – охотно начал рассказывать паренёк, – она трехцветная была, рыже-бело-чёрная, а на котятках цвета вот так разделились.

– Фунт, Евро, Доллар! Ты, Таисия – мастер названия придумывать, – хмыкнула Мадам.

– А что? Звучит неплохо, а вдруг это нам знак свыше? – прищурилась Таисия.

– Евра – скорее женского рода, – предположила Марковна.

– Вообще-то, в конце «о», средний род, ну, Марковна, – Таисия сморщила нос, – не придирайся, не порть картину.

Котятки подрастали, привязались каждый к своей попечительнице. Рыжий котёнок Марковны оказался кошкой, это приободрило Таисию, которая интуитивно дала ему имя более-менее женское. Это обстоятельство так же помогло Таисии отстоять придуманное ей название магического сообщества «ФУГУВ и П».

– А может ты и права, недалёкие люди верят в удачу, мудрые и сильные – в причину и следствие, – подытожила спор о названии Марковна.

– Вот, мудрым наша помощь не нужна, а остальных надо громкостью имён сразу в штопор вводить.

О жизни и о деньгах, начинают думать только тогда, когда и то и другое подходит к концу. Нежданные деньжищи у новоявленных «волшебниц», не смотря на адские Таисьины старания в экономии бюджета, растаяли. Деньгам свойственно кончатся, если их не пополнять. Но приближался день «Х», когда на приём к «радужной колдунье» Мадам должна была привести своего больного мужа Марина. Все приготвилились и заняли «надлежащие» позиции – Марковна в кресле с «Война и мир» в руках, Таисия в атласном балахоне в дверях. Мадам в накидке с Апяшоном в комнате с подожжёнными свечами. Да, часть денег Таисия заблаговременно потратила на необходимые для магического салона аксессуары. Теперь в комнате, где должен был состояться сеанс, было всё необходимое – приглушённый мерцающий свет четырёх светильников, расставленных по углам, курящиеся благовониями лампы, и тихая музыка. Вот выбор музыки Мадам не доверила никому, занялась подбором сама.

– Я знаю, что надо, «Нигма», поверьте, музыка обалденная и очень подходящая.

Но в их заштатном городке ни в одном и киосков такого не нашлось. Таисии, скрипя душой, выделила Мадам деньги на поездку аж в Москву, благо, было не очень далеко. Из Москвы Мадам вернулась с покупкой, но в плохом расположении духа.

– Да, девочки, наш салон выглядит смехотворно, заглянула я в парочку столичных заведений подобного рода, вот это размах!

– Так, уважаемая, отставить сарказм, на наш век и здешних условий хватит, кто знает, сколько нам халявы отмерено, – нахмурилась Таисия.

– Мадам, я на твою сторону встану, если ты почувствуешь, что не в силах справиться с ролью волшебницы, – сказала Марковна, – нельзя заставлять человека делать то, что может подорвать его веру в самого себя.

– Так, подружки, что за пессимизм? – нахмурилась Таисия, – вот примешь Марину с мужем, а там посмотрим, денежки-то от первой свиристелки уже кончились. Как жить собираетесь?

В дискуссии вступить ни Мадам, ни Марковна не стали – Таисия была права, жить не на что.

Это разговор состоялся за неделю до приезда Марины с мужем. Но день сеанса настал и все были к нему готовы. Таисия заглянула в комнату к Мадам, та нервно ходила по комнате.

– Опять?! Ну-ка, соберись, деньги за приём я возьму вперёд, а там будь, что будет, – Таисия усмехнулась, – чем мне нравится магическая работа, так это универсальностью отмазок –

звёзды не расположены, луна в затмении бунтует, энергия отрицательная. Да сколько всего можно придумать! Не хандри, а лучше вспоминай, как твой заумный еврей дела обстрипывал, таких дуриков в вашей больнице, поди, навалом было. У тебя пятнадцать минут, настраивайся.

Марина привезла мужа в назначенное время. Таисия проводила их в комнату приёма. Мадам поразили глаза молодой женщины, в них было столько отчаяния, надежды и веры, что «радужную колдунью» передёрнуло. «Чёрт, зачем мы в это ввязались? Таисия, что б тебя, хапуга, если что, сама небось в кусты, а мне отдувайся» ругалась про себя Мадам, но... Почему-то в её душе появилось какое-то смутное желание непременно вызвать на разговор этого несчастного мужика, который представлял сей-час плачевное зрелище. Он был будто зомби, медленно, машинально передвигал ногами, ведомый женой за руку, остановился, когда остановилась Марина, взгляд бессмысленный. Про таких в психбольнице говорили «заколотые», т.е. все назначенные препараты не шли на пользу, не возвращали человека в нормальную жизнь, но и без них было нельзя. Буйных, да и не только буйных, а и «тихушников», так называли тех, кто был себе на уме и не прекращал попыток покончить с собой, приходилось держать на уколах, чтобы обезопасить и персонал, да и самих больных.

– Вы получили травму головы при аварии? – спросила Мадам.

– Нет, – Марина ответила за мужа, – его спасла подушка безопасности, а вот друг Максима погиб.

Сам Максим будто и не слышал разговора женщин, он бездумно смотрел в пол, но внезапно вошедший в комнату белый кот Мадам привлек его внимание. Таисия была на чеку, она подхватила одной рукой кота, другой Марину под локоток и вывела из комнаты – привратница чётко знала свою задачу, убрать кота, чтобы не мешал и содрать деньги за прием, пока Мадам какая-нибудь шлея под хвост не попала.

Мадам наблюдала за Максимом, а сама отчаянно психовала внутри.

«Ну, и что мне теперь с ним делать?! Чурбан чурбаном, как его разговорить? В больнице Иосиф Эдмундович к головам пациентов всякие приборы прицеплял, ток разной частоты, а мне что делать? Сонником по голове его шандарахнуть? Вон, Таисия какой прикупила, килограмма на три точно. Бери ношу по себе, что б не падать при ходьбе. А ты решила, что представляешь из себя лошадь-тягача? Не надорвись, любимая». Молчание затянулось, но пациент не высказывал недовольства. «Может так и сделать, посидим-помолчим, а скажу, что увы. Как там Таисия говорила, „звёзды не расположены“? А может, попробуешь? Отработаешь хотя бы деньги за приём, ну чтобы быть честной перед самой собой? О, ты уже совсем себя во врачавателя душ записала, молодец, нахалка. Трусишь? Нет, просто адекватно оцениваю ситуацию. Что ж с тобой делать, Максим? Ну, девка, давай, скажи хотя бы что-нибудь, что ж ты бедного на ногах держишь»

– Садись, Максим, – собственный жёсткий, даже грубоватый голос удивил саму Мадам.

Максим покорно сел на стул, руки мужчины, будто плети, лежал на его коленях. «Так, кое-что всё-таки получилось, но какая же это мелочь» подбодрила и тут же охладила себя Мадам. Она подошла к Максиму и, взяв его за подбородок, подняла голову так, чтобы он встретился с ней взглядом.

– Традиционная медицина тебе не помогает, я занимаюсь нетрадиционной, ты готов помочь мне?

Абсолютное равнодушие во взгляде Максима выводило Мадам из себя. «Двинуть ему что ли, может, хоть моя агрессия его взбодрит? Ага, а вдруг взбодрит так, что и он тебе в ответ двинет, вот красивая картина получится» Мадам едва не рассмеялась своим мыслям. Помахав для солидности руками над головой Максима, она отошла от него на метр и, внезапно поняла, что сделает в следующую минуту.

– Скажи мне имя того, кто беспокоит твою душу, я призову его сюда и он будет говорить с тобой через меня.

«Вот это загнула, а слабо устроить авторский вечер с призраком Пушкина, порадовать Марковну? А для себя Булгакова пригласи. Ты, мать, что сама умом тронулась, что психопатия передаётся воздушно-капельным путём?» смеялась над собой Мадам, но предчувствие, что она поступает правильно, её не покидало. Подтверждением её внутреннему состоянию стали слова Максима. Он первый раз за всё время посмотрел на Мадам чистым, осмысленным взглядом.

– Гека, то есть, Геннадий

– Помни, земная жизнь для него – пройденный этап, сейчас он находится в небесной неге, ему там хорошо и спокойно. Я не смогу долго держать его душу в нашем мире, поэтому свои вопросы задавай чётко и конкретно и не о нём, а о себе. Понятно?

– Понятно, – тихо сказал Максим.

– Не слышу! – повысила голосом Мадам

– Понятно, – тон голоса Максима стал на ноту выше.

– Хорошо, закрой глаза и расслабься.

Мадам на ходу вспоминала, как вёл сеанс и что говорил Иосиф Эд-мундович, какие-то странные слова на непонятном языке внезапно рождались в её голове и она произносила их вслух. И вот что странно, наблюдая за Максимом, она поняла – он, действительно, попал под гипнотическое влияние тона её голоса и того, что она говорила. Вздохнув полной грудью, Мадам выпалила:

– Гека здесь, спрашивай.

– Ты как, братан? – голос Максима дрогнул, мышцы лица напряглись.

– Ты чё, сбрендил? Мы с тобой по мобиле что ли базарим? Ладно, я в порядке, в отличии от тебя.

По всей вероятности, ответ и манера разговора полностью совпали с характером покойного, лицо Максима исказилось от мучительной душевной боли. Мадам не понимала, почему именно так начала говорить, будто и правда говорила чужим фразами. Но ещё больше её насторожило то, что она испытывала дикий холод внутри себя, захотелось закутаться в плед, но она боялась, что лишний шум может вывести клиента из гипноза.

– Ты винишь меня в аварии? – последовал вопрос Максима, он явно дался ему с трудом.

– Опа, гонишь что ли? Это было лучшее, что могло со мной произойти, ну, не руки же на себя накладывать?

– Что ты говоришь? Почему?

– Да у меня опухоль в мозгах росла, неоперабельная, я горстями таблетки жрал, чтобы боль заглушить, а когда и они уже перестали помогать, на морфушу присел.

– Мы же вместе соскакивали?

– Я потом опять начал, боли жуткие, на стенки лез. Тебе-то эта дурь зачем нужна была, у тебя же со здоровьем всё нормально. Вот только по-чему у тебя крышу после аварии двинуло, не пойму. Обиду на тебя я всё-таки имею.

– Я так и знал.

– Да не за аварию, за то, что ты в дурашке прозябаешь, я-то думала, ты будешь жить на полную катушку, за себя и за меня.

– Гека, без тебя всё мрачно и тоскливо стало.

– Ты что из себя и меня п... ров лепишь?! Мы – нормальные мужики, а ты о тоске какой-то толкуешь. Запомни, Макс, существует достаточно света для тех, кто хочет видеть и достаточно мрака для тех, кто не хочет.

– Запомню, братан, – тихо ответил Максим, – скажи, про тот свет много чего говорят, есть там что-нибудь?

– Как тебе сказать, я ещё сам до конца не разобрался, а вот возможность увидеть тех, кто раньше меня помер, у меня была. Помнишь Надю-ху из параллельного класса, ну та, которая

повесилась? Видел я её, плохо бабе, но сама виновата. Всё, Макс, береги Маришку, детей делай, жизнь, даже полноценная, ох и коротка. Надеюсь, не скоро тебя здесь увидеть.

Мадам сама пребывала в состоянии полной прострации, только вымораживающий её внутренности холод не давал ей покоя. «Что ж я так околела? Будто сама на том свете побывала? Слушай, мать, да ты и вправду покойничка в себе держала, в книжках же так и описывают „при контракте с аморфными субстанциями вы ощутите могильный холод“. Чёрт, как же согреться, не попрыгаешь, на руки не подуешь. Так, Максим, чего это ты затих?». И вдруг по телу Мадам прокатилась жаркая волна, будто дверцу топящейся печки перед ней открыли. «Ух, ушёл, что ли этот Гека, царствие ему небесное?» предположила Мадам.

– Гека, ты ещё здесь? – ровным, спокойным голосом спросил Максим.

– Нет.

Максим вздохнул полной грудью, но даже не пошевелил пальцем. «Он же ещё под гипнозом, давай-ка, выводи его» опомнилась Мадам и громким, монотонным голосом начала говорить то, что когда-то слышала на сеансах Иосифа Эдмундовича. Не забыла упомянуть и о нормальной работе нервной системы пациента. Надеяться на моментальный эффект Мадам даже и не пыталась, у Эдмундовича и то с первого раза не получалось.

– Сознание ясное, подсознание глубинное, третий глаз закрылся. На цифру «один» вы очнётесь, три, два, один, – Мадам щёлкнула пальцами над головой Максима.

– Как вы себя чувствуете? – она ликовала и едва сдерживалась, чтобы не захлопать в ладоши – Максим смотрел на неё взглядом нормального человека!

– Я чувствую себя на все «сто», нет, даже на «двести», вы же слышали, мне за двоих надо жить.

– Вы помните слова своего друга?

– Да, я помню весь разговор, это не правильно, так не должно быть? – насторожился

Максим.

– Всё в порядке, – улыбнулась Мадам.

– Если бы сам не столкнулся с такими чудесам, в жизнь бы не поверил в силу..., – Максим запнулся, не мог подобрать нужное определение.

– Думаю, второй сеанс нам не понадобится, – самоуверенно ответила Мадам.

– Я думаю так же.

– Идите, мне нужен отдых.

Максим встал:

– Вы меня проводите, пожалуйста, чтобы я не плутал по комнатам, сюда меня привели дебиллом.

Мадам насторожилась, слишком уж разительные перемены произошли с Максимом. «Может, это ловушка и он или из налоговой или из финансовой, накроют нас с поличным, деньги меченые подсунули. Да не дрейф, мать, смотри, у него все руки исколоты, даже на запястьях, видать, все вены уже забились. А, будь что будет, в тюрьму, думаю, не посадят, как –нибудь отмажемся».

Марина, Таисия и Марковна встретили Мадам и Максима любопытными взглядами.

– Что, Маришка, на Канары слетаем?

Максим, улыбаясь, смотрел на жену. Марина беззвучно ойкнула, прикрыла рот ладошкой и, сделав шаг к мужу, всё-таки не решилась кинуться ему на шею. Максим засмеялся и сам подошёл к жене:

– Ну, чего ты плачешь? Иди ко мне.

Марина припала к груди мужа, он обнял её за плечи и поцеловал в макушку. Марковна украдкой, промокнула слезу, но Таисия не могла позволить себе сентиментальностей.

– Марина, будьте добры, нам нужно поговорить.

Таисия похлопала молодую женщину по плечу и жестом позвала за собой в другую комнату. Максим, нехотя, отпустил жену.

– Да-да, я всё принесла, – Марина схватила сумочку и проследовала за Таисией.

– У меня своя фирма, вином торгую, настоящим, не порошковым, могу привезти столько, сколько скажете. Кто пьёт, не знает о вреде вина, а кто не пьёт, не знает о его пользе.

– Такого выражения в моей записной книжке нет, – Марковна щёлкнула пальцами и постучала себе указательным по лбу, – надо записать.

– А где Мадам? – огляделся Максим, – хотел поблагодарить её ещё раз.

Марковна, застигнутая врасплох вопросом, быстро сориентировалась:

– Ей надо отдыхать, сам понимаешь, дело она сделала нелёгкое. Я передам, что ты доволен и кланяешься ей в почтении.

– Да-да, именно так и передайте, – Максим приложил руки к груди.

Марина довольная и счастливая, вбежала в комнату и сразу бросилась к мужу. Так, обнявшись, они и пошли к дверям, Марковна и Таисия следом. После обменов словами благодарности и пожеланий долгой и счастливой жизни, клиенты уехали, а Марковна с Таисией, наперегонки, бросились допытывать Мадам. И откуда у Марковны прыть взялась? В комнату Мадам, оттолкнув Таисию, она вбежала первой.

– Так, я первая к тебе на сеанс, а то таблетками меня пичкаешь, одно лечишь, другое калечишь, меня тоже в гипноз и опа, я здорова!

– За это платить надо, – вмешалась Таисия, – бесплатно ничего не получится.

– Сама знаю, – нахмурилась Марковна, – бесплатно, значит, бес платит.

Всю пенсию отдам.

Обе рассмеялись, но Мадам, почему-то, не поддержала их веселье.

– Ты чего это, девонька? – спросила Марковна, оглядывая Мадам, ко-торая, укутавшись в одеяло, лежала на кровати, – правда, что ли устала?

– Марковна, Таисия, сегодня я, правда, что-то чувствовала, может у меня действительно какой-то дар есть, как говорил Эдмундович? Или тут вмешалось что-то ещё?

Мадам не ждала уговоров, в подробностях описывая и сеанс и свои ощущения, рассказала своим товаркам произошедшее. Таисия слушала, выпучив глаза, а Марковна, не глядя Мадам в глаза, качала головой.

– Вот это да – а, – протянула Таисия, – слушайте, это же полный улёт, мы озо-ло-тим-ся!

– Я думаю, Мадам, сюда вмешалось твоё «или», – нахмутив брови, предположила Марковна, – ведь ты о нём ничего не знала, а имена назвала. Ты потом уточнила у него достоверность?

– Не стала, а вдруг никакой Нади – самоубийцы и не было, а я ляпнула первое, что пришло в голову.

– Скорее всего, что-то такое было, – покачала головой Марковна, – все заметили, как он изменился, значит, какой-то тумблер в его голове ты переключила. Сама говоришь, будто говорила под чью-то диктовку.

– Да и теперь сил никаких нету.

– По книгам, которые я прочитала, именно так всё и происходит. Есть, девонька, у тебя дар, прав был твой еврей. Все мои теоретические знания бесполезны без таланта, золотая узда не сделает клячу рысаком.

– Марковна, твои мудрые слова ничуть не дешевле моего таланта, в котором я сомневаюсь, всё случайность, не более того.

– Я с неё девяносто девять тысяч сняла, – привлекая внимание к себе, Таисия сообщила об этом громким голосом.

– Ты, что, рехнулась что ли? – Мадам вытаращила глаза, – и она столько отвалила?

– А то, – Таисия метнулась в комнату, где производила расчёт и, вернувшись, показала женщинам пачку денег.

– И как тебе не совестно? – дуэтом спросили Мадам и Марковна.

– А что такого? Я же у неё ещё тогда спросила где и в каких больницах она лечила мужа, потом справочки там навела, деньги я считать умею. Вы знаете, сколько её шубка и машина стоят? А я знаю. Не бедствует девуш-ка, не бедствует. Я и папашку её понаслышке знаю, а Максим, слышали, что первое сказал? «На Канары», а в Урюпинске отдохнуть не пробовали?

Так что, нечего меня гнобить, я своё финансовое дело хорошо знаю.

– Ладно – ладно, молодец, – Марковна постаралась успокоить распаленную Таисию, но та решила дожать своих подруг.

– Я ещё девять тысяч за приём взяла.

– О, господи, Таисия, я с тебя дурею, – хмыкнула Мадам.

– Опять девятка, чего ты, других цифр не знаешь? – всплеснула руками Марковна.

– Сама мне этими девятками голову задурила, а теперь ручками машет, – нахмурилась Таисия, а потом состроила ехидную гримасу, – эти суммы у меня сами собой складываются, прејскуранта в нашем салоне ещё нет.

– Но суммы-то какие?! – покачала головой Марковна, – как бы они нам боком не вылезли, за меньшее и спрос соответствующий.

– Странно, Марковна, ты – учительница, вас должны были психологии учить или твои знания устарели? Так вот, богатые никому никогда не при-знаются, что их облапошили.

– Это бесспорно, а вот нам могут головы свернуть, как курятам. У нас заступников нет.

– Марковна, но ведь с Максимом всё получилось?! – недоумевала Таисия, – Мадам показала себя с лучшей стороны, у неё талант, а талант не должен быть голодным, правда, Мадам? Одно дело делаем, а чтобы твоя душенька, Марковна, успокоилась, обмани её, скажи, что в лотерею выиграли.

– Не трудно показать себя с лучшей стороны, трудно понять, какая лучшая, – махнула рукой Мадам и плотнее закуталась в одеяло.

– Вы с Марковной специально умные речи учите, чтобы меня уличать в литературной неподкованности? Я не русская, мне скидка. Вы лучше подумайте, где нам башлёвых клиентов брать? С босотой чего связываться, состоятельных надо привлечь.

– Да нам этих денег до весны хватит, если не шиковать конечно, а по теплу можно и на базар двинуть, глядишь, чего и придумаем.

– Особенно ты торгашка хоть куда со своим инсультом, – хмыкнула Таисия.

– А вот Мадам надо мной пошаманит, я и поправлюсь, – Марковна с ожиданием посмотрела на Мадам.

– А я говорю, надо рекламой заняться, пока деньги сами в руки идут.

– Ох, Таисия, Таисия, упёртая, как баран, не зря говорят «не спорь с дураком, а то люди могут не заметить, есть ли между вами разница».

– Да это вы обе – полные дуры, не видите нашего фарта, когда есть право выбора, надо его использовать По-полной. Фортуна – дама капризная, может и улизнуть.

– Но когда стоишь перед выбором и не делаешь его – это твоё право и твой выбор.

– Так, вижу разговор я завела не во время, ладно, подожду, – Таисия сунула руки в карманы, – давайте-ка праздник себе устроим, посидим, поедим, выпьем, дело такое состоялось, обмыть надо.

– Согласна, девчонки, только дайте мне, пожалуйста, хоть часик отдохнуть, такая слабость, даже шевелиться не охота.

Мадам закрыла глаза, Марковна и Таисия вышли из комнаты, прикрыв дверь.

– Вставай, труженица наша золотая, пора вершить новые подвиги.

– Я не желаю вас слушать, – Мадам не открыла глаза, сделав слабую попытку удержать одеяло, которое стягивала с неё Таисия.

– Подъём, дитя великовозрастное, лентяйка, знаешь, сколько ты продрыхла?

– Я и есть само воплощение лени, всякий знает, чем ленивее человек, тем больше каждый его труд напоминает подвиг, – ответила Мадам, уже сидя в кровати, но глаза были по-прежнему закрыты, – ну что там? Кушать готово? Есть хочу, умираю.

– Как поработаешь, так и полопаешь.

– Тебе не совестно, Таисия, мне помниться, я несколько часов назад на самый дорогой ресторан заработала. Или вы с Марковной уже всё прокутили?

– Ну-ну, мать, давай, поднимайся, – Таисия поцеловала Мадам в макушку, – Аля приехала, бабу буфетчицу привезла с баблом в клювике, что-то там опять с любовью-морковью связано.

– Да ну их.

– Ты себе цену набиваешь? Ну поспала же, мы с Марковной тебя не будили, так, перекусили на скорую руку, чтобы с голоду не помереть. Если бы не сто восемь штук в гаманке, фиг бы я дала тебе праздник души испортить.

– А время сколько?

– Два ночи.

– Они что, ненормальные? По ночам людей беспокоить.

– Мы же сами Але говорили, что после полуночи самое время мрако-бесием заниматься, вот она эту буфетчицу ночью и приволокла.

– А сама где столько времени пропадала?

– Толи в Англии, толи в Швейцарии, я не прислушивалась к её щебету, бабу разглядывала, прикинула, сколько с неё слупить.

– Выходит, и Аля довольна моим сеансом? – Мадам наконец-то открыла глаза и посмотрела на Таисию, – плащ мой магический не помню, где сняла.

– Вот он, я уже побеспокоилась, подмахнула его утюжком, ты же как попало бросила, прямо на кровать и дрыхла на нём, весь помяла. Свечи в той комнате зажгла, музыку включила, всё путём.

– Всё-всё, иду.

Таисия не обманула – в прихожей, переминаясь с ноги на ногу, стояла толстуха, килограмм на сто двадцать. Искусственная блондинка с высокой причёской годам эдак к пятидесяти, на лице, уже познавшем инструмент пластического хирурга, «семафорили» губищи в ярко-красной помаде. Толстые пальцы, унизанные золотыми кольцами с драгоценными камнями и без, заканчивались длинными, скорее всего наращенными ногтями, окрашенными лаком в тон помаде, от этого они походили больше на окровавленные когти хищного зверя, только что раздиравшего свою добычу. Вещи, в которые была одета эта «красотка», были дорогими, но подобраны в полном отсутствии вкуса. Кофточка была настолько тесна, что если бы её носительница вздохнула на полный объём своих лёгких, пуговицы рванули бы, как пули из автомата Калашникова. В узких, глубоко посаженных глазках «буфетчицы» был неизживаемый нахрап и ожидание своей полной победы.

Аля, увидев Мадам, с неподдельным восторгом взвизгнула, запрыгала на месте, похлопала в ладоши – так она выражала свою радость, будто встретила с самой любимой подружкой. Уняв свою радость, она заискивающе спросила:

– Мы вас не побеспокоили?

– Нет, дорогая, – Мадам снисходительно улыбнулась, – вижу, ты усвоила, что ночь для нас – кладёзь энергии.

– Марина низко кланяется вам, Максим просит разрешения заехать к вам завтра, чтобы привести то, что обещал. Господи, какая же я ворона, забыла сумку в машине, Марина просила вам передать, я сейчас...

Аля выскочила за дверь, Мадам пристально посмотрела на «буфетчи-цу».

– Как вас зовут?

– Вы имеете в виду имя, которое мне дали при крещении? – голос ночной посетительницы соответствовал облику – низкий, грудной, прокуренный, – меня зовут Альбина.

– В обряде вас нарекли Марией, – уверенно сказала Мадам.

– А вы откуда знаете? – маленькие глазки Альбины от удивления расширились на допустимый физиологией предел.

Мадам была довольна собой, но и тут же мысленно обругала себя: «чего лезешь поперёк бабки в пекло? А вдруг бы ошиблась, опозорилась ведьма новоиспечённая». Но появившаяся радость на лице Альбины «я попала туда, куда надо, даже если откажет в приёме, с места не сдвинусь, руками-ногами буду за всё цепляться, но на своём настояю», успокоили

Мадам. Но ударить в грязь лицом не хотелось, хотя Мадам и предполагала – в этом возрасте бабы с таким характером хотят одного – большой и чистой любви. Не ошиблась Мадам и в этот раз, выпучив глаза и прижав руки к груди, Альбина страстно затараторила:

– Прошу, помогите, не откажите, вопрос жизни и смерти, я изнемогаю.

«Страдалица, извелась прямо вся, ох, бабы-бабы, не суди, сама-то что в монашки себя записала, не рановато? Надо же, как человек, за пять минут, может вызвать такую неприязнь?» думала Мадам и ждала, пока Альбина откроется полностью.

– Вы, пожалуйста, не подумайте, что я какая-нибудь там... – Альбина покрутила пальцем у своего виска, – я – директор ресторана, вопрос цены не стоит, сладите дело – озолочу.

«Да уж, когда одно место свербит так, что сидеть невозможно, ника-ких денег не жалко» мысленно усмехнулась Мадам, а вслух сказала:

– Проблема у вас, я бы сказала, не совсем по моему профилю.

«Ты чего понтуешься, ведьма великая? С неё деньги можно вообще полёгкому срубить, а вдруг соскочит?» эта фраза была написана в глазах Таисии, которая раздув ноздри и жутко вращая глазами, стояла за спиной Альбины и смотрела на Мадам.

– Я люблю его, аж дыхание спирает, когда увижу, – Альбина, не спуская глаз с Мадам, прижала пухлые ручки к своей необъятной, ходящей ходуном от переполнявших чувств, груди, – плевать на разницу в возрасте, он младше на двадцать пять лет, ну и что? Неужели я не заслужила своё счастье? У меня муж, двое детей его возраста, но любовь, сами знаете, она не заглядывает в паспорт.

– По вашей ауре я вижу, в какой вы огромной душевной тоске, – сочувственно качая головой, сказала Мадам, давась от смеха.

– Ой, уж в такой тоске, что белый свет не мил, – выщипанные в ниточку бровки Альбины покраснели и встали «домиком».

– Его фотография есть с собой?

– Да-да, разумеется, – голос Альбины сорвался на фальцет от радости, она поняла – её примут, – она у меня всегда с собой.

Альбина, дрожащей рукой, полезла к себе в сумку и, достав оттуда большое портмоне, раскрыла его, протянула Мадам фотографию 9х12, чуть подзатёртую от многократного доставания и засовывания обратно или ещё куда.

– Вот, правда, он – чудо? – проводив взглядом фотографию, Альбина заискивающе посмотрела на Мадам.

– Да, – кивнула головой Мадам и, снизив голос, сказала, – Крым...

– Кирилл, Кирюша, мальчик мой, – с обожанием прохрипела Альбина.

«Чёрт, чуть не лопухнулась, хотела сказать, что этот мальчишка ещё ни Крыма, ни Рима не видел, а тут такая Венера Милосская его поджидает. Вот старая задница, дался тебе этот мальчишка?» чертыхнулась про себя Мадам и, заметив, что Альбина не спускает взгляда в фотографии, подмигнула молчавшей всё это время Таисии.

– Моя помощница вас проводит.

– Пройдёмте.

Таисия тут же подхватила Альбину под руку и повела в ту комнату, в которой взяла привычку производить расчёт с посетителями. Там стояло старинное зеркало, современный диван, стол со стульями, плазменный телевизор. «Точно, деньги сразу перед зеркалом считает» хмыкнула Мадам. В прихожую вошла Аля, едва таща обеими руками здоровую сумку, в которой звякали бутылки с напитками. Она уже открыла рот сообщить что-то, но Мадам, приложив палец к своим губам, прошествовала в комнату для приёма клиентов.

– Ваши пожелания, Альбина? – Мадам сидела за столом, когда Таисия, открыв дверь, тихонько подтолкнула в спину внезапно оробевшую «буфетчицу».

Альбина, озираясь по сторонам, на цыпочках прошла всю комнату и плюхнулась на стул, прижимая к животу свою сумку.

– Что бы как пёс за мной ходил, ни спать, ни есть без меня не мог.

Хищница в бабе проснулась снова, как только речь зашла о её душевной тоске.

– А если надоест? – закинула удочку Мадам.

– А это не беда, эту проблему я сама смогу решить, – узкие глазки Альбины буравили Мадам.

– Что ж, это меняет дело, – Мадам выдержала буравчатый напор, даже победила его, Альбина крикнула и опустила глаза, – что ж, грех падёт на ваши плечи, от тех сил, к которым вы обратитесь в случае перемены ва-ших пристрастий, никакими деньгами не откупиться.

«Ты, мать, опять пытаешься вернуть заблудшую душу на путь истинный? Страсти-мордасти на неё нагоняешь, кинется бежать, деньги назад потребует, Таисия потом всю плешь тебе проест» увещевала себя Мадам, но внутренний голос ей подсказывал – эта от своего не отступит. Видимо раздумья Мадам затянулись в зловещую для Альбины паузу, поэтому та начала новое наступление:

– Вы меня называете Альбиной, а бабушки говорят, что крещенское имя сильнее помогает.

«Вот и шуруй к своим бабушкам, чего ко мне припёрлась» чуть не вырвалось у Мадам.

– Дело чёрное – человека привораживать, поэтому пусть чёрт ненастоящее имя слышит, а крещенское для богоугодных дел остаётся.

– А, понятно, – закивала головёшкой Альбина и протянула, – умно-о-о. ну, начинайте уже, умоляю, душа изболелась.

– После сеанса ваша душа успокоится, – уверила клиентку Мадам.

– Вы ещё молодая, неужели ваша душа ни о ком не тоскует? Я же вижу, что вы меня осуждаете, – с искренней, настоящей тоской в голосе сказала Альбина.

– Я не имею права ни на осуждение, ни на поддержку, – покачала головой Мадам, – мной понята одна истина, плохое и хорошее настоящее, через секунду становится прошлым, я мечтаю только о хорошем будущем, поэтому в моей душе нет мирской суеты.

Альбина закивала головой, но Мадам интуитивно почувствовала – в голове этой особы пульсировала только одна мысль «хочу и получу».

– Что ж, теперь, когда мы поняли друг друга, расслабьтесь, закройте глаза, положите фото Кирилла на грудь, нет, нет, не надо совать его так далеко, достаточно сверху, на кофточку.

Мадам чуть не расхохоталась, увидев, как Альбина судорожно засовывала фото несчастного «попавшего» под свою мясистую сиську.

– А я думала, поближе к сердцу, чтобы надёжнее, – оправдываясь, Альбина сделала так, как было сказано.

Мадам вспотела, все гипнотические пассы-прибамбассы оказались бесполезными – Альбина была непробиваемой глыбой мяса. Она вздыхала, тёрла нос, нетерпеливо дрыгала ногой, мяла фотографию, будто хотела втереть её через кофту и кожу прямо в своё «изболевшееся» сердце. «Да уж, попала ты, радужная жрица, как хрен в рукомойник. Такая особь если уж вобьёт себе что в голову, никакой дипломированный, учёный психиатр не поможет. Тут надо что-то этакое придумать, и подозреваю, чем смехотворнее со стороны будет выглядеть, тем больше будет толку. Интересно, сколько Таисия денег с неё сняла, сама же цену придумывает, есть спрос, значит, и цена выше, как в Эмиратах, галстук на улице один доллар стоит, а такой же в бутике да в крутой упаковке уже сто. Таисия – отмен-ный психолог, весь наш разговор молчала, а в глазах, как у Скруджа Мак-дака, эмблема доллара плясала. Так, что же придумать?» задалась вопросом Мадам и сама не заметила, как в раздумьях начала тупо мычать и раскачиваться из стороны в сторону, будто у неё зуб заболел. Чудо! Это возымело действие, Альбина притихла, глаза у неё были закрыты и Мадам могла свободно наблюдать за её реакцией на своё мычание. Поняв, что надо добить клиента, Мадам начала повышать голос до возможного предела, потом встала и, вымерив расстояние от стула, на котором сидела клиентка до своего стола, поняла, что может предпринять манёвры. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее перебирая ногами, она начала бегать вокруг сидящей Альбины, скорость её движения динула поток воздуха, что, по всей вероятности, только усиливало эффект голосовой мантры, приведший Альбину в состояние покоя и умиротворения. Хотя у «радужной жрицы» от собственного голоса мурашки побежали по телу, на клиентку он подействовал, как взгляд удава на кролика. Мадам услышала какой-то тихий, посторонний звук, прислушалась. Ба, Альбина подхрапы-вала!

– Хандра, Мандра, ланда, ива, дива, закулиса, забериса, Кирилл, залю-биса Альбина материса.

Едва не падая со смеху, Мадам сделала ещё несколько кругов вокруг стула с Альбиной, продолжая декламировать бредятину из набора букв и, подводя итог своего «фантастического» сеанса, она, войдя в роль, затрясла над головой руками и истошно заголосила:

– Кирилласа кандала Альбинаса Марваса!

Прикусывая губу, чтобы не расхохотаться, Мадам остановилась сзади Альбины, та сидела не шевелясь. «Так, что тут у меня, дрыхнувшая влюбленная бегемотиха? И как вас, юная Джульетта разбудить?» Мадам, удивляясь своей детской выходке, дала Альбине щелбан в темечко и в один прыжок оказалась перед лицом Альбины. Та ойкнула, и, вздрогнув, открыла глаза.

– Всё, идите, – Мадам построила утомлённую гримасу.

– И что теперь? – Альбина медленно поднялась со стула и, покачнувшись, сделала шаг к двери.

– Наберитесь терпения, мне надо отдохнуть, идите же, – в голосе Мадам зазвучали раздражительные нотки.

– Хорошо, хорошо, – Альбина попятилась и вышла, тихонько притворив за собой дверь.

Звук отъезжающей машины послужил для Мадам сигналом – гостя уехала. Войдя в гостиную, она удивилась:

– Аля, ты не уехала с Альбиной?

– Зося Марковна любезно пригласила меня к столу, – мило улыбаясь, тряхнула чёлкой Аля, – вы не волнуйтесь, я надоедать не буду, вызову так-си, это Альбина привезла меня сюда. Вы недовольны? – в глазах девушки появились тревога.

– Да нет, разбавишь наш дом престарелых своей молодой энергетикой, – улыбнулась Мадам.

– Здорово, – Аля захлопала в ладоши.

– Вот кокетка – профурсетка, – хмыкнула Мадам.

– Как, как ты её назвала? – Таисия зашла в гостиную, неся в руках тарелки с нарезкой.

– Профурсетка, – пожалала плечами Мадам.

– О, теперь, девка, у тебя в нашей компании есть подпольное имя, – Таисия поставила тарелки на стол, – это будет нашей тайной.

– Прикольно, прикольно, – Аля запрыгала и опять похлопала в ладоши.

– Мадам, ты погляди, что Марина передала, – Таисия подошла к креслу, – смотри, какие халаты! Не иначе, жёны президентов в таких отсекают, размеры Марина все отгадала. Коньяк, вон, на столе тридцать лет выдержки. А ещё вот что тебе в подарок, – Таисия подошла к Мадам с тремя фирменными упаковками из ювелирного магазина, – жемчуг, натуральный, чёрный, розовый и белый.

– Почему только мне? – пожалала плечами Мадам, – их же три, каждой из нас по одной нитке.

– Э, нет, милая, – покачала головой Таисия, – к жемчугу я прохладно отношусь, это раньше он великой драгоценностью считался, а теперь его и искусственно выращивают и так без проблем достают, каждая вторая может похвастать, что у неё есть нить жемчуга. Марковне он и вовсе без надобности, так что, будешь носить по очереди.

– Я бы с удовольствием твоё кольцо поносила, – сказала Мадам, пристально глядя на Таисию, – в нём сила есть.

В дверях появилась Марковна с хлебницей, она слышала последнюю фразу Мадам и остановилась, наблюдая за реакцией Таисии.

– А что, поноси, – прищурилась Таисия, – только так, когда скажу, чтобы вернула, вернёшь безоговорочно. Договорились?

– Конечно, – голос Мадам дрогнул.

С первого дня, когда она увидела это кольцо из янтаря в белом золоте, сразу «положила на него глаз». Вспоминая свои ощущения, до сих пор удивлялась и не могла понять, почему так ёкнуло сердце и даже ладони вспотели. Таисия вытащила из футляров нити жемчуга и, посмотрев на Марковну, спросила:

– Я тогда все три нацеплю, Марковна, ты не против?

– А мне-то они на кой? – пожалала плечами Марковна.

– Вот и чудненько, я привыкла, чтобы на шее что-то болталось.

Таисия собралась надеть все бусы разом, но Мадам попросила:

– Давай перед зеркалом обменяемся? – и потянула бусы из рук Таисии.

– Зачем?

– А чтобы тот мир видел – ты по доброй воле его даёшь, – прищурилась Мадам, – а твои предки меня задолбают.

– Ерунду какую-то говоришь, – пожалала плечами Таисия.

– А деньги перед зеркалом считать, не ерунда? – улыбнулась Мадам.

– А вот это не ерунда, разве ты не заметила, что срабатывает? – прищурилась Таисия, – ладно, пойдём, если тебе свидетелей моей доброй воли с этого света не хватает.

Мадам будто током прошибло, когда она надела ожерелье на шею, а потом по телу разлилась чудная нега, блаженство, которое она не испытывала ещё никогда. Она осторожно провела пальцем по всему колье и, переведя дыхание, прошептала:

– Тайна сия, покрытая мраком, тем для меня открылась.

– Ты это о чём? – Таисия удивлённо подняла брови.

– Да так, вспомнила сюжет одного фильма, как-нибудь потом расскажу, – отмахнулась рукой Мадам.

– Фиг теперь ты от меня отмахнёшься, – прищурилась Таисия, от неё не ускользнуло волнение Мадам, – теперь-то ты не будешь мне кровь пить, когда очередной клиент придет, отныне ты у меня на крючке.

– Радуйся, поймала, – Мадам развела руки в стороны.

– Девочки! – позвала Марковна, – чего застряли? Картошка стынет.

– Картошка к коньяку? Фи, Марковна, что за крестьянские предпочтения? – Таисия, заходя в гостиную, сморщила нос.

– Коньяк коньяком, а покушать плотно не помешает, – Марковна наби-рала еду в свою тарелку, – вы закусывайте, чем принято, а я уж по старинке, что хочется.

– Согласна, – Мадам, потирая руки, оглядывала накрытый стол.

– Девки, тост, – Марковна подняла свою рюмку с коньяком, – если к вам в гости пришли десять человек, а у вас только восемь вилок для омаров – остаётся только позавидовать этой вашей проблеме.

– Классно, – кивнула головой Таисия, – давайте выпьем за то, чтобы и у нас были только такие проблемы.

За столом было весело, шумно, спрашивать про то, как прошёл сеанс, было нельзя, за столом присутствовала клиентка, но и без этого им было о чём поговорить – все переключились на «свежую кровь», на Алю. Девчонке, судя по всему, это было только в радость. Она щебетала без умолку, но не так, как в расхожем анекдоте «щебечет, щебечет, убил бы на фик», а с толком. Интересно, что, не смотря на свой юный возраст, девочка повидала вполне, за граница – чуть ли не дом родной.

– Значит, за этого длинноногого замуж уже не собираешься? – спросила Мадам.

– Что вы, – Аля замахала руками, – сейчас как увижу его, аж передёргивает. Как я могла так в него любиться? Такой противный, теперь он за мной бегаёт, благо, мне есть, где спрятаться. Не знаю, Мадам, если бы я к вам не попала, чтобы сейчас было, представить мерзко.

Мадам кивнула, мол, «Могём, если что, обращайтесь».

– А сколько же тебе годков, милая? – поинтересовалась Марковна.

– Девятого сентября восемнадцать исполнилось, – гордо сообщила Аля.

– У, старовата уже, – в один голос сказали трое взрослых женщин и рассмеялись, а потом Мадам добавила, – в восемнадцать за принца выходить замуж уже поздно, а за кого попало – рано.

– Значит, на свет ты появилась в 1989?

– Да, – кивнула Аля.

– Во тебе и здрасьте, – хлопнула в ладоши Марковна, – девятого числа, сентябрь месяц тоже девятый и цифры сложения года тоже девятка. Да нам, деточка, тебя высшие силы послали.

– Скажете тоже, – Аля с недоумением посмотрела на Марковну, – вы вон какие!

– Старые, что ли? – хмыкнула Мадам.

– Нет, особенные, талантливые – Аля закатила глаза, а потом оглядела собравшихся и надула губки, – а я... эх, жизнь моя – жестянка.

– Змея, Дева, Земля, Таисия, она, – Марковна посмотрела на Таисию и кивнула на Алю, – твоя утраченная поддержка, вместо Павловны.

– Как же понять, к чему она годна? – тихо сказала Мадам и нахмурилась.

– Нужно знать, помнить и беречь, а там посмотрим, к чему годна, – загадочно произнесла Марковна.

– А мне вы не хотите объяснить, о чём речь? – поинтересовалась Аля.

– Да ты не бойся, девонька, – улыбнулась Марковна, – ничего такого, просто в нашем лице ты приобрела и мать и сестру и бабушку.

– Ух ты, Марковна первый раз в годах заблудилась, – расхохоталась Таисия, – приобрела девка мать, бабу и прабабу.

– Здорово! – Аля запрыгала, сидя на стуле и привычно захлопала в ладошки, – мои новоиспечённые родственники, у меня к вам столько вопросов.

– Это хорошо, если у человека возникают вопросы, значит, ему интересно жить, – Марковна по обыкновению, учительствовала, – но всему своё время, деточка. Давайте поднимем бокалы, алкоголь, конечно не ответ, но когда его пьёшь, забываешь все вопросы. Выпьем за наше будущее.

Выпили, плотно закусили, Таисия снова наполнила рюмки, подняв их, все с ожиданием уставились на Марковну – она по старшинству всегда была тамадой.

– Хотя теория учит нас смотреть далеко вперёд, а практика убеждает – лучше себе под ноги, но мечтать о светлом будущем никто не запрещает.

Все чокнулись, но сытость уже наступила и женщины ограничились соком.

– Люблю это пограничное состояние от принятого алкоголя, когда ещё ходить и говорить можешь, но уже так весело.

– Марковна, как ты всё это помнишь? – удивилась Таисия.

– О, это просто, «и опыт – сын ошибок трудных, и гений – парадоксов друг и бог случая создатель». Э, – нахмурилась Марковна, – а вот и про-машка, последнюю строчку не точно помню.

– Что одна строчка по сравнению с тем, сколько ты помнишь, ещё старческий склероз тебя обходит стороной. Память свою ты хорошо натренировала, если бы Антанта про тебя знала, давно бы сп... ли, – расхохоталась Таисия и тут же осеклась под взглядами Мадам и Марковны.

– Как сейчас помню, денёк был тёплый, бабье лето затянувшееся, будто вчера, а уже год прошёл, – Марковна достала носовой платок из кармана.

– Ну, не разводи болото, Марковна, в церкви службу закажем, на кладбище съездим, сядем – помянем, добрым словом вспомним, что мы можем ещё сделать? – Мадам пожалала плечами.

– Так говоришь, Аля, Марина счастлива? – перевела разговор на другую тему Таисия.

– Ой, так довольна, так довольна, – замахала руками Аля, обрадовавшись, что начинающийся тяжелой разговор, не подходящий её настроению, прекратился, – говорит, что Максим стал даже лучше, чем был раньше, я, правда, не знаю, в чём лучше. Он сам от вас в таком восторге, он просто в шоке, говорит, что никому не рассказывал о том, что его одноклассница повесилась. Он родился-то не здесь, его родители и родители Гены, который погиб, работали вместе, дружили семьями. Максим и Гена сюда учиться приехали, а потом и их родители продавали там квартиры и сюда переселились. Школьная жизнь прошла в другом конце страны, а вы и это увидели. Да был ещё один факт, как Максим рассказывал, о котором даже Марина не догадывалась, а вы и это узнали. Я, – Аля прижала руки к груди и посмотрела на Мадам, – ваша фанатка.

– Не создай себе кумира, – махнула рукой Марковна, – пора, девочки, нам расходиться, Мадам отдыхать нужно, да и нам поспать не мешает.

– Ой, миленькие мои, ну не прогоняйте меня, – захныкала Аля, – можно, я у вас останусь? Пожалуйста, хоть один разок, мне так хочется ещё побыть в энергии вашего дома, я прямо чувствую, как заряжаюсь, будто батарейка. Умоляю!

Она действительно умоляла, бровки встали «домиком», ручки прижатые к груди, а в глазах собрались слёзки, откажут – разревётся. Женщины переглянулись, Марковна подмигнула «молодая рабсила, пусть похозяйничает».

– Ладно, со стола приберу, посуду помой, и на второй этаж спать и тихо, пока все не проснётся.

– Ой, спасибо, спасибо, – Аля шмыгнула носом и по обыкновению захлопала в ладоши.
– Одна нога здесь, другая на кухне и в постели, – притворно строго насупившись, командовала Марковна.

– Так три получается, – засмеялась Аля, собирая пустые тарелки.

– Ишь ты, грамотная какая, надо будет и четвёртую приделаем, – улыбнулась Таисия.

Девушка, как ураган носилась из гостиной в кухню, быстро всё прибрала, поиграла с котятами и ушла наверх. Женщины посидели ещё немножко, Мадам не пришлось упрашивать рассказать, как прошёл сеанс. В подробностях, в картинках, с жестикуляцией, «радужная жрица» всё опиисала. Хохотали до слёз.

– А сколько я с неё взяла, смотрю, никого не интересует? – Таисия демонстративно поджала губы, показывая своё недовольство.

– Интересуемся, уважаемая, сильно интересуемся, – Мадам подмигнула Марковне.

– То-то же, я взяла у неё три шестёрки, – гордо подняв голову, сказала Таисия.

– Ой, чего ж так мало?! Даже до тысячи не дотянула, – всплеснула руками Марковна.

– Точно, у неё официанты чаевых больше получают, – хмыкнула Мадам, – как же ты, мать, так просчиталась?

– Ой-ой-ой, – Таисия сузила свои и без того узкие глаза в тонкие щелочки, – смотрю, вы решили подтрунивать надо мной? Напрасно, денежкам счёт я хорошо знаю. Я взяла с неё шестьдесят шесть тысяч.

Мадам и Марковна открыли рты и выпучили глаза. Мадам спохватилась первая:

– И что, она так и вывалила?! Торгаши каждую копейку считают, их раскрутить...

– Я и за приём взяла шесть тысяч, – пожалала плечами Таисия, – а что с ней цацкаться?

– Ты же за приём девять брала? – удивилась Марковна, – что ж так, целых три тыщи профукала.

– А всё зависит от человека и моего настроения.

– Отдаю должное твоему таланту, Таисия и удивляюсь, как люди так запросто такие деньги тебе отдают, – усмехнулась Марковна.

– Да запросто отдают, я этих толстосумов хорошо знаю, – ехидно улыбнулась Таисия.

– Ты что, гипноз к ним применяешь? – шепотом спросила Марковна.

– Может и гипноз, только шиш я вам свои тайны раскрою, ещё сместите с должности и буду я только на роль кухарки да прачки годна, каждый сверчок знай свой шесток, я свой из своих рук не выпущу.

– Да кто же, мать, твои заслуги списывает? У Марковны язык бы не повернулся произнести такую сумму, а меня финансовая сторона дела всегда смущала, – хмыкнула Мадам, – я не совсем уверенно чувствую себя в роли волшебницы, совпадения и не больше.

– Как же совпадения?! – удивлённо выпучив глаза, сказала Таисия и снизила голос до шопота, – Аля же русским языком сказала, ты каким-то образом узнала про одноклассницу-висельницу, какое же тут совпадение?

– Согласна, – кивнула головой Мадам, – но если бы ещё понимала, как это произошло, вот тогда...

– Хватит «тогдакать», – отмахнулась от Мадам Таисия, – ни мне, ни Марковне такое что-то в голову не пришло.

– Верно Таисия говорит, есть у тебя определённый дар, а подтверждения ему, будем надеяться, поступать начнут по мере надобности. Таисия, так почему в этот раз ты на шестёрках остановилась?

– Буфетчице объяснила и вам объясню, дело её – от лукавого, человека привораживать ни одно из божеств хорошим делом не считает. А ваша девятка – созидание, шестьдесят шесть и шесть при сложении девятку даёт, но если её перевернуть что получается? Шесть, вот этой

шестёркой мы от демонов и откупились, – Таисия говорила без тени смеха, а очень даже серьёзно.

– Мы? – удивилась Марковна, – эти деньги что, куда-то надо деть?

– Вот сюда, – Таисия погладила себя по животу, – проедем, да обновок купим. У меня крема и маски кончились, а мне без этого никак нельзя, финансовый директор должен выглядеть на все «сто».

– Таисия, я никакая не ведьма, не волшебница, а просто шарлатанка, которая когда-то работала в психбольнице и чуть-чуть знает работу психиатра. Буфетчица ни в какое пограничное состояние не входила, – всплеснула руками Мадам.

– Захрапела, значит, вошла, меня ты не переубедишь, – покачала головой Таисия.

– А если у неё будут претензии? А они у неё точно будут, сами видели, двадцатипятилетний нормальный парень, на кой ему эта старая глыба? – усмехнулась Мадам, – он не альфонс, даже на фотографии это было видно, глаза у него чистые, улыбка светлая.

– Будут претензии, разберёмся, не ваша забота, пошли деньги перед зеркалом считать, от новой традиции отступить я вам не дам.

Переговариваясь шепотом, они проделали придуманный ритуал. Мадам и Таисия отправились спать, Марковна вернулась в гостиную и села в кресле перед телевизором.

«Столько каналов, а посмотреть для души нечего. Хорошо, хоть ОРТ осталось прежним, а как иначе, правительственный канал, новости щадящие, программы приличные, а на остальных всякая чернота, кто кого убил, кто вошёл в десятку богачей в мире, грязь и грязь одна» думала Марковна, переключая кнопки пульта управления. Незаметно для себя, она задремала прямо в кресле, удобном, глубоком, с большой спинкой, будто специально предназначенным для непреднамеренного сна. Проснулась от тяжести на груди:

– А, Еврочка, зовёшь меня в постель? Сейчас пойдём, чего это ты рычишь, как тигра? Батюшки, что это у тебя в зубах, – Марковна напрягла зрение в полумраке комнаты, – мышь?!

Марковна не возмутилась, животный инстинкт, что тут истерить. Погладила кошку и похвалила:

– Полгода, а уже свою первую мышку поймала, умница, не ем я мышей, спасибо за заботу, иди, милая, иди.

Марковна опустила кошку на пол, та хотела снова запрыгнуть к хозяйке на руки, но Марковна закрыла колени руками:

– Мой Васька не одной мышки в своей жизни не поймал, да и братья твои, лаботрясы, Фунт с Долларом вряд ли на такой подвиг когда-нибудь будут способны, не мужское это дело. Ешь, твоя добыча, первый признак твоей взрослости, пищу себе добыла, значит, уже состоялась, как личность кошачья.

Кошка постояла в раздумьях, а потом, гордо подняв хвост, прошествовала под стол.

«Вот шельма, такой сон не дала досмотреть. Я и думать забыла о Сергее, а судить и не судила, сам господь бог не судит человека до смертного часа последнего. Хорошо, что и во сне я так думаю. Прощения Сергей просил, раскаивался, а я, судя по всему, и правда зла на него не держу, даже во сне не кричала, не ругала, сказала «всё, что не делается, всё к лучшему». Заулыбался, обрадовался, а тут Евра со своей добычей. Темно за окном, а уже восьмой час, зима близиться, быстро лето пролетело, не зря старые люди говорят «чем старше человек, тем быстрее для него наступает зима».

– Аля, чего ты соскочила так рано? Ты же всего часа два поспала.

Но Аля не выглядела не выспавшейся – молодость. Марковна вспомнила очередную народную мудрость. Есть три возрастные категории, первая, когда ты всю ночь не спишь, пьёшь, чёрт знает чем занимаешься, а утром встанешь – по тебе ничего не видно; вторая категория, когда ты не спишь всю ночь, пьёшь и чёрт знает чем занимаешься, а утром по твоему лицу всё это видно; и третья категория, когда ты всю ночь спишь, не пьёшь, не занимаешься

чёрт знает чем, а утром на твоём лице явные при-знаки того, что ты всю ночь пил, не спал и занимался чёрт знает чем».

– У меня, Марковна, сегодня важная контрольная перед сессией, – прошептала Аля, – я уже такси вызвала.

– А, понятно, деточка, учись, учись, образование всегда в цене. Найди там в холодильнике, чем перекусить.

– Да я так наелась, что до сих пор не хочу, – Аля прижала руку к животику.

– Ну, как знаешь, – пожала плечами Марковна, – вы, молодые, сейчас все ходите – светитесь, всё на диетах.

– А мне диеты не нужны, – захихикала Аля, – ем всё и сколько хочу, и ничего, – Аля нахмурилась, – Марковна, а может, у меня солитёр?

– Тфью, тфью, тфью, чего болтаешь? – махнула рукой Марковна, – ты глупости не говори, а послушай, что я тебе скажу. Замуж не торопись, за деньгами и славой не гонись, побудь подольше свободной и разумом и душой, это будут единственные светлые воспоминания в старости.

– А вдруг помру молодой? – бровки Али поднялись и покраснели – точно дитё, младенцы перед тем как заплакать так рожицы корчат.

– Типун тебе на язык, девка, живи, вам молодым только жить и жить, – погрозила пальцем Марковна.

– Я хотела звездой стать, – Аля закатила глаза.

– Хочешь стать звездой, сядь на ёлку, – хмыкнула Марковна.

Обе тихонько, чтобы не разбудить дом, рассмеялись.

– Я хотела стать эстрадной звездой, – протомаясь, начала объяснять Аля.

– Да поняла я, не лезь в эту грязь, вон, что пишут, сколько в этом шоу-бизнесе разврата и пакостей, сколько постелей с потными, жирными мужиками приходится девчонкам своими телами измять. Не окунай свою душу чистую в эту мерзость.

От такой прямоты из уст пожилой женщины, Аля зарделась.

– Чего это ты засмушалась? Это хорошо, значит, девичья стыдливость ещё есть. Раньше девушки краснели, когда их стыдили, а теперь стыдятся, когда краснеют.

– Вы ничего такого не подумайте, – улыбаясь, сказала Аля, – я не совсем безнадёжная и стараюсь держать своё достоинство. Но певицей так охота быть, думаю, у меня должно всё получиться.

– Тогда, – Марковна посмотрела девушке в глаза и сказала, – уронив своё достоинство, сделай вид, что оно не твоё.

– Хорошая вы, Марковна, мне бы столько опыта в мои годы.

– Опыт – гордость неудачников, – с горечью в голосе, хмыкнула Марковна.

– Скажете тоже, – усмехнулась Аля, – опыт – сын ошибок трудных. Я надеюсь, вы все не прогоните меня, когда я в следующий раз попрошусь к вам в гости?

Марковна махнула рукой. Проводив Алю, она поймала себя на мысли, что ещё ни разу за всё это время не взяла почитать книгу какого-нибудь нового писателя, перечитывала всё старое. И тут же сама себя поддержала, в «Войне и мире» она каждый раз находила для себя новые темы для раздумий. Взяв толстый том, она углубилась в знакомые строки.

– В разные промежутки времени мысли и понимания разные, – она вслух подтвердила свои мысли.

– О чём это ты, Марковна? – сонная Таисия стояла в дверях гостиной, – ты что, не легла?

– А тебе чего не спится? Рано же ещё.

– Ну, если для тебя час дня рано, то когда вовремя?

– Почему час? – удивилась Марковна, – правда, что ли? Значит, я задремала с книжкой, а вроде читала.

– Пойду Мадам будить.

– Зачем, пусть спит, она на год вперед денег заработала.

– Ни она, а мы, – Таисия поставила руки в боки, – мне без неё скучно, заведу будильник, поставлю ей к уху, а то она на мой «подъём» слабо реагирует.

– Ой, только не будильник, ты же знаешь, она ласковое пробуждение любит.

– Иногда человеку надо встряску давать, – зевнула Таисия.

– А сейчас в этом какая надобность? Пожалей ты её, ну любит поспать девка, она – сова, а ты жаворонок, разницу в характерах этих птиц по школьной программе помнишь?

– Хватит меня уговаривать, мне скучно, а шоппингом себя развеселить не могу, у нас, вроде, всё есть и покушать и выпить. Поэтому, Мадам попала.

– Смотри, чтобы она тебя подушкой не огрела.

– Ну, это же не кувалдой, если, конечно, она из подлости её под кроватью специально для меня не держит. Полюбопытствовать битву титанов не желаете? – засмеялась Таисия.

– С удовольствием, – усмехнулась Марковна.

Таисия повторила сцену из кинофильма «Бриллиантовая рука», когда жена будила Горбункова, после бурно проведенного вечера в ресторане «Плакучая ива». Заведя советский будильник Марковны, способный мертвого поднять из могилы, она поднесла дребезжащий аппарат к уху Мадам.

– Рёв этого монстра напоминает мне приглашение на казнь, – пробурчала Мадам и накрыла голову второй подушкой.

– Считай, что уже выругалась, вставай.

– Таисия, скажи мне, о чём ты думаешь и я скажу, чем ты думаешь!

Сколько можно издеваться надо мной?! Какого чёрта тебе надо?

– Того, который закрывается от моего светлого лика подушкой, вставай на суд божий, грешница!

– Грешник тот, кем страстно хочет стать праведник, всё, крылатые мысли кончились.

– А они были? – Таисия отошла от кровати, где лежала Мадам, Марковна, посмеиваясь, стояла в дверном проёме.

– Крылатые мысли, ни пуха вам, ни пера.

– Всё, моё терпение кончилось, Марковна, отойди, а то зашибём!

Мадам вскочила с кровати и, схватив подушку, бросилась догонять Таисию, которая уже выбежала из комнаты. Минут пять две женщины довольно солидного возраста носились по дому с визигами и писками. Запахавшись, они плюхнулись на кресла в гостиной и хохотали ещё минут пять.

– Люблю, когда вы не ссоритесь, а ведёте себя, как дети.

– А чего нам грустить, – Таисия сжала кулак, – мы все первый раз в жизни удачу за хвост поймали.

– Сплюнь три раза через левое плечо, – посоветовала Мадам, – а то сглазишь.

– Единственное, что можно сказать с уверенностью об удаче – она изменчива.

– Но и жизнь, Марковна, не бесконечна, если удача изменит на смертном одре – это не беда.

Приподнятое настроение сохранилось на целый день. Вечером приехал Максим и привёз вина, не ящик, а девять.

– Вы же это число любите, вот я и подумал, может, именно такое количество и надо.

– Как же они все в машине поместились? – удивилась Марковна.

– Ленд Крузер – большой автомобиль, – улыбнулся Максим.

Пока шофёр заносил ящики, Мадам, улучив минуту, шепнула Максиму на ухо:

– Если ты споткнулся и упал, это ещё не значит, что ты идёшь не туда.

– Спасибо вам, – Максим тихонько сжал руку Мадам, – я вам так благодарен. Ехал сюда, речь готовил, а увидел вас и все слова в голове перемешалось. Я рад, что встретил такого хорошего человека.

– Хороших и плохих людей столько, сколько встречаешь на своём пути, неси в своём сознании свет и тогда сможешь притягивать к себе свет из окружающего мира.

– Вы позволите изредка навещать вас? Чувствую, общение с вами даёт мне такую силу, что готов горы свернуть.

– Свернув горы на своём пути, рискуешь оказаться в пустыне, преодолевать которую гораздо сложнее.

Проводив Максима, Мадам ещё долго смотрела вслед, хотя машина уже скрылась из виду. Таисия вышла на крыльцо и позвала её:

– Ну, чего ты, ужин стынет!

Мадам вернулась в дом и, сев за стол, зябко поёжилась.

– Чего это ты ему на ухо шептала? – поинтересовалась Таисия.

– У меня тоже есть секреты, сказала пару слов, чтобы замену мне не нашёл.

– Давайте тяпнем, повод прекрасный, – Таисия кивнула на ящики с импортным вином.

– Сопьёшься с вами, – покачала головой Мадам, – где столько здоровья взять?

– В России, – Марковна подняла палец вверх, – есть один показатель здоровья – можно пить или нельзя.

– Кому расскажи, что мы каждую трапезу винцом поливаем, подумают, что кроме алкоголя у нас других радостей нет.

– А по твоему мнению, что вообще входит в понятие «радость»? – спросила Марковна.

– Ну, начались философские дебаты? – захныкала Таисия, – Мадам, Марковна, давайте есть, я плов стоговила, остывает уже.

– Смотрю, кошки твой плов доедают, значит, съедобный, – Марковна потёрла руки.

– Это они свой «ките кет» доедают, даже Евра ваша, хоть и мышей научилась ловить, а от искусственной пищи и сейчас не отказалась.

– Так, Марковна, какой сегодня на повестке дня у нас тост? – Таисия подняла свой бокал, – ну, накинулась на плов, будто сто лет не ела, не обожгись.

– Тебя не поймёшь, то горячий, то остывает, – Марковна причмокнула, – искусница ты у нас, такую вкуснятину приготовила. Так, девки, тост созрел. Египетские и мексиканские пирамиды, английский Стоунхендж, статуи острова Пасхи – у каждого народа свой Церителли. Выпьём за нас, необыкновенных.

– Что-то я про этот Стон... , как там его дальше, слышала, – нахмурила брови Таисия.

– Мадам, а ты слышала про Стоунхендж? – Марковна посмотрела на Мадам.

– Слышала, в Англии в поле стоят здоровые камни, учёные никак не могут определить что это, версий масса, а конечного результата пока нет.

– Зато я замечательно считаю, – надула губки Таисия, – я – материалист.

– Раньше говорили «зато я гарно спиваю», – улыбнулась Марковна.

– У меня тост, – торжественно сказала Мадам.

– Вот, дожила, куска хлеба на ходу лишают, можно сказать, с моего осёдланного конька только что сбросили, – всплеснула руками Марковна.

– Хорошо, не буду, – махнула рукой Мадам.

– Да шучу я, говори.

– Чем дальше думаешь о жизни, тем меньше её остаётся, – Мадам говорила торжественно, придавая значение каждому сказанному слову, – давайте жить по течению, не расстраивая господа бога, он уже выбрал нам наши судьбы, или быть героями или прозябать на задворках, это его воля подчинимся ей.

– О, как ты глубоко и далеко залезла, – покачала головой Марковна, – тосты должны быть краткими. Учись, пока я жива. Все не могут быть героями, должен же кто-то сидеть на тротуаре и аплодировать смельчакам, проходящим мимо.

– Ой, Марковна, что бы мы без твоих мудростей делали, да продлит Аллах твои дни, – похлопала в ладоши Таисия.

– Спасибо за грубую лесть, давайте-ка, милые, спать, завтра рано вставать, в восемь.

Даже Мадам не возмутилась, хотя вставать спозаранку, для неё было сродни концу света. Завтрашний день – годовщина смерти Павловны, хотя её имя не было произнесено за этот день ни разу, но все об этом помнили.

Утро началось с удивления – приехал Лев, правая рука Михаила, сына Павловны.

– Меня прислал Михаил, я отвезу вас на кладбище, буду ждать, сколько надо, а после кладбища Михаил приглашает вас к себе. Сколько вам надо времени на сборы?

– А мы уже готовы, очень любезно со стороны Михаила оказывать нам такую услугу, он занятой человек, мы понимаем.

Таисия, с неизвестно откуда взявшимся кокетством, «строила глазки» Льву. Мадам и Марковна, наблюдая за этой картиной, переглядывались и подмигивали друг другу.

Льву, под пристальным взглядом Таисии, стало неловко, он, как ни странно, смутился и, кашлянув в кулак, сказал:

– Я жду вас в машине.

Когда Лев вышел, Таисия провела руками по своей груди, животу и бёдрам и вздохнула:

– Я бы на твоей машине с удовольствием раз несколько прокатилась, водитель я умелый.

– Бог мой, Таисия, как тебе не совестно? – покачала головой Марковна, – откуда в тебе столько распутства? Недавно только над буфетчицей смеялись, а сама на молодого свои бесстыжие глаза положила.

– Эх, миленькие мои, Это мне по паспорту пятьдесят четыре, а душа молодая, да и за телом я слежу. Мне без мужиков тошно, сама не знаю, как столько времени продержалась.

– Марковна, как ты думаешь, чего это Михаил такой заботливый? Что ему от нас нужно? – Мадам перевела разговор на другую тему.

– Не знаю, посмотрим, – покачала головой Марковна, – сначала в церковь заедем.

Погода была тёплая и солнечная, как и год назад. Подойдя к могиле Павловны, женщины переглянулись, Марковна поднесла платок к глазам.

– Пол года назад памятника не было, – Таисия цокнула языком, – а те-перь смотрите какой, дорогой, сделан прекрасно и портрет Павловны вы-бит искусно, талантливый художник.

– У нас так положено, Таисия, памятник через год после смерти ставят, душа землю покидает и последний раз оценивает, как к её брэнному телу живущие относятся.

– Ой, да нет там ничего, – Таисия махнула рукой.

– Ты же молитвы читаешь, Аллаху поклоняешься, а говоришь, что всё это ерунда.

– Ладно вам, мы сюда не спорить пришли, – тихо сказала Мадам.

Помолчали какое-то время.

– Отдали мы тебе дань памяти, покойся с миром, извини, что не плачем, мы храним память о тебе в своих сердцах.

Мадам закончила и услышала всхлипы – Марковна тихонько плакала. Взяв Марковну и Таисию под руки, Мадам повела их по тенистой аллее к выходу. Пройдя несколько метров, Марковна вытерла слёзы и сказала:

– Вы, девочки, идите, а я сестру проведу, её могилка недалеко.

– И мне надо кое-кого проведать, – кивнула головой Мадам.

– А у меня здесь никого нет, мои родные все в Татарии, – Таисия огляделась, – вы идите, а я потихоньку к машине пойду.

Женщины разошлись в разные стороны. Таисия постояла немного на месте, а потом побрела от могилы к могиле, разглядывая памятники и надписи. По второй аллее шла похоронная процессия, Таисия заметила много знакомых лиц, неожиданно участилось сердцебиение, она решила подойти ближе. Процессия остановилась около свежевскопанной могилы, народ столпился рядом. Таисия подошла и увидела Валентину, секретаршу Андрея, директора той фирмы, в которой Таисия работала бухгалтером.

– Хорошо, что ты пришла, хоть и такая неприятность случилась, но Андрей всегда уважал тебя. Жизнь такая коротка, не держи на него зла, он последнее время часто тебя вспоминал и глаза при этом такие грустные становились.

Таисия поняла, что сейчас не сможет вымолвить ни слова, во рту было сухо, будто с глубокого похмелья. А ноги вообще к земле приросли и словно свинцом налились.

– Сейчас гроб закрывать будут, подойди, попрощайся, – прошептала Валя.

Но Таисия отрицательно закивала головой, напрягаясь до судорог в скулах, она едва смогла смочить слюной нёбо и спросила:

– Отчего он умер?

– Представляешь, рак печени, но он ведь не пил, откуда такая напасть?

Сообщение Валентины странным образом повлияло на Таисию, она очнулась от первоначального шока и, не стесняясь, злорадно усмехнулась. Валентина не заметила, вытянув шею, она смотрела на то, что происходила у гроба.

– Иди же, попрощайся, уже крышку кладут, – Валентина подтолкнула Таисию в бок.

– Да куда я не пойду, – злобно прошипела Таисия.

– Успокой свою душу, легче будет, раз пришла, значит, так твоей душе было угодно.

– Я здесь по другому поводу, а вас случайно заметила. Простить его? —

Таисия прищурила глаза, – себе в душу плюнуть. Вечный покой опустится на землю, пройдут века, а ненависть моя не остынет.

Валентина, выпучив на Таисию глаза, перекрестилась, не очень уверенно, словно делала это второй раз в жизни. Таисия уже шла в ту сторону, куда ушла Марковна. Нашла её быстро и вовремя – Марковна, сидя на скамейке в оградке на могиле сестры, рыдала, не успевая вытирать слёзы.

– Ну, Марковна, ещё нам инфаркта не хватало, – Таисия взяла Марковну под локоток, – пойдём, ещё Мадам надо найти, да и ехать пора, Михаил ждёт. Чего ж плакать? Все там будем, кто знает, может там лучше, чем здесь.

Таисия говорила первое, что пришло в голову, чтобы ни в коем случае не показать своего приподнятого настроения, неуместного в таком скорбном месте. Она запомнила, в каком направлении пошла Мадам, поэтому они нашли её быстро. Она стояла около широкой могилы, на которой вместо памятника, лежал огромный валун. Три выбитых портрета – мужчина и две девочки-близняшки. «Дар, Женя и Слава, я была счастлива с вами девять лет». Ни годов рождения, ни смерти, ни фамилий.

– Хорошо придумано, целая глыба и не украдут, нынче на кладбищах такие безобразия творятся, – покачала головой Марковна, – пойдём, милая, пора уже.

Женщины медленно побрели к выходу. «Интересные имена у близняшек, мужские, но спрашивать не буду, захочет, сама расскажет, а нет, её боль, её горе» думала Таисия, искоса поглядывая на Мадам.

– Открытый человек это тот, кто умело скрывает свою скрытность, – вторя мыслям Таисии, сказала Марковна.

– Спасибо господи за подарок, под название «жизнь», – чётко выговаривая слова, сказала Мадам.

– Да, девочка, лишь тогда можно ощутить дар жизни, когда хоть изредка заглядываешь в бездну смерти и досадуешь, только, казалось, набрался опыта, а уже пора.

– Сдох он, – шипя, как змея, выпалила Таисия.

– Кто? – в один голос спросили Мадам и Марковна.

– Андрюшенька, – ехидство в голосе Таисии покорило её подруг, – сволочь, которая мне жизнь испоганила. Я его прокляла в сердцах, чтобы каждая моя слезинка его печень прожигала, так он от рака печени и кончился.

– А кто бы сомневался? Ты ж – змея подколотная, – хмыкнула Мадам.

– Чего грубишь? Я тебя ласково «ведьмой» называю, – нахмурилась Таисия.

– Хватит вам, ещё подеритесь на кладбище, – тихо сказала Марковна, – не хватало ещё чужого человека в наши внутренние дела посвящать. Дома за ужином и обсудим.

Невероятным удивлением для женщин стало то, что особняк Михаила находился в том же посёлке только в начале параллельной улицы. Хозяин дома, худошавый брюнет, роста, как минимум, метр девяносто, гладко выбрит, он больше походил на спортсмена-легкоатлета, чем на уголовника с бурным прошлым. Всё выглядело вполне прилично и респектабельно, если бы не колющий взгляд его чуть выцветших голубых глаз. Приятным баритоном, Михаил поприветствовал женщин.

– Хотел познакомиться с вами лично и помянуть за общим столом маму. Вы скрасили её последние дни, я в курсе. Мне очень приятно видеть вас в своём доме.

Накрытый стол поражал обилием и изысканностью блюд, были и положенные при номинальном обеде кутья и блины со сметаной. Разговор не клеился, молча ели и пили, Михаил искоса и с любопытством разглядывал женщин. Мадам коробило от этого тяжёлого взгляда, Марковна, судя по всему, была погружена в свои воспоминания, а легкомысленная Таисия воспринимала взгляд хозяина по-своему – она строила глазки, улыбалась, кокетливо поправляла причёску.

– Я благодарна судьбе, что она свела меня с вашей мамой, она была прекрасным человеком, добрым и отзывчивым, готова была протянуть руку помощи каждому, кто в этом нуждался.

Таисия прекратила свою пламенную речь и, достав из рукава платя платок, аккуратно промокнула уголки глаз. Мадам, к своему удивлению, заметила, Таисия и вправду всплакнула, но уже через секунду, опять кокетливо «состроила глазки» Михаилу и подняла свой бокал.

– Давайте выпьем, тем более, что вино как раз то, что любила Павловна. Михаил, она гордилась вами.

Посидели ещё немного, каждая из женщин вспомнила какие-то яркие моменты, связанные с Павловной. Пора было восвояси, Марковна встала из-за стола, давая сигнал своим подругам.

– Зося Марковна, подождите, присядьте, – сказал Михаил, – мать пред смертью в телефонном разговоре, просила меня найти и наказать вашего обидчика, Сергея. Разыскивали его долго, но не наша вина, живого найти легче, чем мёртвого.

Марковна ахнула, прикрыв рот рукой. В комнату вошёл Лев и положил на стол перед Михаилом папку. Из папки были извлечены несколько фотографий и лист бумаги с отпечатанным текстом и печатями. Марковна надела очки и, качая головой, запрочитала:

– Ой-ой-ой, да что же это? Как так, у него жена, дети.

На двух фотографиях были изображены разбитая вдребезги машина Сергея, он весь в крови, лицом уткнувшись в руль. На третьей – носилки «скорой помощи» с телом Сергея в тот момент, когда санитар закрывал замок – «молнию» на мешке, в который укладывают трупы. Листок бумаги был ксерокопией свидетельства о смерти – 15 июля, день рождения Марковны.

– Его жене достались все активы фирмы, имущество, как движимое, так и недвижимое, с неё долг снять? – спросил Михаил.

– Что ты, Миша, даже думать об этом забудь, я уже давно ему всё простила, дай мне дожить свою жизнь спокойно, без каменной глыбы, что ляжет мне на душу, если ты будешь преследовать несчастную женщину.

– Она в полном порядке, Зося Марковна, – усмехнулся Михаил.

– Нет, нет и нет, Миша, прошу тебя, не надо, – Марковна прижала руки к груди, – не хочу я грех на душу брать, сколько мне осталось, одному богу известно, не хочу его гневить.

– Что ж, дело ваше, было бы сказано.

– Спасибо, Миша, что уважил нас и маму помнишь, – Марковна прослезилась, – дай бог тебе здоровья.

– Мадам, – усмехнулся Михаил, – вы совсем неразговорчивы или как?

– Я больше люблю слушать, привычка, – Мадам выдержала взгляд Михаила, хотя ей очень хотелось ускорить сцену прощания.

– Обращайтесь, если что, – улыбнулся Михаил, не сводя взгляда с Мадам.

«Вот упырь, урка, говорит слащаво, а в глазах яда, как в лаборатории серпентария, дай бог, чтобы не пришлось нам к тебе обратиться, наизнанку вывернешь» подумала Мадам и поспешила выйти на улицу.

За короткую дорогу до дома Марковны, Таисия переключила своё внимание на Льва.

– А сколько тебе лет? – поинтересовалась она.

– Тридцать пять, – улыбнувшись, ответил Лев.

– Слушай, да у нас разница в возрасте, как у Пугачёвой с Киркоровым, им она не мешала, – игривость Таисии вызывала у Мадам приступы смеха, которые она давила, прятая лицо в воротник спортивной куртки.

Мадам и Марковна вышли из машины, но Таисия задержалась. Махнув рукой на приступы сексуальной активности подруги, женщины зашли

в дом. Таисия впорхнула в гостиную минут через двадцать и, прямо в одежде, плюхнулась в кресло.

– Ох, девоньки, закинула я удочки, буду ждать, пока клюнет.

– Таисия, не совестно? Он же в сыновья тебе годиться? – покачала головой Марковна.

– Марковна, п.и.а. ровесников не ищет! – хмыкнула Таисия.

– Фи, Таисия, удивляюсь с тебя иной раз – откуда столько пошлятины в твоём лексиконе? – покачала головой Мадам.

– Ваши китайские мудрецы подсказывают, – расхохоталась Таисия, запрокинув голову, – самый ёмкий и красочный язык – наш, русский.

Тут уж хохот пробил и остальных. Марковна, охая, смеялась и держалась за сердце, Мадам согнулась пополам и, обливаясь слезами, издавала звуки, более похожие на писк, чем смех.

– Не пойму, чего вы ржёте? – пожалала плечами Таисия, когда смех утих, – чего смешного я сказала? Я не виновата, что женское начало во мне ещё не умерло, природа требует своего. Я и так столько времени в режиме ожидания, на голодном пайке, так сказать. Ну, люблю я мужиков, что ж меня казнить за это? Мадам, вот ты скажи мне, неужели тебе не хочется прижаться к сильному плечу и почувствовать себя слабой желанной женщиной? У тебя, Марковна, не спрашиваю, ты, насколько я знаю, вообще до этого дела никогда не охоча была.

Таисия задела двух женщин за живое, поняла это по резкой смене выражения их лиц. Мадам хмыкнула и, почесав нос, ответила:

– Этим надо заниматься только тогда, когда хочешь родить ребёнка, а в остальное время – это баловство.

– Вот тебе и раз, а эмоции, восхищение и чудная нега?

– А если восхищение не испытываешь и после того как, думаешь – быстрее бы в душ и смыть всё с себя? – вопросом на вопрос ответила Мадам.

– Всё с тобой понятно, «железная леди», – махнула рукой Таисия и посмотрела на Марковну – ответит та что-нибудь или отмолчится.

– Два раза это было, а больше и не сложилось, времени не хватало, каждые три года я по тридцать человек на свет рожала и без всякого сексу, – улыбнулась Марковна.

– Чурбанки вы, а мне надо, – Таисия стукнула кулаком по подлокотнику кресла, – Мадам, может, проведёшь со мной свой «чужер-муфер», присушишь парня ко мне? Я заплачу.

– Нет, моя дорогая, даже пальцем не пошевелю, – хмыкнула Мадам.

– Что так? – Таисия удивлённо приподняла брови и в голосе появились раздражительные нотки, – чем я хуже?

– Ничем, Таисия, ничем, – Мадам покачала головой, – не по душе мне твоя затея.

– Завидуешь тому, как я хорошо сохранилась? – Таисия зло прищурила глаза, – что у меня и задница подтянутая и сиськи, как у девочки стоят? Так работать над собой надо, гимнастика, водные процедуры, крема-примочки, я не ленюсь в отличии от некоторых, не дрыхну по полдня.

– Вот и молодец, продолжай в том же духе, я – сова, для меня ночь ближе дня, я такие сны вижу, что никакой секс их не заменит.

– Значит, отказываешь мне в помощи?

– Ты в ней не нуждаешься, он уже клюнул.

– Да ты что?! – подпрыгнула в кресле Таисия.

– Я почувствовала изменение в его энергетике.

– Опа, ты только не причёсывай меня, как этих куриц, что были давеча, – усмехнулась Таисия.

– Серьёзно, иногда я правда чувствую, когда между людьми пробегает какая-то искра, давно это за собой заметила, – пожалала плечами Мадам и посмотрела на часы, – время-то сколько, а я наметила сегодня...

– Что? – спросила Марковна, молчавшая всё время разговора.

– Постирушки кой-какие, вещей грязных поднакопилось.

– А что, другого времени не найдётся? – покачала головой Марковна, – чего на ночь глядя? Никогда не делай сегодня то, что можно сделать завтра, а то завтра нечего будет делать.

– Обманули тебя китайцы, Марковна, я слышала такой вариант «никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, вдруг это завтра для тебя уже не наступит». Хотя ты права, стирку можно и отложить, не наступит для меня завтра, просто выкинете мои грязные шмотки и всё, – согласилась Мадам, – но вот принять душ нам всем необходимо, чтобы смыть кладбищенскую энергетику и это не обсуждается, всем мыться, но я первая!

– Вот и правильно, – кивнула головой Марковна, – потом стол накроем, помянем Павловну и своих близких, у кого на могилках сегодня побывали.

Ни Таисия, ни Марковна не заметили, как исказилось сильной душевной болью лицо Мадам.

Посвежившие после душа, женщины проворно накрыли на стол и, едва сели, как раздался звонок. Таисия пошла смотреть, кто приехал.

– Миленькие мои, я не помешала?

В гостиную впорхнула Аля, аромат дорогих духов заполнил весь дом.

– Как раз к столу, – Марковна сделал попытку встать, чтобы поставить на стол четвёртый прибор, но Мадам, сделав жест рукой, опередила её.

– Смотрите, что я вам привезла.

Аля достала из сумки ноутбук.

– А на кой нам эта штукавина? – пожалала плечами Марковна, – чего с ней делать?

– Да вы что, Марковна?! Техническая безграмотность нынче не в моде, – всплеснула руками Аля, – подключитесь к интернету, Мадам будет там всякие новые сведения для своей

работы искать, да и знаете, сколько сайтов о помощи, именно такой помощи, которую оказывает Мадам.

– Так это нам секретаршу надо нанимать, – усмехнулась Марковна, – длинноногую, с метровыми кепчурами.

– Смешная вы, Марковна, неужели никто из вас не умеет на компе работать? – Аля удивлённо посмотрела на всех троих.

– А ты старую перечницу не слушай, – махнула рукой Таисия, – я на таком пять лет проработала, не то, что программы, до последнего винтика его сама разбирала и собирала. Да и Мадам наверняка знает хотя бы то, как его включать и выключать. Так, Мадам?

– Приблизительно так, – хмыкнула Мадам.

– Только, деточка, зачем ты на такую дорогую вещь потратилась?

– Для моих мамочек мне никаких денег не жалко, – Аля поцеловала всех женщин по очереди и улыбнулась, сев за стол, – есть хочу страшно, покормите меня?

– Набирай себе в тарелку то, на что глаз лёг, – Таисия налила в бокал Али вина.

– И всё-таки, деточка, к деньгам надо относиться бережно, а мы и без всяких нововведений технического прогресса можем обойтись.

– Марковна, ну что вы? – надула губки Аля, – во-первых, я могу позволить себе траты и не таких масштабов, а во-вторых, этот комп мне подарил долговязый, как вы его назвали, а у меня уже есть такой, зачем мне два? Он вообще мне теперь прохода не даёт, подарками заваливает. Я их принимаю и всё, привет семье.

– Ага, заморочила парню голову, с ума свела, мне бы так Лёвушку охмурить! – мечтательно закатив глаза, сказала Таисия.

– Женщины постоянно мужиков с ума сводят, до женитьбы в переносном смысле, а после женитьбы, в прямом, – подвела итог Марковна.

– Любовь подобна удаче, она не любит, чтобы за ней гонялись, – подняв палец вверх, многозначительно сказала Таисия.

– Мои уроки не проходят даром, уже и ты можешь говорить мудрые вещи, – засмеялась Марковна, – давайте помянем наших усопших.

– Что это у вас, мамочки, такое настроение грустное? – удивилась Аля.

– Мы сегодня на кладбище были, – сказала Таисия, – хорошо тебе, ты ещё маленькая и смертей в твоей жизни, слава богу, было ещё мало.

– Я вот с чего начну, – Марковна подняла свой бокал, – даже самое первичное представление о бесконечности – это всё равно песчинка в океане вечности. И по сему, не терзайте свою душу вопросом «почему так рано ушли из жизни наши любимые». Имейте светлую память о них, закройте душу от сжигающей тоски, понимайте бренность и краткость нашей жизни.

Все молча выпили, съев перед этим по ложке кутьи. Аля, видя, какие грустные лица у её «мамочек», выпила пару бокалов вина, покушала, будто цыплёнок поклевал и, вызвав через полчаса такси, уехала, сказав на прощанье, что так просто они от неё не отделаются, её сильно тянет к ним, будто её душа разделилась и одна половинка всегда остаётся в этом доме.

– Так, девочки, что мы имеем? – Марковна первая начала разговор, тема которого тенью лежала на лице всех трёх женщин, – новопреставленные Андрей и Сергей, случайность или нет, уж больно страшная она, эта случайность.

– Если бы всё было так легко и просто, в этом мире остались бы одни праведники и нам бы в этом мире места не нашлось.

– А я думаю, каждый понёс заслуженное наказание и наше сообщество, приобретя определённую силу, только ускорило факт возмездия.

– Таисия, не пугай своими умозаключениями, – покачала головой Марковна, – давайте-ка спать, девчата, каждая, если будет сил, подумает над этим, а утром обменяемся мнениями. Согласны?

– А и думать нечего, я – азм меч карающий! – Таисия подняла руки вверх и потрясла ими, – так, вроде, в вашей Библии написано?

– Ох, Таисия, Таисия, помнишь? «Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе». Мадам, а ты что молчишь?

– Не хочу ни Библию цитировать, ни по полкам совпадения раскладывать. Поживём – увидим.

Глава 5

«Пришло время собирать камни».

– Да-а, к халяве быстро привыкаешь! Отговорили меня объявление в газету давать, надо было всё-таки по-своему поступить, – Таисия стояла у окна и смотрела на улицу.

– Таисия, ты долго с утра бубнить будешь? Я Мадам полностью поддерживаю, объявления в газетах читают босяки, которые свои копейки хорошо считать умеют. Молва о талантах Мадам должна от толстосума к толстосуму передаваться, с одного такого клиента за раз можно столько взять, сколько целый год, изо дня в день, с работягами валандаться. Да и особо великая реклама нам не нужна, как знать, что у людей на уме? Ещё ограбят или дом спалют, что я тогда Димке скажу? Надо просто выждать время, мы в еде не шибко привередливые, зады прикрыть есть чем, что ещё нужно?

– Да всё я понимаю, Марковна, только почему-то на душе кошки скребут, – нахмурилась Таисия, – такой день хороший, градусов пять с минусом, не больше, первое декабря, оглянуться не успеем, новый год наступит. Да уж, потепление в природе заметное, лет десять-пятнадцать назад в это время не выше двадцати на градуснике было.

– А лет пятьдесят назад все тридцать, я совсем девчонкой была, а помню, школу из-за морозов закрыли.

– Скоро и у нас бананы расти будут, – усмехнулась Таисия, потом прищурилась и радостно сообщила, – Марковна, есть бог на свете, машина подъехала, точно, клиент. Интересно, кто на сей раз?

Таисия выждала время, посмотрела, кто будет выходить из машины и радостно присвистнула:

– Ба, да это буфетчица, помнишь, Марковна, Альбина. Что на сей раз, сеанс на бизнес захотела? Что-то харя у неё недовольная. Ты сиди здесь, я её встречу. Так, где мой магический плащ?

Таисия мигом метнулась в комнату, где спала и выбежала оттуда уже в своём атласном балахоне, накинула пуховую шаль и вышла из дома. Марковна заняла наблюдательный пункт из окна. Буфетчица подняла руку, чтобы постучать в калитку, но Таисия уже распахнула её и вышла за ворота. Активно жестикулируя, Альбина едва не брызгала слюной, объясняя что-то Таисии. «Да уж, вот и первая ласточка скандальная, но не на ту напала, Таисия – крепость, которая под таким натиском не сдастся, может, хоть настроение себе поднимет, любит она поскандалить. Мадам сразу предупреждала, что такое может быть, поэтому, как снег на голову не получилось, ничего, отобьёмся. Так, Таисия её сюда ведёт, сразу вмешиваться не буду, подожду, как будут развиваться события» решила Марковна и села в любимое кресло. Разговор на улице состоялся в таком русле.

– Если бы была женщиной не интеллигентной, морду бы расцарапала, – завидев Таисию, завелась Альбина, – голову бы оторвала и сказала, что так и было, я на вас управу найду, ещё пожалеете, что со мной связались, знаете, какие у меня влиятельные друзья?! Я вас в порошок сотру.

– Минуточку, уважаемая, вы сказали, что считаете себя интеллигентной женщиной, а ведёте себя, как базарная торговка, – прошипела Таисия, – слюни с подбородка подотрите, они не прибавляют вашему виду солидности.

Таисия вела себя вызывающе нагло и это только ещё больше распалило буфетчицу.

– Да как вы смеете?! – задохнувшись от негодования, Альбина даже закашлялась.

– Смею, моя дорогая, смею, идите в дом, ещё не хватало, чтобы наши уважаемые соседи подумали, что мы водим знакомство с хабалками. Прошу.

Таисия, аккуратно, но вполне ощутимо, подтолкнула Альбину в спину к дому.

Марковна сидела в кресле и, опустив очки на кончик носа, исподлобья разглядывала вошедших.

– И не вздумайте повышать голос, не то разбудите радужную жрицу, а она всю ночь работала, боролась с демонической силой, не дай вам бог увидеть её в гневе, она из радужной жрицы мгновенно превращается в склизкую, ядовитую колдунью.

Жёсткие нотки в голоса Таисии возымели действие, Альбина, хотя всё ещё с лицом, покрытым красными пятнами злости, чуть поутихла и начала говорить гораздо тише, чем на улице.

– Я думала, вы – солидные люди, а оказалось – обычные шарлатанки. Да если бы вы помогли в моём деле, я бы к вам каждый раз за советом и помощью обращалась и денег платила больше, а не те копейки, что в тот раз дала. Я умею ценить хорошую работу.

– Так обоснуйте же, в конце концов, свои претензии? – Таисия стояла напротив Альбины, сложив руки на груди.

– Да, легко, – всплеснула руками Альбина, – вы что, не видите, как я одета?

– Весьма вызывающе и пошло, – усмехнулась Таисия, – впрочем, безвкусица – ваш стиль.

«Чего она её злит? Надо бы помягче с человеком, уверена, кобелёк её молоденький от неё сбежал, только пятки сверкали. Пора мне, пожалуй, в разговор вступить» подумала Марковна и, придвинув очки к глазам, оглядела Альбину:

– По-моему, вполне прилично, длинное пальто, платок красивый, очки, дорогие поди, сапожки на низком каблучке, минимум косметики. Очень интересная женщина, да вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

Таисия глянула на Марковну и прижала кулак к губам, чтобы не расхохотаться.

– Спасибочки за комплименты, – ехидно скривила губы Альбина, – да я бы в таком виде свиней не пошла кормить! А пришлось через весь город ехать, да в здании аэропорта за колоннами да бутиками прятаться, не дай бог, кто узнал, стыдоба.

– И что же вы там разглядывали?

– Голубчика моего! – всплеснула руками Альбина, – улетел он на курорт, в Эмираты, к океану.

– Ну и что в этом такого? Человек по конституции имеет право на отдых, – Таисия прямо-таки издевалась над клиенткой, хотя уже догадалась, о чём та расскажет в следующую минуту.

– Он с девкой улетел, лет двадцати! Целовал её в носик, обнимал! И я сомневаюсь, что представлял меня на её месте! – на одном дыхании выпалила Альбина и топнула ногой, – отдайте деньги, аферистки, пока я по-хорошему прошу!

– Во-первых, не деньги, а копейки, как вы сами изволили выразиться, – спокойным голосом начала Таисия, – во-вторых, деньги назад вы не получите, они давно потрачены на жертвоприношения духам, к которым радужная жрица обращалась за помощью по вашему вопросу.

– Вы меня за дуру принимаете?! – дыхание Альбины сбилось, губы искривились в ехидной улыбке, – лапшу мне на уши вешаете?!

– Нет, сударыня, это вы в своём кабаке клиентам лапшу впариваете, а мы чётко работаем, со стопроцентной гарантией.

– Какая гарантия?! Я, – Альбина стукнула себя в грудь и, сделав из пальцев «рогатку», показала на свои глаза, – вот этими глазами видела...

– Наши духи конкретно творят свои дела, но нужно время, – Таисия говорила чётко и спокойно, – если вам нужен сиюминутный результат, тогда обращайтесь к господу богу.

– Хватит морочить мне голову, шарлатанки! – взвизгнула Альбина.

– Тонем пониже, сударыня, – в голосе Таисии появились стальные нотки, она раздула ноздри и прищурила глаза, – идите за мной и ни звука.

Таисия повела Альбину в комнату с зеркалом, что очень удивило Марковну. «Интересно, что это за тайны у нашей Таисии? Чего это она задумала?» насторожилась Марковна. Любопытство начало распирать её, как только за Альбиной закрылась дверь комнаты.

В комнате с зеркалом было темно, плотные шторы на окнах не пропускали свет с улицы. Таисия подошла к зеркалу, возле которого стоял низенький стол со свечкой. Пользуясь темнотой, она сняла с зеркала кастаньеты, которые приобрела когда-то, в очередном своём походе по магазинам и сама удивлялась, к чему совершила эту покупку. Чиркнув зажигалкой, она запалила свечу и, придвинув стул к столику, скомандовала:

– Сядьте!

Внезапно притихшая Альбина медленно села на стул, положение которого вынуждало её смотреть прямо перед собой, то есть в зеркало. Таисия встала сзади неё, уставилась глаза в глаза на отражение Альбины и, спрятав руки в рукавах, начала тихонько стучать кастаньетами, получилось вполне уместно и убедительно – она выбрала такт сердца.

– Молчите и слушайте, – чётко выговаривая слова, начала говорить Таисия, – после того, как ваше дело разрешится в вашу пользу, в этом нет никаких сомнений, у вас появятся все доказательства того, что ваш избранник присох к вам навеки, вы должны будете принести нам 666 тысяч.

– В долларах?! – выпучила глаза Альбина.

– Нет, в рублях, наши духи – патриоты того места, где работают. Отъезд вашего возлюбленного был первым испытанием для вашей веры в наше могущество, вы его не прошли, но наши духи, как оказалось, слишком добры к вам, раз позволили доехать сюда без серьёзных происшествий.

Если бы только Таисия знала, как была близка к истине и была более наблюдательной, то заметила бы, как изменилась в лице Альбина. Хотя, может быть, Таисия просто вполне достаточно прожила на этом свете, чтобы смочь просчитать и ситуацию и характер человека. А, может, в разочарованной, разъяренной Альбине она узнала саму себя, вернее, ту черту характера, которая объединяла их – нахрап и желание мгновенно обладать тем, что понравится. Следовательно, и реакция на проигрыш у них была одинаковой – ярость, а это плохой советчик в дороге плюс зима, гололёд. По дороге сюда машину Альбины действительно занесло, она еле-еле справилась с управлением. Сказанное Таисией наугад попало в самую точку. Альбина затихла.

– На отдыхе он поймёт, что вы – та единственная, для которой он родился на этот свет. Его молодая спутница станет ему противна в первую же ночь в гостинице.

– Это значит, что у него на неё не поднимется? – ахнув, Альбина прикрыла рот рукой.

Таисия едва сдержалась, чтобы не расхохотаться, не сбиться с такта кастаньет.

– Да, – она кивнула головой.

– От сердца отлегло, – буркнула себе под нос Альбина.

– В ваших интересах начать серьёзно относиться к тому, что вам здесь говорят, иначе могут пострадать невинные люди, то есть ваши близкие.

– Я поняла, – буфетчица закивала головой, – сделаю, как вы скажете.

– Сейчас тихо, без единого звука, вы покинете наш радужный храм, чтобы ни в коем случае не выдать своё присутствие, радужная жрица не так терпелива в объяснениях, как я, запросто может повернуть всё вспять, тогда последствия обряда будут непредсказуемы. Я иду на сделку со своей совестью и не обмолвлюсь ни словом ей о вашем приезде, так же попрошу нашу третью молчать о вашем визите. Но наше молчание должно быть оплачено.

– Сколько? – Альбина полезла в сумку.

Таисия поколебалась минуту, борясь со своей совестью, и, положив руку на сумку Альбины, отрицательно покачала головой:

– Молчание – золото, вы слышали такую мудрость?

– Да-да, конечно.

Альбина судорожно сдёрнула пару колец с пальцев и протянула их Таисии. Взяв кольца, та небрежно бросила их на стол, получилось здорово – они упали по обе стороны от зажжённой свечи.

– А теперь тихо.

Таисия шагнула к двери и, услышав за ней сопение, потихоньку открыла, чтобы не свалить на пол подслушивающую Марковну. Вздрогнув, Марковна, как наскипидаренная черепаха, посеменила к своему креслу. Таисия снова прикрыла дверь, давая любопытной усесться, вернулась к столу, задула свечу и взяла Альбину за руку. Бедняжка от неожиданности вздрогнула и поднялась со стула. Выведя визитёршу за калитку, Таисия, сложив руки на животе, поклонилась ей и, приложив палец к губам, дала понять этим жестом, что слова прощания и благодарностей не нужны. Альбина, как курица задёргав головой, молча села в машину и рванула с места, будто боялась, что из дома выскочит сама радужная жрица и проклянет даже след от её машины. Хохоча, Таисия вернулась в дом и, как подкошенная, упала на диван.

– Да уж, Таисия, да ты – талант! – качала головой Марковна.

– я нам с тобой два кольца золотых заработала, размерчик, правда, не мой, придётся в мастерскую нести, а тебе, пожалуй, подойдёт. Только чур, я выбираю.

– Да ради бога, можешь оба перекатать, сроду у меня этих побрякушек не было, чего уж в старости начинать. Ты лучше Мадам предложи, вы мо-лодые, вам и красоваться.

– Ага, эта хапуга может у меня и моё отобрать.

– Не жадничай, она ведь на нас всех зарабатывает.

– Я не жадничаю, но кольцо первая выберу, – Таисия встала с дивана.

– Пойдёшь будить? Смотрю, не терпится рассказать, какой ты великий дипломат.

– А что? Имею право, сон её по пустякам не побеспокоила, сама разобралась.

– Да уж, это точно, лихо ты её отделала, – усмехнулась Марковна, – я, честно сказать, заперевивала, да и струхнула, ума не могла приложить, как себя вести. Не в драку же с ней вступать? Кто знает, что у неё за связи?

– Я такой контингент знаю, Марковна, с ними надо на их языке говорить, тогда всё в ёлку и получиться, – махнула рукой Таисия, – знаешь, сколько таких «грозных» я в своей жизни видела.

– Это работая бухгалтером-то? Первый раз слышу, что работа счетовода входит в список опасных.

– Если бы тебе всё рассказать о моей работе, никаких детективов не надо, – нахмурилась Таисия, – слышишь, машина подъехала? Кого ещё чёрт принёс?

Таисия подошла к окну и взвизгнула:

– Марковна, как я выгляжу?!

– А что? Кто-то чужой приехал? – Марковна перекрестилась, – неужто, буфетчица кого подослала?

– Нет, – Таисия захлопала в ладоши, повторяя детскую привычку Али.

– Телекомпания?! Интервью у тебя будут брать, как у радужной Жрицы чистых адептов?

Так ты причипурись.

– Это надо, губки подкрасить, – Таисия как заполошная забегала по комнате.

– Да кто там, бес тебе в ребро? – всплеснула руками Марковна.

– Точно подметила, это и есть мой бес в ребро, Лев приехал!

– О, господи, – Марковна перекрестилась, – какого рожна ему надо?

– Сейчас узнаем.

Таисия выскочила на улицу, накинув шикарную дублёнку с норковой отделкой. Она прекрасно на ней сидела, ещё больше стройнила и молодила. Аля приволокла на днях им здоровую сумку, в которой была дублёнка для Таисии, норковая шубка для Мадам и кожаное пальто для

Марковны. От денег отказалась наотрез «что я не могу своих „мамочек“ побаловать, тем более, что мне эти шмотки бесплатно достались, конфискат, друзья подогнали». «Интересные у тебя друзья, откуда такие знакомства у юной девочки?» спросила тогда Марковна, но Аля только мило улыбнулась и перевела разговор в другое русло. Рассказала, что мать, когда ходила ею беременная, оказывается, родила её раньше срока. В консультации ставили срок 31 октября, но 9 сентября умирает Алина бабушка по материнской линии, и у женщины с горя начались схватки, её прямо от гроба увезли в роддом. Вот так, Аля семимесячной и родилась. Марковна тогда тоже решила рассказать историю своего появления на свет. Её отец был военным, приехал на один день как раз с 31 октября на 1 ноября. В эту ночь отец с матерью и «заделали» Марковну. Утром он уехал, прямо с парада на Красной площади их отправили на фронт, где через несколько месяцев, он и пропал без вести. Марковна родилась с 30 июня на 1 июля, но время было военное, сорок четвёртый год, эвакуация, документы потерялись и записала новорожденную в далёком ауле под Ашхабадом 15 июлем. Марковна сама не знала, зачем, поддавшись какому-то импульсу, рассказала своим товаркам об этом, она – заслуженная учительница, верующая в добро и справедливость, идущую от бога, а тут – шабаш ведьм, чертовщина, одним словом. «Да, девочки, если бы мы веков так несколько назад в Старом свете родились, нас бы точно на костре спалили» подытожила Мадам.

Таисия вернулась через десять минут и, на ходу, протараторила Марковне:

– Я уезжаю, когда вернусь, не знаю. Расскажи Мадам, как проснётся, про буфетчицу, думаю, она не вернётся, но, тем не менее, предупреждён-вооружён. Расскажи, как я её причесала, ты всё слышала?

– У меня прекрасный слух, – Марковна состроила ехидную гримасу.

– Это уж бесспорно, – засмеялась Таисия.

– И куда же это ты с этим бандюганом собралась? – покачала головой Марковна, – Таисия, как бы пожалеть не пришлось.

– Я что, замуж за него собралась? – пожала плечами Таисия, – так, для здоровья. Ты за меня не бойся, Марковна, я – женщина уже опытная, влюбляться ни в кого не собираюсь, хватит, наелась.

– Ну-ну, – Марковна махнула рукой, – не девочка уже, что тебя стыдить и предостерегать, сама думай.

– Вот и прекрасно, что мы понимаем друг друга, – крикнула Таисия уже из своей комнаты.

Через десять минут она вернулась в гостиную в джинсах в обтяжку, кофточке с глубоким декольте и в сапогах-ботфортах. Покрутившись пе-ред Марковной, она встала в позу манекенщицы, одна нога вперёд, рука на талии и ждала оценки.

– Ага, хороша, так хороша, в таких сапогах тебе ещё шпагу, шляпу с пером и точно Миледи из «Д, Артаньяна».

– Вот молодец ты, Марковна, всегда находишь красочные определения, я сейчас и правда, в бой собралась. В бой со старостью!

– А орудие-то не заржавело ещё? – расхохоталась Марковна.

– Оно у меня всегда начищено, надраено, и в любую минуту готово. А ты прямо и обзавидовалась.

– Ох, уж, зависть у меня только к чужому здоровью осталась.

– А я про здоровье и говорю, анекдот такой есть. Одесса, две бабы-соседки на балконе стоят, одна другой говорит: «видела, позавчера от тебя лётчик выходил» «Ну и что?» отвечает другая. «А вчера продавец с привоза». «Ну и что?». «А сегодня сантехник». «Вот, одно место у меня здоровое и то обзавидовались».

Марковна рассмеялась, а Таисия, подкрасив губы перед зеркалом, одела дублёрку, оглядела себя со всех сторон и, чмокнув Марковну в щёку, уже собралась выходить.

– Ты звони на мобильник, если надолго удержишься, чтобы мы не переживали, не с профессором интеллигентным уезжаешь.

– Да брось, Марковна, ничего такого, вы тоже брякните, если что. Да, хорошо, что задержала меня, Аля приедет, скажи, пусть моему канадскому знакомому чиркнёт пару строк, мол, «я соскучилась» и тому подобное.

Фотку его видела, красавчик, правда? Обещал денег на билет выслать, но как я своих подружек брошу? Вот если бы на всех, мы бы в Канаду смотали, посмотрели, что там к чему. Интернет всё-таки сильная вещь, весь мир, как на ладони.

– Вот, и там успела, а ты-то ему свою фотку послала? Годов тебе сколько написала?

– А я своих годов ни от кого не скрываю, тем более, что канадец этот всего на пару лет меня младше, но сохранился прекрасно и фотографию я ему свою послала, – Таисия прищурилась и прошептала, – правда, десятилетней давности.

– Ну, что ты будешь делать?! – захохотала Марковна, – и тут надула.

Иди уже, звони, прошу тебя.

– Всё, адьё, – Таисия послала Марковне воздушный поцелуй и выпорхнула за дверь.

Этот отъезд Таисии стал первым, но не последним. Она частенько пропадала со Львом то на день, то на два, а однажды три дня её не было дома, отдыхали компанией где-то за городом, на базе отдыха. Марковна с Мадам коротали время вдвоём, их навещала Аля, терпеливо обучала Марковну работе на компьютере, показала ей игры, Марковна влюбилась в «Tomb Rader» и целыми днями гоняла по клавишам. Мадам отдавала предпочтение книгам по психологии, прикупила всяких книжонок о мистике и что-то записывала в толстую тетрадь, а когда она кончилась, завела вторую. На вопросы, что пишет, отвечала: «Так, кое-какие пометки для себя, может, пригодятся».

– Так, Таисия, сегодня ты должна быть дома, – Марковна нахмурилась, – и на новый год, и на рождество и на крещение. И не возражай, это не просьба, это приказ.

– Ох, ты, командир какой, да я и сама сегодня никуда не собиралась, – пожала плечами Таисия.

– Хорошо, все эти праздники надо встречать в кругу семьи, или ты себе другую семью уже нашла?

– С Лёвушкой, что ли? Да брось ты, Марковна, он для меня только в постели хорош, а так, даже поговорить не о чём, читал мало, образования минимум, спортом больше занимался. А сегодня-то что за праздник?

– Рождество.

– Так ты сказала, что рождество шестого-седьмого января?

– Сегодня католическое рождество.

– А, ну да, мы же все праздники отмечаем.

– Аля – католичка, Мадам – православная, ты – мусульманка, значит, мы обязаны всё почитать, раз под одной крышей живём.

– А вы к какой вере принадлежите?

– Буддистка я, – толи в шутку, толи всерьёз, сказала Марковна.

– Ну, точно, ты китайскими мудростями живёшь, однозначно, буддистка.

За воротами послышался шум подъехавшей машины и Таисия выглянула в окно.

– Аля приехала, опять полные сумки тащит, чтобы мы без неё делали?

Пойду, помогу.

Хохоча, женщина и молодая девушка ввалились в дом, принеся с собой чистый, морозный воздух. Сумки были большими и тяжёлыми.

– Кормилица ты наша, была бы ты моей внучкой, я бы на старости лет горя не знала, всегда бы ты свою бабушку чем-нибудь баловала, – Марковна прослезилась.

– А разве вы меня не считаете своей внучкой? – Аля надула губки и часто захлопала ресницами, – ну, не обижайте меня, мы же договаривались – мамочка, бабулечка и прабабулечка. Что изменилось?

– Была бы она твоей внучкой, пошла бы учиться на учительницу и жила бы от зарплаты до зарплаты, пришлось бы тебе с пенсии ей на колготки давать.

– А ты не ехидничай, а то огрею своей клюкой.

Марковна подняла бадик и помахала им в воздухе, последнее время у неё чаще, чем раньше, отекали ноги, то ли сердце, то ли почки, идти в больницу на обследование она отказывалась наотрез. «Сколько проживу, всё моё, нечего на эту таблеточную химию деньги транжирить, станет неумоготу, посмотрим».

– Мадам, когда ты уже с ней сеанс проведёшь? Достала она своей клюкой, – громко пожаловалась Таисия, чтобы Мадам на кухне услышала, – давай, детка, потащили всё на кухню, там распакуем.

Стол накрыли быстро, Таисия достала из коробки красивый сервиз на шесть персон и похвасталась Але:

– Это мой Лёвушка мне подарил, не знаю, где он такой антиквариат взял, но явно не в свободной продаже. Чувствую, девки, скоро заживём мы на широкую ногу, ждут нас большие перемены и денежные тоже, мой бухгалтерский нюх меня не подводит никогда, или почти никогда.

– Ты, Таисия, всегда так ярко представляешь конечный результат, а забываешь о самом процессе. Ещё Альберт Эйнштейн говорил: «никогда не думай о будущем, оно приходит слишком быстро».

– Марковна, мы ещё не тостуем.

– А что, мои выражения только для тостов годятся? Их надо слушать, да в жизнь притворять.

– А мы и слушаем и притворяем, за стол!

Мадам зашла в гостиную с подносом в руках, на котором, источая умопомрачительный аромат, возлежала индейка.

– Мадам, да ты искусница? – всплеснула руками Марковна, – запах, вид, корочка поджаристая! Прощай, моя диета.

– Какое Рождество без индейки? Самое обязательное блюдо. Аля ещё всяких колбас да салатов привезла, пируем!

– Салаты сама делала, не поленилась, – гордо заявила Аля, – хотя в супермаркетах сейчас можно взять всё, что угодно.

– Марковна, о какой диете речь? – усмехнулась Таисия, – твоему аппетиту солдаты в армии позавидуют.

– А у меня, как у тебя, одно место здоровое, так ты и обзавидовалась, – съехидничала Марковна.

– Давайте ёлку зажжём! – Аля захлопала в ладошки, когда небольшая, натуральная ёлка засверкала огнями гирлянды, – и звезда наверху, как положено. Как я люблю новый год!

– Сейчас католическое рождество и на макушке ёлки должен сидеть ангел, но мы посоветски, со звездочкой.

– Когда я сказала Марковне, что хочу стать звездой, знаете, что она мне ответила? – засмеялась Аля, – « в чём загвоздка, дожись нового года, сядь на ёлку и станешь звездой». Я так благодарна богу, что он познакомил меня с вами.

От переполнявших её чувств, девушка, прижав руки к груди, даже прослезилась.

– Отставить слёзы, даже если они от радости, – нахмурилась Марковна, – так, девоньки, тост. Бог рассчитывает, какой длины будет жизнь, а уже мы сами – какой она будет ширины.

Стоя выпили по бокалу шампанского и приступили к закускам, нахваливали Алю, Мадам.

– После первой и второй, промежутки небольшой, – Таисия снова наполнила бокалы.

– А я знаю такое, не вовремя выпитая вторая – напрочь загубленная первая, – Марковна подняла бокал, – верить в бога, конечно, похвально, но как бы было хорошо, если и он так же верил в нас, как мы в него.

Аля пила со всеми наравне, но молодой организм – совершенная вещь, вино – будто воду переваривает. Женщины раскраснелись, а она – ни в одном глазу.

– А тосты только на религиозную тему должны в рождество звучать? —

Таисия откинулась на спинку стула, глядя себя по животу.

– Почему? Говори, что на душе, как мусульмане могут поздравить в католическое рождество? – хмыкнула Марковна.

– Так же горячо, как и буддисты, – развела руки в стороны Таисия, – Мадам, перекур?

– Идите на кухню курить, нас теперь два на два, – замахала на Таисию Марковна, – вернее, пять на два, Фунт, Бакс и Евра тоже живые, чего должны страдать?

– Марковна, ну чего ты? Даже астматичка Павловна нас не гоняла, мы форточку откроем, так вставить лень, – сморщила нос Таисия.

– Ладно, – быстро сдалась Марковна, – дымите, отгоняйте чертей от нашего стола.

– О, а это ты откуда взяла? – удивилась Мадам.

– Да у нас по соседству, когда мы в эвакуации жили, бабка с западной Украины жила, так она самосад такой едучий курила, мы, малявки, если рядом сидели, задыхались. Ей лет девяносто было, а шустрая о-го-го. Мы её спрашивали, зачем она такую гадость курит, она отвечала: « а как же, дитятки, мне от себя чертей отгонять, они, треклятые, только табачного дыма да кадила бояться».

– Марковна, как ты всё помнишь? Честно, удивляюсь и поклоняюсь твоему таланту, – Мадам, прижав руку к груди, кивнула головой.

– Благодаря вам он и не засох, вы – молодые, заряжаете меня своей энергией, как сказал один философ...

– Китайский? – улыбнулась Таисия.

– Может и китайский, не сбивай с мысли, – нахмурилась Марковна.

– Тебя собьёшь, – махнула рукой Таисия.

– Так вот, он сказал: «таланты берут вдохновение от людей, а гении от бога».

– За это надо выпить, – Мадам затушила сигарету, – то есть, за тебя, Марковна.

– Я уже давно поняла, зачем самой разбивать голову в раздумьях, когда есть к кому обратиться, вот она, – Таисия двумя руками указала на Марковну, – ходячая энциклопедия.

– Нет, моя дорогая, вот тебе и на это совет – нужно прислушиваться к чужому мнению в том случае, когда ты уважаешь человека, дающего советы, видишь, что он достиг философского равновесия, честен и справедлив в жизни, умный и прозорливый. Но редко можно встретить человека, в котором присутствуют все эти качества. А вообще, слушайте свои сердца, свои внутренние голоса, не идите наперекор своей совести, господни постулаты знайте, как «отче наш» и тогда ваши жизни могут стать примером для многих.

– Ой, Марковна, тебе бы массы за собой вести, – махнула рукой Таисия, – и чего в политику не пошла?

– Чтобы стать политиком, надо обладать двумя качествами – глухотой и болтливостью. У меня пока только последнее. Смейтесь, смейтесь, а я отвечу вам стихами « если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Это на сегодня всё.

– Нет-нет, Зосечка Марковна, ну что, нам о шмотках и о мужиках говорить?! Про магическое вы при мне не разговариваете, – захныкала Аля, – спать ещё рано, а мне домой совсем

не хочется, так хоть умные речи послушать. Не прогоняйте меня и спать не отправляйте, я сегодня, пожалуй, первый раз в своей жизни чувствую себя счастливой. Миленькие мои, можно я вас всех расцелую?

– Так, мышонку больше не наливать, уже целоваться лезет.

– А что такого? Я же от всей души, правда, вы такие клёвые.

Все подпрыгнули от резкого и громкого стука в дверь.

– Матьер божья, кого принесло в такой час? – ахнула Марковна, – через забор что ли перелезли? Таисия, ты калитку на ключ закрывала?

– Да, – удивлённо выпучив глаза, сказала Таисия, – точно, через забор. Ну-ка, Мадам, Аля, хватайте, что под руку попадёт, Марковна, телефон бери, милицию вызывать надо.

Марковна, нацепив очки, взяла телефон, а остальные подкрались к двери.

– Открывайте, хозяева, гости к вам, не гоните в такую ночь! – раздался из-за двери знакомый голос.

– Батюшки, да это Димка мой, вот я ему задам, напугал, – всплеснула руками Марковна.

Таисия уже открыла дверь и гостиная стала тесной от пятерых подвыпивших мужчин.

– Дима, – Марковна подошла и обняла племянника, – каким ветром вас занесло? Где это вы так «нагулялись»?

– Мы из бани, к вам на сеанс.

– Какой сеанс? – Марковна удивлённо подняла брови.

– Эх, тётка, не ожидал от тебя такой скрытности, – покачал головой Дмитрий, – от посторонних людей узнал о ваших волшебствах. Могла бы и сама шепнуть, по-родственному.

– Родственные связи на финансовую сторону не влияют, – покачала головой Таисия.

– Да мы заплатим, правда, мужики?

– Да, да, – закивали головами друзья Дмитрия.

– Тогда я вам время назначу, после праздников, по одному, – хлопнула в ладоши Таисия.

– Нет, я сейчас их всех, по очереди приму, – спокойно сказала Мадам.

– Ну, это же долго! До утра, что ли, с ними валандаться? – всплеснула руками Таисия.

– По пять минут на каждого, Дмитрий первый.

Мадам развернулась и пошла в ту комнату, где принимала клиентов.

– Так, слушайте меня, с каждого по 999 рублей, – Таисия хлопнула в ладоши, привлекая внимание к себе.

– О, дороговато, – покачал головой Дмитрий, – у нас только тысячные купюры, что и сдачи рубль дадите? Или у попа сдачи не бывает?

– А с тебя вообще триста тысяч, – пожала плечами Таисия.

– О как, за что? По миру решили меня пустить? Я таких денег и не видел.

– За то, что в такую ночь балаган устроил.

– Сказано – сделано, я расплачусь, как только банк ограблю, годиться?

– Дмитрий протянул Таисии руку.

– Дима, ну что ты болтаешь? – Марковна покачала головой, – Таисия, зачем ты человека в неловкое положение ставишь?

– А он думал волшебство за три рубля купить можно? – удивлённо спросила Таисия, – люди, что тебе на ухо шепнули, не сказали, как сеанс им помог? Какие деньги можно пожалеть за здоровье и успех?

– Ваша правда, сударыня, – Дмитрий поцеловал руку Таисии, та приосанилась, – думаю, вопрос о деньгах мы решим.

– Конечно, – в четыре голоса подтвердили друзья Дмитрия, – скинемся, поможем.

– Вот, хорошо иметь верных друзей, – Дмитрий хлопнул каждого мужчину по выставленным вперёд ладоням, – ну, я пошёл.

Мадам встречала Дмитрия в дверях, в одной руке у неё было зеркало в рамке с ручкой, в другой свеча. В комнате был полумрак и тишина.

– Значит, Дмитрий, говоришь, погадать тебе?

– Ага, уж очень хочется узнать всю правду, – хмыкнул Дмитрий.

– Что ж, твоя воля, залезай на стол...

– А это для чего? – в голосе Дмитрия появилось любопытство.

– Чтобы быть ближе к звёздам, – на полном серьёзе ответила Мадам.

Дмитрий, покачав головой, залез на стол.

– В одну руку бери зеркало, а в другую, – Мадам взяла коробку каминных спичек, зажгла свечу и протянула её Дмитрию, – теперь, сосредоточься, держи свечу так, чтобы она освещала тебя в зеркале, смотри на своё отражение и повторяй за мной. «Свет мой зеркальце, скажи»

– «Свет мой зеркальце скажи» – послушно повторил Дмитрий.

– «Да всю правду доложи», – Мадам едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться, она уже знала, что скажет дальше.

Дмитрий повторил.

– «И ответь на мой вопрос»

– И ответь на мой вопрос, – видимо, Дмитрий уже проникся ответственность момента, поэтому говорил спокойным, чётким голосом, в котором появилось ожидание.

– «Какой х... меня сюда занёс».

Повисла минутная пауза, Мадам наблюдала за реакцией Дмитрия, стоя напротив него. Сначала у Дмитрия от изумления расширились глаза, потом он их закрыл, дрогнули губы и уже, слезая со стола, Дмитрий, смешно, по-детски, захихикал.

– Вот спасибо, теперь я всё про себя знаю, – Дмитрий, глядя в глаза Мадам, взял её за руку и ехидно улыбнулся, – следующего звать? Пусть, поганцы, тоже правду про себя послушают, сами напросились.

– Зови, – Мадам улыбнулась и пожала плечами.

Каждый выходил с серьёзным лицом, ничем не выражая свои чувства. Когда из «комнаты магии» вышел последний, мужчины переглянулись и стены дома содрогнулись от дружного хохота. Марковна, Аля и Таисия с удивлением смотрели на здоровых, солидных мужиков, которые сейчас, будто сбросили свои года, и смеялись так, как могут смеяться только дети, откровенно, чисто до слёз. В гостиную зашла Мадам и невозмутимо пригласила всех к столу.

Первый раз в этом доме было так шумно. Застольный гомон напугал кошачье семейство, каждый из котов счёл своим долгом заглянуть из-за угла в гостиную и, подняв шерсть на загривке дыбом, хвост трубой, умчались прятаться на второй этаж.

– Да, мои дорогие женщины, подняли вы нам сегодня настроение изрядно, – подвыпивший, а может, просто расслабленный Дмитрий говорил, растягивая слова, – я, было, напрягся, когда Мадам сказала на стол залезть, думаю, сейчас потеряю равновесие и грохнусь со всей дури об пол. Вражеская пуля не достала, а тут... Видел бы ты, Константин, свою физиономию до и после гадания.

– Да ладно, – махнул рукой Константин, симпатичный молодой мужчина, лет двадцати семи, – я – военный, сказали идти – иду, сказали молчать – молчу.

Он искоса бросал взгляды на Алю, та кокетничала, его внимание ей нравилось.

– А вы, Саньки, – продолжал Дмитрий, – губы пораскатывали, что сейчас вам такое расскажут. Представляю, Сан Саныч, тебя, с твоими габаритами, вскарабкивающегося на стол.

В этой компании было аж три Александра, Таисия строила глазки всем троим, не обращая внимания на гневные взгляды Марковны.

– В компаниях, когда вас зовут, вы все трое оборачиваетесь?

– Это – военная тайна, но вам, красавица, без пыток открою секрет, – Дмитрию указал на мужчину лет сорока, – это Шурик, как в «Кавказской пленнице» он тоже очки носит, а сейчас линзы вставил.

Шурик показал Дмитрию кулак, мол, «зачем тайны выдаёшь?».

– Вот этот, который вашу птицу за обе щёки уплетает, боюсь, не только на завтра не останется, но и сегодня не все смогут попробовать, – Дмитрий постучал вилкой о бокал, – зовётся между нами «Винни Пух», а так, Сан Саныч.

Сан Саныч, который услышал сквозь застольный гам слова Дмитрия, погрозил ему пальцем.

– А эта «верста коломенская», не иначе до генерала дослужится, мог бы и до маршала, но как мы знаем, у маршала есть свои дети, – Дмитрий рассмеялся, – Александр Николаевич.

Александр Николаевич вёл себя спокойно, не привлекал к себе внимания, лет ему было тридцать с небольшим.

– Вот так, все мы друзья и здесь друг друга в обиду не дадим, и там, – Дмитрий неопределённо показал пальцем себе за спину, – в одной связке, где солёный пот вперемешку со сладкой кровью, плечо подставим.

Дмитрий замолчал, поняв, что сказал уже слишком многое.

– Марковна, скажи мне, тётка моя любимая, бывала ли ты за границей за всё своё житьё-бытьё?

– В Польше была, – гордо сообщила Марковна.

– Курица – не птица, Польша – не граница, – Дмитрий хлопнул себя по коленкам и одной рукой приобнял Марковну, – бедная ты моя, всю жизнь с детьми провозилась, а мир так и не повидала. Сударыни, а из вас кто-нибудь побывал в других странах?

Ни Мадам, ни Таисии похвастать было не чем, а вот Аля, немного сконфуженно, оглядела присутствующих и, решив для себя что-то, сказала:

– Я была.

– И где? – заинтересовался Дмитрий.

– В разных местах, – пожав плечами, ответила Аля.

– И на Украине бывали? – с подковыркой в голосе спросил Дмитрий.

– И в Англии, и в Германии, и в Аргентине...

Аля несколько минут перечисляла маленькие и большие страны, города и округа, чуть не вся география, предпоследний Токио и добавила:

– А Китай для меня вообще – второй дом.

Повисла пауза, все с удивлением смотрели на Алю. Первым опомнился Дмитрий.

– Когда успела? Тебе сколько лет, деточка?

– Восемнадцать, – радостно сообщила Аля.

– Это ты всё во сне видела или в школе у тебя пятёрка с плюсом по географии была? – усмехнулся Дмитрий, – хотя нет, думаю, у тебя над твоей кроватью карта мира висела и ты перед сном все названия читала и запоминала.

– По географии у меня было четыре, а над кроватью, на стене всегда висел персидский ковёр, – обиженно надула губы Аля, Константин укоризненно посмотрел на Дмитрия.

– Ну, не дуй свои прелестные губки, я – военный и умею рассчитывать расстояния, чтобы в твоём возрасте побывать в стольких местах, надо на реактивном самолёте летать.

– Нет, я на «Боинге» всегда летала, с трёх лет, спасибо папе, – Аля не умела долго обижаться.

– А кто у нас папа? – прищурившись, спросил Дмитрий.

– «Боинг», – Аля прищурилась в ответ.

– Понимаю, – нахмурил брови Дмитрий, а потом засмеялся, – военная тайна. И сколько, дитя моё, вы языков выучили за свои путешествия? Английский, французский со словарём и, пожалуй, немного испанский, я угадал?

– Ещё штук десять и диалекты.

– Не хорошо обманывать, – погрозил пальцем Дмитрий и тут Аля, вой-дя в азарт, скороговоркой выпалила фразы на нескольких языках, причём, по произношению было понятно – языки она знает, действительно, в со-вершенстве.

– Ну, деточка, удивила, – Дмитрий развёл руками, – как же это в такой маленькой, симпатичной головке столько умещается?

– Слушай, Дим, ну что ты к девушке пристал? – вмешался Константин.

– Правда, в нашем обществе есть и другие дамы, – Таисия выпрямила спину, выставив вперёд высокую грудь.

– О, сударыня, это бесспорно, – Сан Саныч поднял бокал и поднёс к бокалу Таисии, – давайте поблагодарим гостеприимных хозяек.

Все обрадовались, чокнулись, отпили, кто по глотку, кто по целому бокалу. Снова начался застольный гомон, только Дмитрий так и не унимался, пристально смотря на Алю.

– Так что на счёт моего вопроса?

Аля, было, уже обрадовалась, что к её персоне интерес потерян, после настойчивого вопроса Дмитрия, её личико исказилось, будто от зубной боли.

– Просто я – феномен, по мне диссертации защищали и газеты обо мне писали, я языки не учу, на раз запоминаю, вы-то сами как большие тексты запоминаете, едва пробежав их глазами...

Только Мадам заметила, как побледнело лицо Али, когда она выпалила эту фразу и от удивления «вытянулось» лицо Дмитрия. «Интересно, что она имела ввиду» удивилась Мадам и, заметив, что девчонка сейчас расплачется, захлопала в ладоши:

– Господа, скажите-ка мне, кто вам такую чушь шепнул, что мы тут гаданием занимаемся?

Аля, с благодарностью посмотрела на Мадам, реакция Дмитрия последовала мгновенно:

– Запоите нас до смерти, но своих источников мы не продадим.

– Как в анекдоте «цыган родину не продаёт», – засмеялась Таисия.

– Потому что у него её нет, – добавила Марковна.

Довольно пьяненький Шурик наконец-то вступил в общий разговор:

– Я тоже анекдот про цыган знаю, поймали одного зазевавшегося цыгана, следовательно спрашивает, куда делся колхозный табун лошадей и табор. Тот, со слезами на глазах, призывая в свидетели местных осёдлых цыган, рассказывает следующее: «вчера вечером ваши кони – злоумышленники, грубо и злобно ржа, уносили на своих спинах весь мой перепуганный табор в неизвестном направлении».

Общий смех очередным анекдотом прервал Дмитрий:

– Слушайте, рассказывает один охотник другому, как шёл со своей собакой по лесу и мечтал найти берлогу медведя, чтобы добыть себе знатный трофей. «Нашёл», говорит, «обрадовался, тут же полез в медвежью лёжку, включил фонарик, осмотрелся, и тут, чувствую, кто-то мне на плечи лапы положил. Повернулся, вижу, это мой пёс, Филька, всё понимаю, а с...ть перестать не могу».

– Дима, ну как тебе не стыдно? – сквозь смех поморщилась Марковна, – здесь воспитанные дамы, отставить солдафонский юмор.

– Простите, сударыни, что-то я и правда переборщил, мы всё больше в чисто мужской компании отдыхаем, вот я и по привычке.

– Марковна, да чего ты, а то мы сами меж собой скабрёзных анекдотов не рассказываем? – Таисия встала на сторону Дмитрия.

Марковна, глядя, как племянника развозит всё больше и больше, демонстративно посмотрела на часы.

– А вот ещё, – не унимался Дмитрий, – останавливают на таможне блондинку и спрашивают: «колющие, режущие предметы есть?». Она морщит свой прекрасный носик и тихо отвечает: «есть, стринги».

Женская половина компании хихикнула.

– На каких умственных задворках, Дима, ты откопал свой интеллект?

Может, хватит бомжевать на обочине разума?

– Ну, начались нравоучения, – Дмитрий махнул рукой, – я теперь не тот пацан, которого ты умными речами донимала. Теперь ты меня врасплох не застанешь, слушай, «с точки зрения банальной эрудиции не каждый здравомыслящий индивидуум может понять парадоксальность иллюзий». Всё, всё, не прожигай меня своими очами, – Дмитрий встал и обнял Марковну, – уже ухожу, а то по шее получу и подвиг свой не совершу. Так, святая троица Сашек, рассчитайся по порядку, Константин, хватит девчонке на ушко нежности шептать, вон она как зарделась.

– А Константин берёт гитару и тихим голосом поёт, – довольно приятным голосом пропел слова известной песни Шурик.

– Знаем мы эти песни, – погрозил пальцем Дмитрий, – жениться надумал?

– А что? – Константин с нежностью посмотрел на Алю, – вон какая красота и умница.

– Не советую, молодая жена сначала бьёт в сердце, потом по карману и вылетает боком.

– Не в тему, командир, это подходит к старичкам, кто на молодых жениться, у нас всё может получиться ладно и безболезненно.

– Отставить «под шафе» голову девушке морочить! На трезвую голову такие дела делаются, а сейчас, – скомандовал Дмитрий, – шагом марш за старшими по званию.

Прощались у калитки ещё долго. Александр Николаевич рассказывал Мадам свою версию из раздела того, как «космические корабли бороздят просторы Большого театра». Мадам терпеливо слушала, улыбалась и аккуратно, но настойчиво убирала руку мужчины то со своей талии, то с плеча. Шурик и Сан Саныч обещали Таисии золотые горы, в том смысле, когда найдут эти горы. Дмитрий целовал в щёки и крепко обнимал свою тётку, вслух благодаря бога, что она у него есть. Константин, сжимая руку Али, что-то тихонько говорил ей на ушко, девушка смущалась, а иногда посмеивалась.

– Да, уважаемая колдунья, хотел у вас спросить, неужели это правда, что когда чёрная кошка перебегает дорогу – плохая примета. Вроде, мы неплохо посидели-погудели?

– Вот что я скажу тебе, Дмитрий, – Мадам сделала серьёзное лицо, – са-мая плохая примета, это когда чёрная кошка разобьёт старинное зеркало пустым ведром.

Мужчины нахмурились, каждый шевелил губами, повторяя то, что сказала Мадам, потом все дружно расхохотались.

– Всё шутишь? А мне рассказали о тебе, как о серьёзной провидице и ворожее.

– Так они пошутили или хотели обмануть тебя, ищи завистников в своём окружении.

– Да вроде нет у меня таковых, – задумался Дмитрий, но махнул рукой, будто отогнал назревшие подозрения, – на деньги, что с нас «сняли» цветов себе купите, вина на похмел.

– Вот, молодец, что ж я вас с пустыми руками отпускаю? – спохватилась Марковна, – Алечка, принеси, пожалуйста, нашим гостям каждому по бутылке нашего вина, да конфет в кулёк Алёшке положи, он сладкое любит, от бабушки гостинец. Слушайте, ребятки, а как же вы поедете? Все в подпитии, давайте, такси вам вызовем, машину потом заберёте.

– Нет, тётка, мы в норме, а за рулём Николаевич поедет, он всегда пьёт мало, так, для вида, поэтому навсегда назначен нашим развозчиком.

Таисия, Мадам и Марковна дождались, пока машина скроется за поворотом и вернулись в дом.

– Вот что значит молодость, – всплеснула руками Марковна, – уже и стол прибрала и пол смахнула. Нельзя, когда гости уходят, полы мести.

Марковна укоризненно покачала головой.

– Это, Марковна, когда с приговорами, то плохо, а когда для чистоты и порядка, наоборот, гостям дорогу в их дома очищаешь.

– Так старые люди в моём детстве говорили, но твоя версия мне больше нравится, – Марковна зевнула и села в своё любимое кресло, – ух, не для старух такие ночные посиделки, я – жаворонок, рано ложиться, рано вставать, а с вами, на старости лет, совой станешь. А где Таисия?

– По телефону со своим хахалем треплется.

– В такую рань? – удивилась Марковна.

– Урки в это время как раз с работы приходят, – Мадам сконфузилась, как-то грубовато получилось.

– Я давно заметила – недолюбливаешь ты его, поделись, что тебя смущает, – попросила Марковна.

– Не знаю, – пожала плечами Мадам.

– Может, завидуешь? – прищурилась Марковна.

– Вот ещё.

– Ну, ладно, я так спросила, Аля, – Марковна увидела входящую с кружкой чая в руках девушку, – а как тебе Константин, понравился?

– Мужик как мужик, – пожала плечами Аля.

– Так, понятно, значит, в любовной эйфории у нас одна Таисия пребывает.

– Так, чего вы тут мне кости моете? – Таисия, подбоченившись, сердито оглядела всех.

– А ты одна у нас – «кремлёвская мечтательница», – Мадам закурила.

– Чего это?

– Она имеет ввиду, что так когда-то Герберт Уэлс назвал Ленина, когда встречался с ним, – окунулась в историю Марковна, – теперь это выражение стало определением того, что не все мечты сбываются.

– А что это ты, Мадам, с таким сарказмом к моему приключению относишься? Мы с тобой – одно целое.

– С какого перепуга? – буркнула Мадам, – между нами огромная разница, ты мечтаешь, чтобы убежать от реальности, а я живу в этой реальности, не искушая свой разум пустыми мечтами.

– Какая муха тебя укусила? – Таисия сдвинула брови к переносице, а потом махнула рукой, – у меня хорошее настроение и я не хочу портить его перебранкой, пора нам с тобой научиться сглаживать острые углы и обходить затхлые тупики.

– Иногда об эти острые углы надо лбом ударяться, чтобы в чувство себя привести.

В голосе Мадам были нотки, присутствие которых было знакомо уже даже Але. Переводя взгляд с Таисии на Мадам, она отхлебнула глоток чая и сказала:

– Вижу, начинается буря, пойду-ка я от греха подальше.

Когда шаги Али затихли на втором этаже, Марковна спросила:

– Мадам, говори, какая шлея тебе под хвост попала?

Мадам, будто ждала этого, начала говорить тихо и быстро, голос дрожал:

– Не знаю, девчата, может и, правда, у меня какой-то дар есть. Марковна, ты, милая, выслушай, но не бери близко к сердцу, чёрт знает, что вдруг за странность такая.

– Да говори же, в конце концов! – всплеснула руками Марковна, – чего кот за хвост тянешь?

– Когда я Дмитрия позвала, только он на стол взобрался, перед моими глазами неприятная картина появилась. Увидела я вашего Алёшку связанным по рукам и ногам, глаза полные ужаса, а вокруг него волки ходят.

– Господи, – Марковна перекрестилась, – что за гадости ты рассказываешь?

– Тише, – Таисия прикрикнула на бедную старуху, которой такое не то что представить, слышать было страшно, Марковна полезла в карман за платком.

– А потом картина сменилась, – Мадам не могла смотреть на Марковну, поэтому смотрела в пол, – увидела я Дмитрия, стоял он в парке, снег вокруг чёрный, как весной, возле его ног большой мешок. К нему подошел... – Мадам подняла глаза на Таисию, – твой Лева.

– Обалдела что ли?! – топнула ногой Таисия, – его-то зачем в свои бредни приписываешь?!

– Я никого не приписываю, – нахмурилась Мадам и снова опустила взгляд в пол, – Дмитрий подтащил к ногам Льва мешок, развязал его, а там – мясо тухлое, всё в червях.

– Фу, – сморщилась Таисия, – чушь какая и мерзость.

Губы Марковны шевелились, Мадам прислушалась – старуха молилась. Но это был ещё не конец рассказа, Мадам перевела дыхание и продолжила:

– Лев ухмыльнулся, взвалил этот мешок на спину и, обернувшись шакалом, убежал. К чему это видение, сама не пойму. Дмитрию я ничего не сказала, чего человека пугать, раз сама не понимаю, что видела.

– А и нечего голову ломать, бред собачий, читаешь всякую хреновину фрейдовскую, вот и бредишь наяву, – махнула рукой Таисия, – Марковна, ты чего это? Мадам, давай таблетки, смотри, она сейчас в обморок хлопнется, нам ещё покойника под новый год не хватало. Так бы оттаскала тебя за волосья, могла бы только мне рассказать, чего старуху пугать?! Чёрт тебя подери со своими фокусами!

Таисия метнулась к шкафчику, в котором у них лежали лекарства, достала две таблетки, налила в стакан воды и, всучив Марковне стакан, чуть ли не силком засунула лекарство в её полураскрытый рот. Несколько минут, Таисия заставляла Марковну пить воду мелкими глотками. Прошло ещё какое-то время, Марковна пришла в себя, голос был тихим, но слова грубыми:

– Вообразила себя великой провидицей, типун тебе с арбуз на язык, охреневшая жрица радужная, ты вообще соображаешь, что говоришь? Какого чёрта вслух такую ахиною нести? Классику надо читать, а не берд сумасшедших параноиков.

– Марковна, да чем же я виновата? – сморщилась Мадам, – говорю, что мне показали.

– Кто показал? За двадцать лет в своей психушке сама чокнулась, вот сейчас и выплыло наружу твоё безумие. Кому ж нормальному в голову такое придёт? – прохрипела Марковна

– Марковна, я понимаю, что напугала тебя, но...

– Да отстань ты, – Марковна расплакалась, – идите спать.

– Ты прекращай мне, – Таисия обняла рыдающую женщину, – мы – одно целое и беды у нас одни на всех, можно конечно и наплевать на всё, что сказала Мадам, но чем чёрт не шутит, пока господь спит. Надо будет Димке твоему позвонить, сюда позвать, так, мол, и так, аккуратненько предупредить. Никто из нас толком не знает, чем он в своём офицерстве занимается.

– Я согласна с Таисией, ты же не знаешь, Марковна, что за командировки у него случаются.

– Бросьте, по гарнизонам с проверками ездит, на призывные пункты, новобранцев проверяет, как он мне рассказывал.

– Может и так, – нахмурилась Таисия, – да кто ж тебе правду скажет? У людей их образ жизни определённый отпечаток на лице оставляет, не простой твой Дмитрий и друзья у него не простые. Ты давай, матушка, тоже спать ложись, на-ка вот ещё таблеточку.

– У меня душа болит, а для неё, родимой, таблеток ещё не придумали, – Марковна всё-таки выпила предложенную Таисией таблетку, – всякого рода трагедии на планете Земля ненасытны и бесконечны. Пусть тех, кого я люблю, они обойдут стороной и свалятся на мою голову, мне уже можно, старая. Вы идите, я тут, в кресле посижу, какой теперь сон?

Таисия укоризненно посмотрела на Мадам, махнула рукой и пошла в свою комнату. Мадам посидела ещё немного, потом подошла к Марковне, через спинку кресла обняла её и, поцеловав в мокрую от слёз щёку, прошептала:

– Прости меня, Марковна.

– Да бог с тобой, девочка, я тебя ни в чём не виню, – Марковна похлопала Мадам по руке, – нельзя винить человека за то, что происходит с ним по велению судьбы и Создателя.

Марковна тупо смотрела в середину включённого телевизионного экрана и вряд ли улавливала смысл меняющихся кадров. С двери потянуло холодом и она, зябко поёжившись, подумала: «надо в постель, Евру не видно, вдруг в открытую дверь на улицу шмыгнула, надо позвать». Поворачивая голову в поисках пульта от телевизора, Марковна скользнула взглядом в зеркало и обомлела – в зеркальном отражении за столом, на своём привычном месте сидела ... Павловна. Холод пробежал по позвоночнику Марковны и жаркой волной ударил в левый висок. Чтобы повер-нуться и удостовериться воотчую в правдивости видения в зеркале не могло быть и речи – тело Марковны задервенело, а что говорить о голосе? Горло перехватило, во рту – будто с самого дикого похмелья, сушь пустынная. Единственное, на что хватило мужества Марковны, так это подумать: « не иначе, за мной пришла, подружка». Фантом Павловны, словно, услышал мысленное предположение Марковны, отрицательно покачал головой, чем привёл последнюю в абсолютную протрацию. И тут, в голове Марковны зазвучал голос покойницы, точь-в-точь как при жизни, с хрипотцой и свистом: «проведать вас пришла, соскучилась и предупредить, всё, что скоро произойдёт, не изменишь, всё записано в судьбах многих людей. Где я, там хорошо, но тебе ещё рано, не заслужила билет в мою сторону, Мадам передай, пусть не забрасывает своё учение, раз раньше времени не хватало, оно может и к лучшему, теперь мозги созрели, значит, многое получится в жизнь притворить. Таисии скажи, я приказываю ей чёрные очки на людях носить и не снимать без особой надобности. Аля пусть ответы на свои вопросы в воде ищет, там они. А ты на билет зарабатывай и помни, что не убивает человека в жизни, даёт ему шанс окрепнуть перед дальней дорогой».

Неподвижные веки Марковны по чьему-то приказу дёрнулись – она моргнула и, поняв, что только на это движение способно её тело, тут же открыла глаза. Никакого отражения в зеркале не было, да и за столом естественно. Несколько минут Марковна приходила в себя, и только потом способность соображать адекватно вернулась к ней. «Вот так дела! Голову дам на отсечение – всё так и было. Кто бы рассказал что-то подобное – на смех бы подняла, впрочем, только что с Мадам это и сделала. Просто верить не хочется в то, что она говорит, вот защитная реакция и последовала. Значит, есть-таки что-то потустороннее, вот и видение Павловны – этому подтверждение, даже про Алю знает и даже то, что эта девочка что-то ищет, вот только что? В воде, передам, что Павловна сказала, пусть сама разбирается. Как проснуться все, соберёмся за столом, всё им расскажу, пусть как хотят, так и думают, хоть и пальцем у виска крутят. Павловна дала понять, что наша компания из четырёх человек – самое то, что надо. Не правы в этот раз китайские мудрецы: «шагает тот быстрее, кто идёт один».

– Еврушка, где ты была? – Марковна погладила кошку, запрыгнувшую ей на колени, – не зря говорят, что кошки призраков видят, только «ушла» Павловна, ты и появилась. Слушай, только сейчас до меня и дошло, Таисия перед самым ужином это зеркало сюда притащила, я ещё спросила её «чего такую тяжесть таскаешь?». Она плечами пожала и отмахнулась:

«а бог его знает, на Рождество гадают, может, мы с девками подопьём да за карты возьмёмся». Так и не взялись, Дмитрий приехал, а всё одно пригодилось. И где его Димка нашёл, старинное, рама красивая?

Марковна, держа кошку на руках, подошла к зеркалу, провела по нему рукой, вглядываясь в своё отражение, постояла недолго. Вздохнула и, погружённая в смутные мысли, ушла в свою спальню.

Когда все собрались за столом и Марковна подробно рассказала своё видение, её невероятный рассказ выслушали молча. Первая откликнулась Мадам:

– Ты, Марковна, на своём опыте убедились – я из ума не выжила.

– И ты меня прости, девочка, что «полкана» на тебя спустила.

– Нет ничего достовернее, чем сама достоверность, – глубокомысленно изрекла Аля, а потом, по обыкновению, захлопала в ладоши, – вот и славно, а то я от любопытства в постели часами ворочаюсь, когда вы меня спать отсылаете, а сами тут шушукаетесь. Подслушивать привычки не имею, да и воспитание не позволяет.

– А чего это ты, вертихвостка, в воде ищешь?

Таисия ехидно прищурилась, признание Али в собственном любопытстве ей не понравилось, она вообще относилась к этой девице прохладно. Аля вызывающе посмотрела на Таисию, Марковна и Мадам даже переглянулись, ожидая развязки этого поединка.

– Как найду клад в бермудском треугольнике, поделюсь, а вы про очки не забывайте, мне по барабану жгучий взгляд ваших гляделок.

– Ах, ты, пигалица профурсеточная! – всплеснула руками Таисия, – ишь ты, «гляделок», пригрели, девчата, на своей груди хамку.

– Да перестаньте вы, – с досадой в голосе сказала Мадам и подвела черту, – вот и доигрались мы, повальным сумасшествием это не назовёшь, надо теперь осторожней и внимательней к себе относиться, лишнего не болтать, но и друг от друга не утаивать, если что видеть или слышать будем, всё нам пригодиться. Зерно от плевел мы, взрослые люди, всегда отличить сумеем. Давайте-ка выпьем, а то на воспалённую голову трезвость мыслей не ложиться.

Едва подняли наполненные бокалы, как Марковна, прислушавшись, сказала:

– Кто-то подъехал, кого нелёгкая принесла?

– Вы сидите, нечего всем к дверям бежать, как при пожаре, вдруг, это мой Лёвушка приехал, хотя сегодня мы не договаривались.

Таисия, идя по дорожке к калитке, узнала машину буфетчицы. Визитерша не выходила, но двигатель был выключен. «Чего опять припёрлась, не сидится ей, корова старая, ты-то мне под горячую руку и нужна, только вякни опять про свою тоску-печаль, я тебе расскажу о настоящем людском горе» подумала Таисия, дёрнув ручку двери. Распахнув дверь пассажирского сидения, она села и, подняв удивлённо брови, спросила:

– Чем обязаны?

Альбина вздрогнула и, глядя сквозь лобовое стекло, тихо сказала:

– Спасибо, что прочувствовали моё состояние и вышли сами, спасибо вам.

Таисия опешила – такой горькой тоски в дрожащем человеческом голосе она не слышала очень давно. «Ба, да на ней сегодня и грамма штука-турки нет!? Кончилась, что ли?» удивилась Таисия.

– Я привезла деньги, 666 тысяч, как вы сказали, – Альбина протянула Таисии сумку, которую прижимала к груди.

– Надеюсь, пересчитывать не надо?

Таисия сама завидовала своему хладнокровию и будто слушала свой спокойный голос со стороны. «Чёрт, чёрт, чёрт, блин, блин, блин, Алля бессмилля, только чего-то она не радостная?»

– Если есть желание, можете рассказать подробности. Думаю, наши дорожки больше не пересекутся.

– Вы правильно думаете, на этом всё.

Альбина молчала несколько минут, Таисия терпеливо ждала, помня совет Павловны «человека не надо подгонять, расскажет всё сам, если захочет». Альбина хотела.

– Как вы и сказали, теперь он навеки мой, не изменит, не предаст, захочу – проведу, захочу- забуду.

Альбина разрыдалась, по-настоящему, по-бабски, искренне. Таисия почувствовала волну противного холодка по спине, но высказать своё предположение вслух не решилась. Альбина не стала долго мучить её.

– Утонул он там, на отдыхе, решил дайвером заделаться, что-то на дне случилось, вчера захоронили в закрытом гробу, я через третьих лиц помогала, у него одна бабка старенькая, ей бы не под силу было всё оформить. Уж как убивалась у гроба его девка, с которой он ездил, и за себя и за меня. Сами понимаете, мне там показаться невозможно было, я только сегодня на кладбище съездила, завтрак, как положено, отвезла. Сегодня кроме меня на его свежей могилке никого не было, будто мои ангелы дали мне возможность выплакать те слёзы, что я накопила за время, когда узнала о его гибели. Простила я и девку-разлучницу и его самого простила, вот только себя простить не могу, что к вам пришла. Скажите честно, умоляю вас, из-за моей глупости ничего с моей семьёй не случится?»

В голосе Альбины было столько страха, что Таисии стало искренне жаль несчастную женщину. Какой-то зверёк своей мохнатой лапкой сжал её сердце «вот чертовщина какая, что за чудовищные совпадения? Жаль пацана, хотя, кто знает, чем он перед Аллахом провинился?».

– Помните, вы приезжали в очках?

– Да, конечно, – кивнула головой Альбина.

– Отдайте их мне, в них слишком много негатива скопилось, пока вы в них за своим «Ромео» следили.

Альбина достала из бардачка стильный футляр и протянула его Таисии.

– Вы не ответили на мой вопрос по поводу семьи, – не выпуская футляр из рук, Альбина с тревогой смотрела на неё.

– Вы просили присушить парня по принципу «если не со мной, так не достанься никому». С вами ему быть нельзя было, вот духи и притворили в жизнь вторую часть вашего заказа. Рано или поздно, останься он при вас, ваша связь вылезла бы наружу и сердце вашего мужа не выдержало бы.

– Вы и про сердце знаете? – Альбина выпустила футляр из рук.

– Пошла бы наперекос судьба ваших детей, цепная реакция этого изменения вообще непредсказуема. Всё в этом мире взаимосвязано и наши необдуманные поступки могут навредить не только вашей карме, но и сотням, пожалуй, тысячам людей.

– О, господи, – Альбина положила руки на руль и уткнулась в них лицом, – какая же я дура, господи, прости меня. Какие черти привели меня в ваш дом? Как мне искупить всё это, мне страшно!

– Вы уже откупились, – Таисия хлопнула по сумке рукой, – радужная жрица принесёт подношения, в церковь идите, грехи свои благотворительностью искупайте. Прощайте.

Таисия вышла из машины и, не оборачиваясь, зашла во двор дома.

Только поднимаясь на крыльцо, услышала шум отъезжающей машины «жаль, не подоить нам больше эту гулящую лошадку. Ну, хоть доброе дело сделали, поставили, благодаря совпадениям, распутную бабу на путь исправления»

Таисия потрясла сумкой в воздухе, Марковна и Мадам переглянулись.

– Да – да, девочки, вы угадали.

Таисия больше нечего не сказала, пошла в комнату с зеркалом и через минуту вернулась в гостиную.

– Погиб её парнишка, утонул в море, вчера похоронили.

Марковна ахнула, Мадам нахмурилась.

– Весь мир не пережалеешь, давайте помянем, Мадам, ты помнишь, как его звали?

– Кирилл, – ответила Мадам, – прими, господи, душу новопреставленного раба твоего. Помолчали минуту.

– Это становится нехорошей традицией, вас это не пугает? – Мадам оглядела всех.

– Совпадения, не бери в голову, – махнула рукой Таисия.

– А если нет? – посмотрела на неё Мадам.

– Абсолютно.

– Давайте-ка, на стол всё, что со вчерашнего осталось, если мало, яичницу с беконом поджарьте, быстро и сытно, за столом и покумекаем.

От рождественского пиршества осталось довольно прилично, но яичницу всё-таки поджарили, быстро накрыли на стол, выпили по рюмочке, помянув Кирилла. Аля, надо отдать должное её терпению или просто боязни, что её не посвятят в великую тайну, помалкивала.

– Неужели мы вместе, чтобы творить злые дела? – Мадам задала себе вопрос вслух.

– Не дури, так распорядилась его судьба, – подняв вверх палец, сказала Таисия.

– Хорошо, если так, – покачала головой Мадам.

– Да что вы, – замахала руками Аля, – вы замечательны! Я, конечно, не понимаю, почему вы такие смурные.

– А и не надо тебе в наших делах копать, меньше знаешь, лучше спишь, – улыбнулась Марковна.

– Но ведь вы такие дела делаете! Вот я – пример, вы помогли мне из такого болота вылезти, если бы вы знали, что из себя представляет тот, кого я любила! Бр-р! А Максим! Он будто переродился.

– Ты, девочка, не путай божий дар с яичницей, – покачала головой Мадам, – я не буду рассказывать тебе свою кухню, вера движет человеком и плохо, когда он верит во всякие бредни, когда должен верить только в себя и в силу бога.

– Молодец, у меня есть тост, – Марковна решила сменить тему разговора, – никогда не думала, что на душе будет так спокойно и хорошо, когда четыре бабы под одной крышей и каждая со своей дыркой в голове. Во истину говорят – господни пути неисповедимы, ему видней, кто и с кем себя реализовать сможет по жизни, давайте, яичница остывает, а я люблю шипящую. Самое страшное неверие – это неверие в самого себя, вера во что-либо, ничто без веры в самого себя.

Выпили, закусили, немного поболтали на отвлечённые темы, но основная так и крутилась в головах собравшихся. Естественно, она должна была найти выход наружу и нашла. Горячо принялись обсуждать и прогнозировать, к чему могут привезти их «забавы», как объяснить и понять образ их жизни, что хорошо, что нет, от добра они выступают или зло взяло их в оборот.

– Слушайте меня, хоть не ответ, но может стать подсказкой. Мы живём в том времени и в том обществе, когда рождение и смерть поставлены на конвейерный поток нашим сознанием. Эйнштейн бы так охарактеризовал наше в целом поведение – относительное добро побеждает относительное зло. Так давайте выпьем за то, чтобы подольше продержаться в этом относительном равновесии, ведь как богу, так и нам интересно, чем всё закончится.

– За долголетие! – в один голос сказали все четверо.

Навели порядок в доме, Марковна бурчала, что по телевизору одну лабуду показывают. Согрели чай, собрались в гостиной, в атмосфере дома чувствовалась какая-то напряжённость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.